

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

3/2016 (37)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 9

Апатиты
2016

Труды Кольского научного центра РАН

3 / 2016

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

3/2016 (37)

издается с декабря 2010 г.

УДК 621.314

ISSN 2307-5252

ISBN 978-5-91137-334-4

Кольского научного центра

Главный редактор –
д.г.-м.н., проф. Ю.Л.Войтеховский

Заместители главного редактора:
д.г.-м.н., проф. В.П.Петров
д.т.н., проф. Б.В.Ефимов

Редакционный совет:
академик Г.Г.Матишов,
академик Н.Н.Мельников,
чл.-корр. В.К.Жиров,
чл.-корр. А.Н.Николаев,
д.э.н. Ф.Д.Ларичкин,
д.т.н. В.А.Маслобоев,
д.г.-м.н. В.П.Петров (зам. главного редактора),
д.т.н. В.А.Путилов,
д.ф.-м.н. Е.Д.Терещенко,
к.г.-м.н. А.Н.Виноградов (отв. секретарь)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 9

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д.г.-м.н. В.П.Петров (отв. редактор),
д.и.н. И.А.Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И.Ю.Винокурова,
д.филол.н. Н.В.Дранникова,
к.филол.н. Н.Н.Измоденова,
к.социол.н. Э.С.Клюкина,
д.э.н. Т.П.Скуфьина,
д.и.н. П.В.Федоров,
к.и.н. О.В.Шабалина,
к.и.н. О.А.Бодрова (секретарь)

184209, Мурманская область, г.Апатиты, ул. Ферсмана, ул. 14,
Кольский научный центр РАН
Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2016
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редколлегии серии «Гуманитарные исследования»	7
Разумова И. А. Формирование ландшафта памяти (на примере АПРК «Курск»).....	8
Сулейманова О. А. История повседневного быта северян в 1950-х – начале 1980-х гг. (по воспоминаниям жителей Мурманской области).....	22
Бусырева Е. В. История семей из южной Финляндии, проживающих на территории Мурманской области.....	31
Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье в 1939-1941 гг. Часть 2. 1940-1941 гг.....	45
Саморукова А. Г., Петров В. П. Социалистическое соревнование трех северных филиалов АН СССР как опыт координации межрегиональных академических исследований.....	59
Дюжилов С. А. Полярное земледелие: постановка проблемы и ее решение в 1920-е годы на Кольском Севере.....	71
Шех А. В. Современное школьное историческое образование в странах СНГ (на примере изучения темы «Перестройка в СССР»).....	88
Сауткин А. А. Заполярный город сквозь призму социологии воображения.....	93
Шачин С. В. Диалектика антропологии современного горожанина с позиции методологии Франкфуртской школы.....	103
Иванищева О. Н. Этнокультурная идентичность и язык (на материале языка коренного малочисленного народа).....	111
Бодрова О. А. Проблемы изучения фольклора кольских саамов....	116
Змеева О. В. Альтернативная история города глазами школьников: Романов-на-Мурмане – Мурманск.....	122

Шабалина О. В.	Урбанистический пейзаж Я. А. Комшилова: штрихи к историческому социокультурному портрету г. Мурманска.....	134
	Аспирантские тетради.....	145
Давыдова А. С.	Церковь в культурном пространстве малого арктического города.....	145
Обухов Я. В.	История религиозной жизни Кандалакши в советский период в воспоминаниях старожилов города.....	152
Зайцев А. А.	Религиозные процессы в среде саами Бабинского погоста: отражение в архивных источниках и литературе.....	159
	Научная жизнь.....	170
Змеева О. В.	X научная конференция «Краеведческие чтения»...	170
Разумова И. А.	Региональная научная конференция по антропологии арктического города.....	173
Бодрова О. А.	Научно-практическая конференция «Полярные чтения на ледоколе “Красин” – 2016. Культурное наследие в Арктике. Вопросы изучения, сохранения и популяризации».....	176
	Рецензии.....	180
Измоденова Н.Н.	Змеева Ольга Васильевна «Новый дом» вдали от Родины: этнические мигранты на Кольском Севере	180
	Ad Memoriam.....	183
Пация Е.Я.	Памяти Татьяны Васильевны Лукьянченко.....	183

Russian Academy of Sciences

3/2016 (37)

UDC 621.314
ISSN 2307-5252

transactions

Kola Science Centre

ISBN 978-5-91137-334-4

Editor-in-Chief –
Yu.L. Voitehovskiy, Dr.Sc. (Geology and Mineralogy)

Deputy Editors-in-Chief:
Prof. V.P. Petrov,
Prof. B.V. Efimov

Editorial Council:

Acad. G.G. Matishov,
Acad. N.N. Melnikov,
Cor. Member V.K. Zhironov,
Cor. Member A.N. Nikolaev,
Prof. F.D. Larichkin,
Prof. V.A. Masloboev,
Prof. V.P. Petrov (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. V.A. Putilov,
Prof. E.D. Tereshchenko,
Prof. A.N. Vinogradov (Executive Secretary)

**HUMANITARIAN
STUDIES**
series 9

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:

Prof. V.P. Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I.A. Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova,
Prof. N.V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N.N. Izmodenova,
PhD (Sociol.) E.S. Klyukina,
Prof. T.P. Skufina,
Prof. P.V. Fedorov,
PhD (History) O.V. Shabalina,
PhD (History) O.A. Bodrova (Secretary)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79393, 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2016
© Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences, 2016

CONTENTS

	Page
Editorial Note	7
Razumova I. A. Formation of the landscape of memory (in the case of APRK "Kursc").....	8
Suleymanova O. A. History of daily life of Northerners in the 1950 th – early 1980 th (on memories of inhabitants of Murmansk region)	22
Busyreva E. V. The family history of the migrants from the Southern regions of Finland in the Murmansk region.....	31
Makarova E. I., Petrov V. P., Tokarev A. D. The A.Ye. Fersman’s role in the conceptual development of the academician science in the Kola arctic region in 1939-1941. Part II. 1940-1941.....	45
Samorukova A. G., Petrov V. P. Socialistic competition among three northern departments of the USSR Academy of sciences as an experience to coordinate interregional scientific research	59
Dyuzhilov S. A. Polar agriculture: recognizing of the problem and its solution in the Kola North in the 1920s.....	71
Sheh A. V. Modern school history education in the CIS countries (on the example of the topic: "Perestroika in the USSR")	88
Sautkin A. A. Arctic city in the light of the sociological imagination.....	93
Shachin S. V. Dialectics of anthropology of modern citizens from a position of the methodology of the Frankfurt school.....	103
Ivanishcheva O. N. Ethnocultural identity and language (based on the language of indigenous peoples).....	111
Bodrova O. A. Problems in the study of the Kola Sami folklore Zmeyeva O.V. An alternative history of the city from the point of view of pupils: Romanov-on-Murman – Murmansk.....	116
Shabalina O. V. Ja. A. Komshilov’s urban landscape: touches to the historical sociocultural portrait of Murmansk town.....	122
O. V. Shabalina JA. A. KOMSHILOV’S Urban landscape: touches to the historical socio-cultural portrait of murmansk town.....	134

	Postgraduate Notebooks	145
Davydova A. S.	A church in the space of a small arctic town.....	145
Obuhov Ya. V.	The history of religious life in the memoirs of the long-standing inhabitants of Kandalaksha during the Soviet period.....	152
Zaytsev A. A.	The religious processes of the Sami in the Babinsky pogost: on the material of archive sources and literature	159
	Scientific Life	170
Zmeyeva O. V.	X conference "Local History Reading".....	170
Razumova I. A.	The regional conference on the arctic city anthropology	173
Bodrova O. A.	Scientific-practical conference «Polar Readings on the icebreaker "Krasin" – 2016. Cultural heritage in the Arctic. Studying, preserving and popularizing».....	176
	Reviews	180
Izmodenova N.N.	Zmeyeva Olga Vasiliyevna "The new home" far away from motherland: ethnic migrants in the Kola North.....	180
	Ad Memoriam	183
Patsia E.Ya.	In memory of Tatyana Vasiliyevna Lukyanchenko.....	183

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Девятый выпуск Трудов Кольского научного центра РАН (серия «Гуманитарные исследования») является результатом научно-исследовательской работы сотрудников Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН над темами НИР: «Изучение исторического опыта и процессов институционализации науки для обоснования геополитических и социокультурных императивов устойчивого развития Евро-Арктического региона»; «Этнический и религиозный факторы социокультурного развития Кольского Севера в XX – начале XXI вв.». Часть материалов подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по научному проекту № 15-11-51004 «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова». Совместно с исследователями из ФГБОУ ВО Мурманского арктического государственного университета, Мурманского областного краеведческого музея, Мурманского государственного технического университета, Кольского филиала Петрозаводского государственного университета сотрудниками ЦГП КНЦ РАН была подготовлена и проведена научная региональная конференция «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования», теоретические и практические результаты которой частично представлены в настоящем сборнике Трудов.

Сборник посвящен юбилейным событиям Мурманской области – 100-летию г. Мурманска, 85-летию г. Кировска и 50-летию г. Апатиты. Статьи, представленные в сборнике, в различных аспектах отражают вопросы, связанные с развитием социальных и гуманитарных исследований в Мурманской области. Особое внимание уделено методологическим проблемам в междисциплинарных исследованиях. Представлены результаты исследований социально-антропологического, исторического, этнологического и социологического профилей. Они основаны на современных полевых устно-исторических и документальных материалах, репрезентативных данных статистических и этносоциологических исследований. В статьях поднимаются актуальные вопросы развития региона, связанные с историческими, социально-демографическими, урбанистическими, этно-религиозными особенностями и традициями Кольского Заполярья.

УДК 623.827(470.21)

И. А. Разумова

ФОРМИРОВАНИЕ ЛАНДШАФТА ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ АПРК «КУРСК»)

Аннотация

В статье рассматривается в социально-антропологическом ракурсе деятельность по увековечению памяти погибших моряков на основе анализа случая – гибели экипажа атомного подводного крейсера «Курск» в августе 2000 г. Прагматические аспекты сохранения памяти связаны с интересами, политическими целями конкретных институтов. Пространственные координаты ландшафта памяти определяются географией индивидуальных захоронений и символической связью отдельных городов с погибшей субмариной, а также биографическими траекториями конкретных моряков. Статья основывается на комплексе источников, включающем опубликованные тексты и интернет-ресурсы.

Ключевые слова:

культурный ландшафт, социальная память, социальные общности, идентичность, мемориалы, памятники, АПРК «Курск».

I. A. Razumova

FORMATION OF THE LANDSCAPE OF MEMORY (IN THE CASE OF APRK "KURSK")

Abstract

The article examines from socio-anthropological perspective the activities to perpetuate the memory of the dead sailors on the base of case-analysis the death of the crew nuclear submarine "Kursk" in August 2000. Pragmatic aspects of the preservation memory associated with the interests, political objectives of specific institutions. The spatial coordinates of the landscape of memory is determined by the geography of individual grave sites and the symbolic relationship of individual cities with the lost submarine as well as biographical trajectories of sailors personally. The article is based on a set of sources, including published texts and online resources.

Key words:

cultural landscape, social memory, social community, identity, memorials, monuments, submarine "Kursk".

Управление памятью

Необходимость «увековечить память» определенного коллектива, погибшего при общих обстоятельствах, создает ряд проблем: социальных, культурных, психологических, технологических и иных. С одной стороны, формы сохранения памяти о людях естественным образом различаются. Одним из важных дифференцирующих факторов, наряду со статусными основаниями, является место упокоения конкретного человека. С другой стороны, группа людей, погибших совместно и по одной причине, представляется единым социальным субъектом, а с ритуальной точки зрения – коллективным объектом коммеморативных действий. В каждом случае имеет значение, какой символический статус присваивается данному объекту и в масштабе каких общностей, институтов он имеет смысл. Память, как и история, инструментальны и управляемы [Making Histories, 1982: 205-252; Rowlinson & other, 2010 и др.]. Прагматические аспекты сохранения памяти связаны с интересами, политическими целями конкретных институтов. Вместе с тем они

вызваны общественной потребностью извлечь «уроки» из события, сопряженного с массовой гибелью людей, то есть сделать выводы и предпринять реальные действия на основе осмысления произошедшего. Память – это опыт, который может быть использован.

В литературных источниках проводятся постоянные сопоставления гибели «Курска» с другими авариями на подводных лодках. Авторы устанавливают символическую связь между случаями флотских катастроф. Прецеденты используются с несколькими специальными целями. Во-первых, для того, чтобы противопоставить прошлые (или зарубежные) аварии на флоте с настоящим фактом в пользу прошлых (зарубежных) случаев, из которых извлекался опыт, способствующий предотвращению гибели военно-морских кораблей (критика на основе контр-прецедентов). Во-вторых, с противоположной целью: положительно отметить действия нынешней власти в противовес советской практике. В-третьих, для демонстрации неизбежности печального опыта – ничто не меняется в отношении власти к флоту и людям. Такая фаталистская позиция исключает политический оптимизм или критицизм. Возможна надежда: «В свое время, после гибели атомной подводной лодки «Комсомолец», <...>, похоже, никаких выводов сделано не было. Что будет сейчас, увидим» [Шигин, 2010: 392].

Большой частью аналогии нацелены на противопоставление историко-политических контекстов «тогда» и «теперь» (в советское и постсоветское время) по признакам потаенности / открытости информации о смерти и похоронно-поминальных мероприятий, отсутствия / наличия материального воздаяния семьям, непризнания / признания статуса смерти как воинской гибели, а также по типу, месту и оформлению захоронения. Так, свыше шестисот моряков, погибших на «Новороссийске», «тайно схоронили на Братском кладбище. Только в 1990 году были выбиты на надгробных камнях имена всех шестисот десяти погибших, только в прошлом году вдовам “новороссийцев” были вручены ордена, которыми наградили посмертно их мужей. “Курян” наградили сразу, и сразу же поставили им памятники, и наделили вдов и сирот подводников деньгами. Как разительно отличаются эти две беды. Неужели только потому, что одна разыгралась под советским серпасто-молоткастым флагом, а другая – под Андреевским стягом?» [Черкашин, 2001: 147-148].

Соблюдение военной тайны, как и сугубо идеологические причины приводили к тому, что вместо «памяти» погибших ожидало «забвение». В связи с торжественным церемониалом похорон «последнего командира» «Курска» Д. Колесникова, Н. А. Черкашин напоминает о других трех капитан-лейтенантах, которые геройски погибли в аварии на атомной подводной лодке К-47 в Атлантическом океане: «Но страна о них не узнала – на дворе стоял 1975 год, о пожарах, катастрофах, взрывах в газетах не писали, дабы не омрачать облик страны, строящей коммунизм. Их фамилии, но не имена, впервые были названы в 1996 году в книге адмирала Михайловского “Рабочая глубина”: инженер-капитан-лейтенанты Авдеев, Знахарчук и Кириллов. Кто они, что они, откуда, где их вдовы и матери – Бог весть... На могилу капитан-лейтенанта Вячеслава Авдеева я случайно наткнулся на Братском кладбище Севастополя. Где же лежат остальные? Надпись, выбитая на памятнике экипажу броненосной лодки “Русалка”, звучит сегодня нам всем укором – “Россияне не забывают своих героев-мучеников”. Увы, иногда забывают...» [Черкашин, 2001: 143-144].

Прецеденты призваны продемонстрировать «пограничность» рассматриваемого случая как предела, за которым – гибель страны и человечества. Альтернатив две: возвращение к духовным ценностям (в религиозном дискурсе) или актуализация памяти, побуждающей общество к самосохранительным действиям (в рационалистическом светском дискурсе): «Итак, расследование окончено, забудьте? Нет, не забудем. Потому что глубинные, системные причины гибели «Курска» (политические, финансовые, технические, организационные и кадровые), как и катастрофического положения всего отечественного ВМФ, остались» [Хмельнов, 2003: 253].

В текстах критической направленности память ассоциирована с истиной, которую требуется установить с целью налаживания в ближайшем будущем определенной социальной деятельности. Это память-действие. Иной является позиция инстанций, в чьи интересы не входят поиски рационально объясняемой «истины», поскольку они или считают, что ею владеют, или приписывают себе право говорить от ее лица. В их интерпретации «память» самоценна, аксиологически нейтральна и сохраняется безотносительно ее содержания и конкретных смыслов: «Вообще-то памятники ставят не всегда безупречным с точки зрения морали людям. Но сносить эти памятники – еще более аморально. Это как признак отмены морали вообще. Или забвения своего прошлого, своей истории. Поэтому в историческом плане, думаю, не стоит оперировать понятиями вины или невинности. Мы все жили в одном культурном пространстве. И мы все ответственны за него, да и за свое собственное поведение в тех или иных обстоятельствах – тоже. Мы все наследники того образа жизни, которым обладали», – пишет генеральный прокурор по завершении расследования обстоятельств аварии [Устинов, 2004: 291]. Таким образом, с одной стороны, утверждается, что к гибели АПРК «Курск» привела цепь судьбоносных случайностей, с другой стороны, данный конкретный случай предложено осмысливать как частность общего правила, социально-философского или религиозного: все ответственны, «нет в мире виноватых». Сходство официальной и религиозной дискурсивных стратегий, с помощью которых осуществляется воздействие на аудиторию, очевидно. В обоих случаях память обосновывается как история, установленная Тем, в кого следует верить, или теми, кому следует доверять. К последним относятся государство и его эксперты. Ведь доверие «представляет собой такую специфическую форму веры, которая по самому своему существу связана с институтами современности» [Дмитриев, 2011: 24].

Многие авторы литературы о «Курске», мемуаристы, а также информанты из числа жителей северных военных городков сходятся во мнении о том, что последний долг государства и флота погибшим «курянам» и их семьям был отдан совершенно иначе, чем во всех предшествующих подобных случаях. Определяет эту историческую переменную, безусловно, изменившаяся позиция государства. Она признается при всех оценочных различиях высказываний: «<...> хорошим примером могут служить действия Президента страны в поселке Видяево, где, пожалуй, впервые, государство достойно решило, наряду с многими другими, проблему материального обеспечения родственников моряков» [Спасский, 2003: 262]; «ну, там-то откупились по полной» (типовое устное высказывание). Оставляя в стороне экономические аспекты «отдания долга», обратимся к собственно мемориальной деятельности государства и других институтов.

«Увековечить память», то есть сделать конкретное событие фактом отечественной истории, призваны, в первую очередь, государственные акты. Соответственно, мемориальные мероприятия должны быть реализованы за счет государственных средств и находиться под официальным контролем. 26 августа 2000 г., практически сразу после трагедии атомного подводного крейсера «Курск», был подписан Указ президента России об увековечении памяти его экипажа. Согласно указу поручалось Министерству обороны совместно с администрацией Мурманской области воздвигнуть памятник погибшим морякам в поселке Видяево, а совместно с правительством Москвы – установить памятный знак у Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации, а также включить в экспозицию Зала ратного подвига музея экспонаты, связанные с жизнью и деятельностью членов экипажа [Об увековечении памяти, 2000]. Таким образом, нормативный правовой акт утверждал в качестве основных мест памяти, во-первых, столицу государства (расположение памятника около музея Вооруженных сил свидетельствовало именно об «историчности» события), во-вторых, место службы, совмещенное с местом гибели («подводной могилой») моряков. Памятник в Москве, «Скорбящий моряк», выполненный по заказу Министерства обороны скульптором Л. Е. Кербелем и архитектором И. Н. Воскресенским, был открыт на вторую годовщину со дня гибели «Курска», 12 августа 2002 г. К той же дате был установлен памятник в поселке Видяево – стела в виде рубки подводной лодки, на плите перед которой выбиты имена погибших «курян».

В деятельности по мемориализации погибших моряков исключительную роль сыграла Русская православная церковь и, в первую очередь, духовенство Мурманской и Мончегорской епархии. Первостепенное значение для оформления церковно-религиозного культа подводников имела большая работа по созданию культовых объектов, святынь. Были написаны четыре памятные иконы с портретами погибших подводников на полях – для Свято-Никольской церкви-памятника, освященной в сентябре 2000 г. в поселке Видяево. Этой же церкви была подарена патриархом Алексием II богато украшенная икона Богоматери «Спасительница утопающих». Священной церковной реликвией стала напрестольная лампада, изготовленная по специальному заказу из плафона аварийного освещения 9-го отсека АПРК «Курск». Была опубликована книга священнослужителя Митрофана (Баданина) «Неугасимая лампада “Курска”», признанная Издательским Советом Московского Патриархата по результатам V конкурса «Просвещение через книгу» «Лучшей духовно-патриотической книгой» [Баданин, 2010]. Создание комплекса мемориальных объектов, их популяризация, в частности, экспонирование на столичной православной выставке, безусловно, способствовали повышению статуса епархии и ее руководства и одновременно – закреплению неофициального статуса «святых мучеников» за трагически погибшими на службе моряками.

Географические координаты и социальные рамки памяти

Все города и села, в которых есть места памяти «Курска», имеют символическую связь с подводной лодкой и членами ее экипажа. В индивидуально-биографическом ракурсе эта связь устанавливается по сопричастности к рождению, становлению, службе и погребению погибших моряков персонально.

Естественно, что основными местами памяти являются некрополи. География индивидуальных захоронений моряков «Курска» распространяется от Заполярья до Дагестана, от Санкт-Петербурга до Хакасии, то есть символически может быть соотнесена с пространством всей страны. На Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга из 115 моряков «Курска», останки которых были преданы земле, захоронены 32 – наибольшее число. Как сказал корреспонденту «Известий» отец погибшего Дмитрия Колесникова, «главный мемориал – именно мемориал, а не простой памятник – должен появиться в Санкт-Петербурге, потому что здесь похоронен командир подводной лодки и многие офицеры. В этом городе получило образование большинство членов экипажа» [Гетманский, 2002]. Кроме того, Серафимовское кладбище по целому ряду оснований имеет символический статус «военно-морского» [Баданин, 2010: 74] (рис.1).

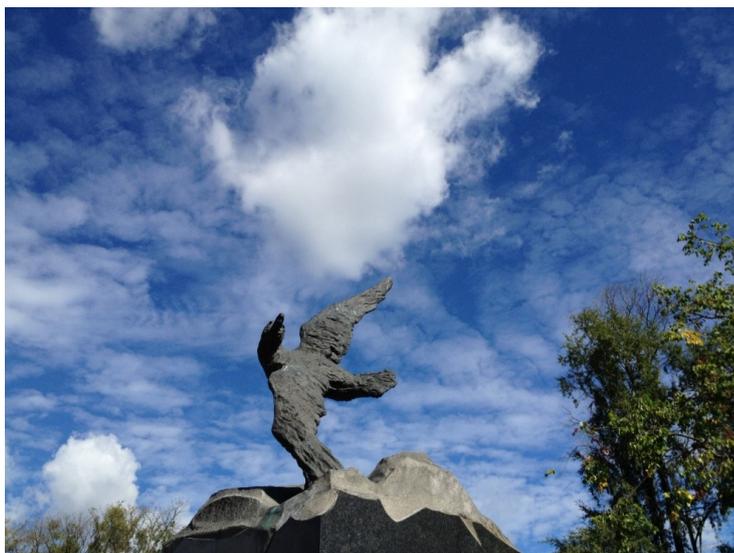

Рис.1. Фрагмент памятника экипажу «Курска» на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге. Фото О. В. Змеевой, 2015

Захоронения погибших подводников, особенно в крупных городах, производились преимущественно на кладбищах или обособленных участках кладбищ, которые имеют статус историко-мемориальных и воинских и являются закрытыми или полужакрытыми. На них располагаются братские захоронения, могилы Героев Советского Союза и России, выдающихся людей и т. п. Находиться они могут как в окраинной части города, так и в центральной его зоне. В последнем случае это либо очень старые некрополи, либо единичные или братские могилы, которые размещаются рядом с крупными памятниками, а также являются частью мемориальных комплексов, организующих городское пространство. Так, в Севастополе памятник погибшим на «Курске» был открыт в 2005 году на кладбище Коммунаров почти в центре города. Оно существует со времен первой обороны Севастополя, здесь находятся памятник лейтенанту П. Шмидту и казненным морякам крейсера «Очаков», могилы участников обороны Севастополя в 1941-1942 гг., советских подпольщиков, моряков

линкора «Новороссийск», затонувшего в Севастопольской бухте в 1955 г., моряков других военных кораблей. В Курске 12 членов экипажа похоронены на Мемориале павшим в годы Великой Отечественной войны, расположенном в центре города. Памятник, находящийся в окружении могил подводников, был открыт и освящен 12 августа 2003 г. По образному решению авторов он имеет сходство с искореженным и обгоревшим куском металла (рис.2).

Рис.2. Памятник экипажу АПК «Курск» на мемориале павшим в годы Великой Отечественной войны в Курске. URL: <http://memory-map.prosv.ru/?item=4901>

В Нижнем Новгороде могилы подводников «Курска» оформлены как мемориальная площадка на кладбище «Марьиная роща», где располагаются братские воинские захоронения периода Великой Отечественной войны, созданы мемориал воинской славы, мемориал в память воинов-нижегородцев, погибших в Чечне в 1996 г., а также похоронены многие деятели науки и искусства, военачальники, предположительно священнослужители. Памятник двум подводникам-землякам в городе Копейске Челябинской области установлен городской администрацией на Аллее героев и т.д.

В Воронеже четверо моряков покоятся в братской могиле на центральной аллее историко-мемориального Коминтерновского кладбища, особую часть которого составляют воинские могилы: советских солдат, освобождавших город в 1943 г., участников Великой Отечественной войны – Героев Советского Союза, участников боевых действий – Героев России. Новые захоронения производятся за заслуги перед Отечеством на Аллее Славы кладбища. Если на таком кладбище есть другие могилы моряков, тем более погибших подводников, они всегда соседствуют, то есть формируется особый профессиональный локус. В случае с подводниками, как и в других подобных ситуациях, когда захоронение по существу является символическим из-за отсутствия собственно тел, компоновка подобного участка может осуществляться путем установки памятников тем, чьи реальные могилы

отсутствуют. В частности, в Воронеже рядом с памятником морякам «Курска» поставили пилон из такого же черного камня в память о погибшем при аварии на «Комсомольце» лейтенанте Вадиме Зимине, останки которого не были идентифицированы [Братская могила, ЭР¹].

Организационное и финансовое обеспечение мемориальных сооружений принимали на себя различные инстанции. В первую очередь, это местные администрации, без инициативы и решений которых невозможно размещение захоронений и памятников в городском (поселковом) пространстве. Захоронение и оформление мемориалов на общегородских кладбищах в большей степени предполагает гражданскую инициативу. В частности, по свидетельству источников, деньги на памятник на кладбище «Марьино роща» в Нижнем Новгороде (300 тыс. руб.) собрали сами горожане [Об увековечении памяти, ЭР]. Особый случай – установка памятника в Севастополе на средства, которые были предоставлены правительством Москвы. У малых городов и тем более у сельских поселений значительно меньше возможностей по части возведения мемориалов. И в каждом отдельном случае складывается специфическая ситуация в зависимости от степени участия в мемориальной деятельности инстанций, представляющих государство, военно-морской флот и различные воинские организации, местную власть, а также коммерческие структуры и локальные сети социальной поддержки.

Есть города, которые независимо от административного статуса более других обладают «правом на память». Их символическая связь с «Курском» обусловлена сопричастием самому подводному крейсеру, его жизненной траектории и миссии. Именно поэтому не кажется случайностью, что первым по времени памятником «Курску» – атомоходу и экипажу стал монумент «Скорбный камень» в городе Северодвинске Архангельской области. Он был установлен и торжественно открыт на сороковой день гибели лодки, в сентябре 2000 г. [Войнов, 2000; Рашев, 2000 и др.]. У города было двойное основание для увековечения памяти о затонувшей субмарине. Лодка была построена в Северодвинске, на Севмашпредприятии, и в числе погибших моряков было восемь жителей города. Инициативной стороной выступила общественность Северодвинска, ее поддержала местная власть в лице мэра. Памятный знак был сооружен на воинском мемориале о Ягры. Он представляет собой плиту с изображением подводного крейсера, на которой выгравированы географические координаты точки его гибели в Баренцевом море и текст: «Этот скорбный камень установлен в память об экипаже атомного подводного крейсера “Курск”, трагически погибшего 12 августа 2000 г. при исполнении воинского долга». Плита из черного хибинского гранита была привезена с Кольского полуострова. Памятник освящен епископом Архангельским и Холмогорским Тихоном [Памятники и памятные знаки, ЭР] (рис.3).

Если в Северодвинске подводный крейсер был рожден, то в честь Курска он был имянаречен, а в Видяево, в Мурманской области, нес службу и погиб. Вещественными символами эксклюзивной связи с местами физического существования «Курска» стали уцелевшие фрагменты корпуса подлодки, которые, превратившись в реликвии, распределились территориально. Плафон аварийного освещения в виде «Неугасимой лампы» вернулся туда, откуда

¹ Прим. ред.: здесь и далее ЭР – электронный ресурс.

«Курск» ушел в последний путь, в Видяево. Из двух фрагментов ракетного отсека подлодки был изготовлен второй памятник в Курске. Он был открыт в августе 2005 года, и таким образом получило окончательное оформление еще одно место памяти в городе [Установлен памятник, ЭР]. Иллюминатор с подлодки отправился в Москву, где занял место среди экспонатов Центрального музея Вооруженных сил и тем самым был призван свидетельствовать национальную значимость субмарины и ее гибели.

Рис.3. Северодвинск. Скорбный камень на острове Ягры. URL: <http://severodvinsk-foto.narod.ru/memory.html>

Что касается самого большого фрагмента АПЛ, ходовой рубки (точнее – ее металлического ограждения, кожуха) с национальным гербом на лобовой части, то с ним связан сюжет соперничества двух городов – Курска и Мурманска. Он отражен в публикациях 2009 года, и общий смысл хорошо сформулирован в заглавии одной из них: «Где помнить “Курск”» [Кириленко, ЭР].

По завершении утилизации поднятой лодки на заводе «Нерпа» в 2002 г. рубку было решено сохранить. Инициатором установить ее в Мурманске на смотровой площадке у Семеновского озера был губернатор Ю. А. Евдокимов. Администрация Мурманска обещала сделать ее частью городского мемориала, посвященного морякам Заполярья, и командующий Северным флотом дал разрешение на транспортировку объекта в Мурманск. В 2003-2004 годах был разработан проект мемориала, который в силу бюрократического торможения не был реализован. Это несложно объяснить. Создание мемориалов и сохранение памяти – задачи и деятельность с неявной прагматикой. Социально-политическая, идеологическая выгода от них очевиднее в периоды национальных кризисов и войн (но тогда сужаются материальные возможности), а экономическая – главным образом, за счет туризма – отложена на неопределенную перспективу. На этапах относительной стабильности движущей силой мемориальных проектов может

быть только «энтузиазм», основывающийся на символических ценностях и интересах отдельных общественных групп и личностей.

В 2009 году поисками рубки занялись мурманские активисты регионального отделения Общероссийского движения поддержки флота, и она нашлась на территории одного из предприятий городской промышленной зоны. В пресс-публикациях положение памятного объекта представлялось весьма драматично [Абрамова, 2009; Шилов, 2009 и др.] Отреагировав на информацию, мэр города Курска обратился к мэру Мурманска с предложением забрать символический объект [Курск попросил передать, ЭР]. Последовал категоричный отказ мурманского градоначальника, который обещал приложить все усилия, чтобы памятник «Курску» был.

Нет сомнений в том, что «уступка» мемориального объекта, особенно имеющего большое военно-патриотическое значение, значительно бы снизила культурный статус города Мурманска и области. В этом отношении региональные власти могут быть благодарны активистам и журналистам. Внутренний смысл, связанный с «правом на память», присутствует уже во вступительных словах к первой из серии статей «Мурманского вестника»: «"Курск"... Здесь, на берегу Баренцева моря, это слово лишь во вторую очередь ассоциируется со славным древним русским городом. А в первую – и это надолго, пожалуй, навсегда – с трагедией, восемь с половиной лет назад унесшей в пучину жизни 118 наших земляков» [Абрамова, 2009].

15 июня 2009 года рубка АПЛ «Курск» была установлена на смотровой площадке у храма Спаса-на-Водах в Мурманске, а 26 июля состоялось ее открытие в качестве памятника, который стал частью мемориала «Морякам, погибшим в мирное время». Мемориал символически объединяет погибших представителей всех связанных с морем профессий, не только военных. «Если же, кто забыл, то пусть подойдет к этому скорбному перечню лодок, списку экипажей моряков погибших в мирное время на затонувших ПЛ, закрепленному рядом с многострадальной ходовой рубкой "Курска", что стоит ныне у подножия Мурманского храма "Спаса-на-Водах"» [Баданин, 2010: 77] (рис.4).

Рис.4. Памятник «Морякам, погибшим в мирное время». Мурманск. URL: <http://pomnivoinu.ru>

В памяти земляков

Обратим внимание на то, как было использовано понятие «земляк» в публикации, доказывавшей право Мурманска на обладание рубкой «Курска». Согласно словарю В. И. Даля, земляк – это «единоземец, одноземец, соземец, рожденный в одном с кем-либо государстве, области, местности» [Даль, 1994: 1694], по словарю С. И. Ожегова определяется однозначно – «уроженец одной с кем-н. местности» [Ожегов, 1984: 199]. В современном мобильном обществе и «мобильной» культуре расширение значения этого слова позволяет обосновывать принадлежность чего-либо и кого-либо любой территории. Статус «земляка» может быть присвоен по целому ряду биографических обстоятельств. Как известно, подавляющее большинство моряков уроженцами Заполярья не являлись. Они могут называться «земляками» мурманчан исключительно по месту службы и гибели, а также при дополнительном условии, что имя города переносится на жителей всей области, включая военные гарнизоны. Тем не менее основным в определении «земляка» продолжает оставаться значение «уроженца». Связь человека с местом рождения и взросления обуславливает структуру ландшафта памяти, усложняя ее в тех ситуациях, когда места рождения и погребения не совпадают.

Сложившаяся традиция предлагает несколько форм увековечивания памяти о погибших на воинской службе, помимо собственно надмогильных сооружений. большей частью это памятники и памятные знаки на «малой родине». В случае «Курска» их начали устанавливать с первых месяцев после трагического события. Так, в селе Лоскутово Кировского района Томской области в декабре 2000 г. открыта мемориальная доска в память об Александре Неустроеве. 18 мая 2001 г. на здании школы № 85 г. Волгограда, выпускником которой был командир АПЛ «Курск» Г. П. Лячин, также открыта мемориальная доска. В селении Хрюг Ахтынского района Дагестана, на родине погибшего на «Курске» инженера-конструктора М. Гаджиева, в 2001 г. был установлен его бюст. Местом избрана территория средней школы.

Значительная часть мемориальных знаков располагаются на территории, на зданиях школ и внутри них. Мемориальные доски с именами выпускников, погибших на «Курске», установлены на зданиях или в помещениях школ: № 18 (г. Котлас Архангельской обл.), № 9 (г. Муром Владимирской обл.), № 1 (г. Копейск Челябинской обл.), № 40 (г. Череповец Вологодской обл.), № 12 (г. Североморск Мурманской обл.), № 37 (г. Севастополь), гимназии «Исток» в Великом Новгороде и во многих других, а также в нескольких профессионально-технических училищах в разных городах страны. Традиционной формой сохранения памяти является также присвоение учебному заведению имени погибшего выпускника – акт символической идентификации общности и организации. Школа № 85 г. Волгограда носит имя командира АПЛ Г. П. Лячина, школа № 134 в Санкт-Петербурге – имя Сергея Дудко, школа № 29 в Белгороде – капитана третьего ранга Д. Б. Мурачева, школа № 37 в Липецке – старшего мичмана В. А. Козадерова, школа № 2 в Кировске Ленинградской обл. – матроса Сергея Витченко, школа № 3 в станице Багаевской Ростовской обл. – старшего мичмана Сергея Калинина и т. д.

Во-первых, школа чаще и теснее всего ассоциируется с малой родиной, фактически и символически. Во-вторых, жизненный путь многих «курян», погибших молодыми, ограничивался годами учебы, которые предшествовали

воинской службе, и школьное пространство более всего подходит для символизации непосредственной преемственности военно-патриотических ценностей: от одного поколения учеников к следующему. В-третьих, именно школы и другие средние учебные заведения призваны выполнять соответствующие воспитательные задачи. Наконец, в школе до определенного времени сохраняется «живая» память о недавнем ученике, которая воплощается в спонтанных поминальных действиях: «Сейчас в старом Лешкином классе по-прежнему стоит его парта, та самая “Камчатка”. Теперь за нее уже никто никогда не сядет, теперь она навечно только Лешкина. На парте рисунок его родного “Курска” и надписи, сделанные его друзьями: “Дорогой Лешенька, светлая память о тебе будет жить всегда в нас...”, “Лешка! Мы тебя помним и любим...”» и т. д. (о школе в Архангельске, где учился подводник А. Коркин) [Шигин, 2010: 143].

Мемориальные доски и стелы устанавливаются и в высших учебных заведениях. В частности, погибшим выпускникам с АПЛ «Курск» посвящены стела на территории Высшего Военно-морского училища имени А. С. Попова в Петродворце, памятная доска в Калининграде на территории Балтийского Военно-морского института имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. В этом случае памятные знаки символизируют, в первую очередь, единство морской воинской корпорации.

Овеществлению памяти, превращению ее в историю служит музефикация документов и артефактов, касающихся как события в целом, так и отдельных его участников. Так, в волгоградской школе был открыт музей в память о Г. П. Лячине. С «макроисторическим» событием у конкретного города, учебного заведения и т.п. устанавливается «личная» связь через память об отдельном человеке: «В школе, где учился Димка <подводник Д. Леонов – И.Р.>, в музее открыта мемориальная доска и экспозиция, посвященная Димке» (город Яхрома Московской обл.) [Шигин, 2010: 141].

Большей частью персональные экспозиции занимают место в музеях средних учебных заведений, многие из которых являются музеями Боевой славы и имеют значение для всего города: «И куряне, и гости города знают о музее, открывшемся 8 октября 2001 года в стенах профессионального училища № 22. За пять лет в музее собрана коллекция из личных вещей подводников, фотографии, письма и документы сюда принесли их родные» [Установлен памятник подводникам, ЭР]; «В школьном музее Боевой славы открыта новая экспозиция “Максим Боржов – выпускник школы”, на которой собраны воспоминания, фотографии, морская форма, письма Максима» (г. Муром) [Шигин, 2010: 155] и т.п. Одновременно погибшие причисляются к выдающимся землякам, которым отведено место в городском музее: «В дни празднования 95-летия г. Копейска жители города вновь почтили память земляков, погибших на атомной подводной лодке “Курск”. В субботу, 24 августа в городском краеведческом музее открывается новый стенд. Он посвящен трагически погибшим два года назад морякам-копейчанам Вадиму Бубниву и Валерию Байбарину» [В краеведческом музее Копейска, ЭР].

Представители «помнящих общностей» (к антропологии памяти)

Память об отдельно взятом человеке является связующим звеном в организации социального мемориального пространства корпорации,

территории и нации. Экспонаты, связанные с экипажем «Курска», органично расположились не только в московском музее Вооруженных сил в соответствии с указом президента. Так, в музее ВМФ в Екатеринбурге увековечили память погибшего земляка – Ивана Нефедкова.

О значении сохранения памяти об экипаже «Курска» для государства и воинской общности свидетельствуют и материальный вклад ВМФ в сооружение памятников и мемориалов, и практика присутствия на церемониях их открытия ответственными лицами из числа флотского руководства. Это касается не только знаковых для российского флота мест, какими являются Санкт-Петербург, Севастополь, Североморск или Калининград. Например, в церемонии открытия памятника М. Гаджиеву в Дагестане в 2001 г. участвовал главком ВМФ РФ адмирал флота В. Куроедов. А памятник подводникам в форме якоря, установленный к годовщине гибели «Курска» в селе Герасимово Тульской обл., был специально прислан командованием ВМФ. Это российское село стало местом памяти потому, что в нем после выхода в отставку поселился ветеран флота и отец погибшего моряка (не «курянина»). Подобные инициативы нередко исходят от ветеранских организаций и отдельных лиц – той части общественности, которая одновременно представляет от имени воинской корпорации и собственного.

Важную роль в создании ландшафта памяти выполняют отдельные люди, которые символически идентифицируют себя с «группой погибших». Известно, что одному из пригородных электропоездов локомотивного депо «Раменское» Московской железной дороги, отправляющемуся с Казанского вокзала Москвы, в 2008 г. было присвоено имя экипажа АПЛ «Курск» – «это первый в истории России случай, когда поезд увековечил память о моряках-героях» [Тарунов, 2015]. Согласно информации, полученной от железнодорожников, инициатива принадлежала старшему машинисту Михаилу Макурову, который в прошлом был моряком-подводником [Дань экипажу, 2008].

Особый случай представляют спонтанные единичные мемориальные акции, предпринятые людьми и группами, которые не связаны с погибшими ни профессионально, ни лично, ни территориально. Такие акции могут являться выражением общечеловеческих эмоций, морального императива: «чужого горя не бывает», – и потребности отдать ритуальный долг даже незнакомым людям. Примером может служить инициатива осетинских альпинистов, осуществленная сразу после трагедии: «В честь моряков-подводников восемь осетинских альпинистов совершили восхождение на четырехтысячный пик в Осетии, у которого до недавнего времени не было имени. На высоте 3783 метров альпинисты почтили память моряков минутой молчания» [Одна из горных вершин, ЭР]. По просьбе альпинистов Правительство Северной Осетии 11 сентября 2000 года приняло решение назвать эту вершину Центрального Кавказского хребта «Курском». Очевидно, к таким же инициативам можно отнести и присвоение одной из пещер в Крыму, на плато Ай-Петри, названия «Памяти подводников Курска». Подобные акции значительно расширяют социальное пространство памяти, и в этой связи достаточно вспомнить о международном отклике на событие. Не только военно-морская общность проявила свою солидарность, но представители самых разных слоев населения, сопереживающих групп и людей, в том числе соотечественники за рубежом, творческая интеллигенция (драматурги, литераторы) и многие другие.

В свою очередь, спонтанные поминальные акции предоставляют возможности их прагматизации, прежде всего, в политико-идеологических целях, особенно если для их осуществления необходима институциональная поддержка или санкция. Трагическое событие – это повод для актуализации как общегуманистических, так и религиозных, корпоративных или национально-государственных ценностей: «Президент Северной Осетии Александр Дзасохов лично поблагодарил спортсменов-альпинистов за их уважение к памяти погибших моряков и заявил, что “безымянная раньше вершина навсегда останется символом доблести российских моряков”. При этом было подчеркнуто, что народам России необходимо сегодня, как никогда, чувствовать себя в единой альпинистской связке, чтобы успешно преодолеть все преграды» [Одна из горных вершин, ЭР].

Список сокращений

АПЛ – атомная подводная лодка

АПРК – атомный подводный ракетный крейсер

ВМФ – Военно-морской флот

Список литературы

Абрамова Т. Во второй раз не утонет? // Мурманский вестник. 2009. 21 марта. URL: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=20090321619>.

Братская могила (захоронение воронежских моряков-подводников с АПЛ «Курск» и «Комсомолец») // Музей-диорама. URL: <http://dioramavrnrn.ru/ob-ekty-kulturnogo-naslediya/mogily/132-bratskaya-mogila-zakhoroneni-voronezhskikh-moryakov-podvodnikov-s-apl-kursk-i-komsomolets>.

В краеведческом музее Копейска открывается стенд, посвященный памяти моряков-копейчан, погибших на АПЛ «Курск». URL: <http://uralpress.ru/news/2002/08/23/v-kraevedcheskom-muzee-kopeiska-otkryvaetsya-stend-posvyashchennyi-pamyati-moryakov>.

Войнов И. Первый в России памятник морякам «Курска» // Правда Севера. 2000. 21 сентября. С. 3.

Гетманский К. Подводникам «Курска» поставили три памятника // Известия. Ежедневная газета. 2002. 12 августа. URL: <http://izvestia.ru/news/265650>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах. Т. 1. М.: изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 912 с.

Дмитриев Т. А. Сокрушительная современность Энтони Гидденса // Гидденс Э. Последствия современности. М.: издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. С. 7-107.

Игумен Митрофан (Баданин). Неугасимая лампада «Курска». К десятилетию событий 12 августа 2000 года. СПб.; Мурманск: Ладан, 2010. 108 с.

Кириленко А. Где помнить «Курск» // Радио Свобода. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/1604926.html>.

Курск попросил передать городу рубку затонувшего АПРК // Комсомольская правда в Северной Европе. 2009. 9 апреля. URL: <http://www.kompravda.eu/daily/24275.4/470239/>.

Об увековечении памяти экипажа атомного подводного крейсера «Курск». Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2000 г. //

Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901767377>.

Об увековечении памяти экипажа атомного подводного крейсера «Курск» // Центральный Военно-Морской Портал. URL: http://flot.com/news/dayinhistory/index.php?ELEMENT_ID=2316.

Одна из горных вершин Центрального Кавказского хребта названа «Курском» – в честь погибших членов экипажа подводной лодки «Курск». URL: <http://www.shtuka.biz/events/?id=1310&mode=event>.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 16-е изд. М.: Русский язык, 1984. 797 с.

Памятники и памятные знаки, расположенные на о. Ягры // Ягры. Ru. Краеведческий сайт библиотеки «Кругозор». URL: <http://www.yagri.ru/krugozor/page/5/28>.

Рашев В. «Курский» знак у Белого моря // Вечерний Северодвинск. 2000. 21 сентября. С. 1-2.

Спаский И.Б. «Курск»: после 12 августа 2000 года. М.: Русь, 2003. 288 с.

Тарунов О. Помним всех поименно... АПК «Курск» 15 лет на вечной вахте. URL: http://www.korabel.ru/news/comments/pomnim_ih_poimenno_aprk_kursk_15_let_na_vechnoy_vahte.html.

Установлен памятник подводникам с АПЛ «Курск». URL: <http://viperson.ru/articles/kursk-ustanovlen-pamyatnik-podvodnikam-s-apl-kursk>.

Устинов В.В. Правда о «Курске». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 319 с.

Хмельнов И. Н. Российский флот. Доблесть и нищета. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. 656 с.

Черкашин Н. А. Унесенные бездной. Гибель «Курска»: Хроника. Версии. Судьбы. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. 320 с.

Шигин В. В. АПК «Курск». 10 лет спустя. Факты и версии. М.: Вече, 2010. 432 с.

Шилов К. Рубка «Курска» стала памятником // «Друг для друга» Online. URL: <http://www.dddkursk.ru/number/766/new/006146/>.

Making Histories. Studies in history-writing and politics / Ed. by R. Johnson and others. London: Hutchinson, 1982. 265 p.

Rowlinson M., Booth C., Clark P., Delahaye A., Procter S. Social Remembering and Organizational Memory // Organization Studies. 2010. Vol. 31. No. 1. Pp. 69.87.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Razumova Irina Alekseevna,

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 314.6"1950/1980"(470.21)

О. А. Сулейманова

**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА СЕВЕРЯН В 1950-х – НАЧАЛЕ 1980-х ГГ.
(ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ЖИТЕЛЕЙ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация

Статья посвящена материально-бытовым проблемам жителей Мурманской области в 1950-х – начале 1980-х годов двадцатого века. Исследование выполнено на основе анализа текстов автобиографических интервью, что позволяет воссоздать историю повседневного быта данного исторического периода глазами очевидцев.

Ключевые слова:

воспоминания, повседневность, быт, вещи, дефицит, Кольский Север.

O. A. Suleymanova

**HISTORY OF DAILY LIFE OF NORTHERNERS IN THE 1950- EARLY 1970-IES
(ON MEMORIES OF INHABITANTS OF MURMANSK REGION)**

Abstract

Article is devoted to material and household problems of inhabitants of Murmansk region in the fiftieth - the early eighties years of the twentieth century. Research is executed on the basis of the analysis of texts of autobiographical interviews that allows to recreate history of daily life of this historical period eyes of eyewitnesses.

Key words:

memoirs, daily, life, things, deficiency, Kola North.

К постановке проблемы

Изучение истории повседневности представляется актуальным и перспективным направлением в современных исследованиях. Советской повседневности послевоенного времени посвящено достаточное количество исследований отечественных авторов. В частности, повседневность 1950-1960-х гг. рассмотрена в работах Е. Ю. Зубковой, Е. В. Косматовой, А. Г. Григорьевой [Зубкова, 1999; Косматова, 2013; Григорьева, ЭР]. Материально-бытовые аспекты советской жизни 1960-1980-х годов затронуты в трудах О. Гуровой, И. Утехина, Е. Дейхиной, Э.А. Ивановой, В.Г. Николаева, П. Романова, Е. Ярской-Смирновой и многих других [Гурова, 2005(а), 2005(б), 2005 (в); Утехин, 2004; Дейхина, 2005; Иванова, 2011; Николаев, 2005; Романов, Ярская-Смирнова, 2005]. Вместе с тем на региональных особенностях советской повседневности внимание исследователей концентрировалось редко. В частности, повседневно-бытовые аспекты жизни населения активно осваивавшихся в советский период арктических территорий, в том числе Мурманской области, не становились предметом специального рассмотрения.

Как известно, по советским меркам северяне считались достаточно обеспеченными людьми. Не случайно в отношении тех, кто уезжал на заработки на север, использовали фразеологизм «поехали за длинным рублем». «Что касается советского периода, самым распространенным является рассказ о благополучном Советском Севере, о том, как многие ехали на Крайний Север «за длинным рублем», и о том, как впоследствии этот рубль возможно было потратить» [Змеева, 2010: 49]. Действительно, заработки на Крайнем Севере и

приравненных к нему территориях были порядком выше, и данное обстоятельство не могло не сказаться на материально-бытовых условиях и качестве жизни населения. Нас интересовал ряд вопросов, связанных с особенностями обустройства быта северян в послевоенные годы, в частности, модели потребительского поведения в условиях советского дефицита, оценка уровня своей материально-бытовой жизни. Мы обратились к биографическому опыту тех, кто приезжал на Крайний Север в 1950-х – начале 1980-х гг. и отобрали для исследования (интервьюирования) 20 жителей городов Апатиты и Кировск Мурманской области в возрасте от 30 до 79 лет. В качестве дополнительного источника использовалась региональная литература, содержащая информацию о социально-бытовом развитии Мурманской области в изучаемый период.

Формирование населения городов Кольского Севера в послевоенные годы

После войны в Мурманскую область возвратились многие эвакуированные, одновременно прибывали и целые партии новоселов. Довоенный уровень численности населения в Мурманской области (318 тыс. чел.) был достигнут в 1951 г., во многом благодаря тому, что были восстановлены северные льготы, в связи с чем увеличился приток людей, желающих повысить свой заработок [Федоров, 1997: 5]. В 1950-1970-е годы численность населения Кольского полуострова увеличивалась большими темпами. В эти десятилетия число жителей края ежегодно прибывало в среднем на 24 тыс. чел. Этому способствовало развитие производительных сил края, и, как следствие, на строительство новых промышленных объектов приезжало много добровольцев [Бойков, 1983: 29-30].

Советские власти использовали разные способы стимуляции для привлечения людей на строительство новых промышленных городов в неблагоприятных природно-климатических условиях. «Послевоенное время вплоть до 1980-х гг. – период добровольной миграции, которая привела к росту числа так называемых “стихийных” мигрантов. Формы привлечения населения в область многообразны: мобилизация, общественные призывы, вербовка, индивидуальные приглашения, стимулирование прибывших по собственной инициативе. При этом наблюдаются и устойчивые, в частности, экономические мотивы переселения» [Змеева, 2009: 11]. Среди доминирующих экономических мотивов можно выделить высокую заработную плату и возможность получения жилья. «Жилище играло неизменную роль кнута и пряника в организационно-управленческой стратегии власти. Власть миловала и наказывала жилищем. За счет жилища направляла миграционные потоки в нужную ей сторону и, наоборот, останавливала там, где это ей было необходимо» [Мееерович, 2008: 7]. В 1967 году за Мурманской областью был закреплен статус района Крайнего Севера. Тогда же для работавших в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях были установлены дополнительные льготы и надбавки с целью не только заманить переселенцев, но и удержать их здесь. Притоку людей в область способствовало также быстрое развитие социальной и коммунально-бытовой инфраструктуры, относительно хорошее снабжение населения потребительскими товарами. «Особое влияние на показатель “приживаемости” новоселов имело то, что темпы роста благосостояния людей в Заполярье были выше, чем в среднем по Союзу. Достаточно сказать, что

именно с районов Крайнего Севера всегда начинается ввод в действие разнообразных мероприятий, направленных на улучшение жизни советских людей» [Бойков, 1983: 31].

Кировск, бывший поселок Хибиногорск, получил статус города в 1934 г., Апатиты – в 1966 г. (до этого существовала лишь железнодорожная станция, первоначальное название – «разъезд Белый»). Два эти города объединяет горнодобывающее предприятие «Апатит». В 1960 годы вблизи железнодорожной станции Апатиты началось строительство Академгородка Кольского филиала Академии наук (КФАН). Это способствовало тому, что по распределению сюда приезжали представители научных специальностей. Таким образом, значительную часть населения этих городов составили работники предприятия «Апатит», а также ученые, геологи. Интеллигенция прибывала в основном из Ленинграда и Москвы, в то время как многие представители рабочих специальностей – из сельской местности разных регионов страны. Новые промышленные города Кольского Севера формировались из разных групп переселенцев, большей частью молодежи – сельской, переехавшей с целью улучшения материального и социального положения, и городской, приезжавшей по распределению.

Переезд «налегке»

Информанты отмечают тот факт, что советское государство предоставляло своим гражданам ощущение стабильности, вследствие чего люди не боялись переезда на новое место, будучи уверены, что государство о них позаботится:

«Раньше же, как было, мы ничего не боялись, не было такого как сейчас. Сейчас ребенка страшно в большой город, допустим, на учебу отпустить. <...> А раньше мы спокойно могли уехать, мы знали, что нам дадут общежитие, потом и квартиру могли получить, что мы не умрем от голода, и работу всегда предоставят» (Инф. 1); «Государство в те времена заботилось о своих людях, не то, что сейчас» (Инф. 2).

Вероятно, данное обстоятельство и стало одной из причин, по которым большая часть переселившихся переезжали «налегке», практически без вещей. Так, многие информанты отмечают, что «вещей практически не брали», «приехали с одним чемоданом», «начинали быт с нуля», независимо от социального статуса и материального положения:

«Мама говорила, что начинали с одной вилки, с одной ложки. То есть сами все зарабатывали, хотя их семьи были приличными и тоже с весьма высоким статусом» (Инф. 3).

В советские годы не была распространена практика съема жилья, вследствие чего большинство молодых людей до переезда на Север жили либо с родителями, либо в общежитиях и еще не успели «обрасти» вещами, мебелью. Как верно заметила О. Гурова, именно наличие собственного жилья легализует желание обзаводиться вещами [Гурова, 2008: 67]. На то, что багаж был невелик, оказала влияние и соответствующая миграционная установка: многие переезжавшие не планировали надолго здесь оставаться, намереваясь лишь «подзаработать и вернуться на родину». Таким образом, значительному числу переселенцев приходилось обустроить свой быт практически с нуля. Этот

процесс осложнялся советской экономической системой распределения товаров и услуг. Исследователи сходятся в том, что ситуацию со снабжением в СССР в конце 1960-х – начале 1980-х можно назвать постоянным дефицитом [Иванова, ЭР].

Обустройство быта на Кольском полуострове в условиях советского дефицита

Жилищный вопрос в 1950-1960-х годах оставался достаточно сложным. В новых индустриальных городах Мурманской области, где строились крупные промышленные предприятия, бараки и общежития были основными типами жилья рабочих и служащих. На расселение людей из некомфортабельных бараков в благоустроенное жилье требовались средства и время. В начале 1960-х гг. многие из числа переехавших продолжали жить в бараках, но, тем не менее, они старались обустроить данный тип жилища как можно уютнее, индивидуализировать свой быт. Это было непросто. Если в магазины Мурманской области и «выкидывались» товары, то были они, по ретроспективным оценкам информантов, «безликими» и «однообразными». В 1960-е гг. возникали перебои не только с товарами широкого потребления, но даже с продуктами. Интересный факт в связи с данным обстоятельством описан П. В. Федоровым: «Во время пребывания Н. С. Хрущева в Мурманской области (июль 1962 г.) случился инцидент. На Центральном стадионе Мурманска проходил митинг. Когда стал выступать Никита Сергеевич, смельчаки начали выкрикивать: – Где лезвия?; Где носки? – Несмолкающий стадион мешал Хрущеву говорить» [Федоров, 1997: 23]. С целью создания индивидуального интерьера люди прибегали к услуге изготовления мебели «на заказ», женщины вышивали. По утверждению некоторых информантов, в бараках были даже ковры и телевизоры, что, безусловно, говорит о материальном благополучии северян (рис.1). Для того времени телевизор – предмет новый, редкий, показатель не только материального благополучия, но и «технической продвинутости». Типовой случай – имеется один телевизор у кого-то из доступных соседей, к ним ходят, как в кинотеатр.

Рис.1. Разъезд Белый, 1930 г. [Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1127]

Массовое жилищное строительство, без сомнения, способствовало улучшению быта жителей Крайнего Севера (рис.2, 3). Наличие собственной квартиры стимулирует потребность заполнить ее новыми предметами обихода. Желание приобрести все, что считают необходимым, нагляднее всего проявляется у новоселов и прослеживается у самых разных социально-профессиональных групп городского населения [Анохина, Шмелева, 1977: 218-219]:

«Очень долго не покупали ничего! <...>. Пока не получили квартиру. <...>. И тогда мы уже приобретали кое-какие вещи. Дочка подросла, поэтому, в первую очередь купили детскую ей, холодильник. <...>. Мы вообще не очень характерные были такие, что ли люди, потому что как-то не очень все это ценили. У нас все еще продолжался такой легкий стиль жизни» (Инф. 4).

Рис.2. Первые дома в Апатитах, 1957 г. [Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1112]

Рис.3. Изо дня в день растет Новый город... г. Апатиты, июль 1963 г.
[Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1110]

Несмотря на сложившийся стереотип восприятия Севера как территории материального благополучия и хорошего снабжения, информанты отмечают, что испытывали дефицит в определенных товарах: *«Здесь было очень скудное снабжение»* (Инф. 5) По текстам интервью можно констатировать, что, как правило, не хватало товаров импортных и модных на тот период времени. В 1960-х годах появилась мода на книги (рис.4). Книги, особенно престижных серий, наравне с такими предметами быта, как хрусталь, ковры и фарфор,

свидетельствовали об уровне достатка владельца жилища и его способности достать дефицит. Переселенцы из числа интеллигенции отмечают, что, переезжая на Север, обязательно перевозили книги, зачастую в ущерб необходимым бытовым вещам. Кроме того, северяне часто выезжали за пределы области – в командировки, к родственникам, в отпуск – и старались отовсюду везти необходимые вещи, книги и т. п. В середине 1970-х гг. начался бум на «стенки» («гэдээровские», чешские, румынские) и импортные мебельные гарнитуры. Люди копили деньги, записывались в очередь и долго ждали, чтобы их приобрести. Цена была довольно внушительной (доходила до 1000 руб. при средней зарплате инженера в 180-200 руб.). Во многих семьях покупка импортной мебели считалась очень хорошим и практичным вложением денег. По словам информантов, в Мурманской области такую мебель было «не достать», приходилось везти из столичных городов, реже – других областей:

«Родители вознамерились купить себе мебель солидную. Сделали они таким образом – поехали они в Петербург, в Ленинград, потому что здесь ни в Апатитах, ни в Мурманске, ни в Петрозаводске ничего не было из того, что бы они хотели. У них были средства, они зарабатывали! По тем временам инженер с ученой степенью и учитель математики были достаточно высокооплачиваемой социальной группой. И они поехали в Ленинград и привезли оттуда мебель германскую (Инф. 3); «Я очень хорошо помню, что из Питера, это когда мне было уже 30 лет, то есть, уже прожив какое-то время, я купила в Питере стенку и с большими сложностями сюда ее перевезла» (Инф. 4).

Рис.4. У витрин книжного магазина г. Кировска, 1971 г.
[Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1091]

Сложности обустройства, связанные с приобретением вещей, многими преодолевались успешно, хотя результаты этой деятельности и получали неоднозначную оценку. Одна из информантов заметила, что «дом такой был вполне уютный. <...>. Приходили смотреть на мою мебель всякие мои знакомые. И некоторые даже говорили, что это мещанство – обзаводится всякими такими вещами!» (Инф. 4).

Северяне ездили за покупками не только в крупные города – Москву, Ленинград, но даже в страны социалистического содружества. Ассортимент товаров сильно изменялся в зависимости от населенного пункта (деревня, город, областной центр) и союзной республики. В советские годы разные города и территории бывшего СССР снабжались по-разному [Нечаева, ЭР].

«Я вот по себе помню, что уже, когда я вышла замуж, в 70-м году, 22 года мне было. <...> Вещи все эти, допустим, хрусталь, ковры было очень сложно достать. Ну, не было одежды, одежды не было, не было колготок, особенно вот эти колготки, когда вошли в моду с рисунком. Все это было очень сложно. Привозили, во всяком случае, вот мы из Прибалтики» (Инф. 5).

Города Мурманской области также снабжались по-разному. Жителям приходилось ездить за покупками в близлежащие города – в одном можно было приобрести технику, в другом – строительные материалы и т.п.

В связи с дефицитом товаров появился фразеологизм «достать вещь». Вещь надо было именно достать, а не просто купить – найти необходимый товар, отстоять в очереди, выйти на людей, которые могут «достать» тот или иной товар («по благу»). А. В. Леденева, изучавшая феномен «блата» в СССР, дает ему следующее определение «использование личных контактов (каналов, сетей) для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода (образование, рабочие места, должности и т. д.) и привилегиям» [Леденева, 1997: 90]. В Мурманской области была та же система приобретения определенных товаров:

«В основном помогал дедушка, мамин папа, с обжитием, допустим, <...>, гарнитуры кухонные, это он привозил. Холодильник он покупал. <...> Ну, то есть деду это было ну не очень накладно, потому что он был один из глав. Так что, где-то какую вещь достать, с этим никогда, по-моему, проблем не было» (Инф. 6); «Вообще люди того времени, мне кажется, все жили по благу – кто что мог где достать. Книги доставали по благу, посуду. А кто не мог достать стояли вот день и ночь, стояли вот сумасшедшие очереди. На моем веку уже, случай расскажу, стояли в очереди, что-то выбросили, но еще никто не знал что, но очередь была уже занята длинная, кольцами, люди между собой говорили: – «Ну, если даже размер не подойдет, может, подарю кому-нибудь, все равно же праздники на носу». То есть люди стояли – надо, не надо! То есть, есть уже три утюга – четвертый возьмем. То есть настолько было сложно с какими-то бытовыми вещами, с одеждой, со всем, с книгами – книги всегда было купить очень сложно!» (Инф. 7).

На основании мнений информантов можно заключить, что в целом, несмотря на сложившуюся в стране «систему дефицита», в 1970-1980-е гг. материальное положение северян было достаточно благополучным. Связано это было, прежде всего, с высокой зарплатой. Все, кто обустроивали свой быт в тот период, отмечают, что, несмотря на скудость «товарного ассортимента», могли себе позволить купить достаточно дорогостоящие бытовые предметы:

«Вот, я сейчас вспоминаю, как это было, <...>, тогда было хорошо. Там было ну, просто всё, всё было и было всё дешево, жили тогда конечно... Хорошо помню, когда сюда в трёхкомнатную приехали, всё таки трёхкомнатная квартира, её надо обставить. Я хорошо

помню, что я поехала на двадцать пятый километр, там до сих пор этот магазин есть, там магазин мебельный. Я на 700 с чем-то рублей или около 700 я купила буквально всё. Вот, гарнитур купила, сейчас скажу, сколько он стоил. Ну, короче любой шкаф стоил 50 рублей, я это хорошо помню, да, 50 рублей. Я зарабатывала 400 рублей» (Инф. 8).

В заключение приведем цитату информанта, которая, на наш взгляд, наглядно характеризует ситуацию, сложившуюся с потреблением в Мурманской области в советский период:

«У нас, конечно, было лучше, чем, например, в тех же деревнях средней полосы. Мы, по крайней мере, не голодали. Но то, что говорили про нас южане, что мы здесь всем обеспечены, это, конечно, неправда. Может, другие северные районы России, например, Иркутская область, и снабжались лучше, чем все остальные, но точно не наша Мурманская область» (Инф. 1).

Список информантов

Информант 1 – Женщина, 1958 г.р., уроженка Мурманской области.

Информант 2 – Мужчина, 1957 г.р., уроженец Красноярского края.

С 1971 года проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 3 – Женщина, 1964 г.р., уроженка г. Петрозаводска.

С 1966 года проживает в г. Кировске Мурманской области.

Информант 4 – Женщина, 1945 г.р., уроженка г. Владивосток.

С 1971 года проживает в Мурманской области.

Информант 5 – Женщина, 1949 г.р., уроженка Псковской области.

В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 6 – Женщина, 1986 г.р., уроженка Украины. В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Информант 7 – Женщина, 1968 г.р., уроженка Мурманской области.

Информант 8 – Женщина, 1954 г.р., уроженка Кировской области.

В настоящее время проживает в г. Апатиты Мурманской области.

Список литературы

Анохина А. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1977. 400 с.

Бойков В. Э. Кольский край: Цифры и факты. Мурманск: Кн. изд-во, 1983. 176 с.

Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953-1964 гг.: к постановке проблемы. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/istoriya/grigorieva.pdf.

Гурова О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005 (а). С. 6-21.

Гурова О. Отношение к вещам в советском обществе. Был ли Homo consumens в СССР? // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005 (б). С. 22-34.

Гурова О. От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005 (в). С. 35-48.

Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 288 с.

Дейхина Е. От ремонта к созданию интерьера: преобразование персонального жилого пространства в советской и постсоветской России // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 77-92.

Змеева О. В. «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. Вып. 1. Апатиты: изд-во КНЦ РАН, 2010. С.40-53.

Змеева О. В. Этнические мигранты на Кольском Севере в конце XX – в начале XXI вв.: автореф. дисс.....к.и.н.: 07.00.07.: СПб., 2009. 21 с.

Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

Иванова А. С. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 3 (77). С. 216–235.

Кировск в документах и фактах. 1946-1985 гг. Хрестоматия. Кировск, 2011. 265 с.

Косматова Е. В. Социальная повседневность 1950-1960-х годов. К историографии вопроса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Вып. 1. Т. 13. С. 190-191.

Леденева А.В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе. Мир России. 1997. № 2. С. 89-106.

Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы) М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 303 с.

Народное хозяйство Мурманской области в девятой пятилетке. Статистический сборник. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1976. 128 с.

Нечаева Е.С. Структуры повседневности советского человека в период перестройки (опыт анализа биографических интервью). URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/8/sociologiya/nechaeva.pdf.

Николаев В.Г. Советская очередь: прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 5 (43). С. 55-61.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Фарца: подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. № 5. С. 62-68.

Утехин И.В. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. 277 с.

Федоров П.В. Мурманская область в послевоенном СССР: 1945-1990 / Под ред. М.И. Сухарева. Мурманск: [б.и.], 1997. 80 с.

Сведения об авторе

Сулейманова Олеся Анатольевна,
младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Suleymanova Olesya Anatolyevna,
Junior Researcher of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК 314.62(=511.111)(470.21)

Е. В. Бусырева

ИСТОРИЯ СЕМЕЙ ИЗ ЮЖНОЙ ФИНЛЯНДИИ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматривается история финских семей Мурманской области, предки которых родились на территории южной Финляндии. Статья основана на интервью, полученных у пяти информантов и их семейных архивах. В статье освещается драматическая история «красных» финнов, дается краткая характеристика информантов с этнической точки зрения.

Ключевые слова:

«красные финны», семейная история, семейная память, миграции, репрессии, гетероэтнические семьи.

Е. V. Busyreva

THE FAMILY HISTORY OF THE MIGRANTS FROM THE SOUTHERN REGIONS OF FINLAND IN THE MURMANSK REGION

Abstract

The article presents the history of Finnish families of the Murmansk region, whose ancestors were born on the territory of southern Finland. The article is based on interviews obtained from five informants and on their family archives. The article tells about the dramatic history of the "red" Finns. The article gives a brief description of the informants from an ethnic point of view.

Key words:

«Red Finns», history of family, family memory, migration, repression, geteroethnical families.

В статье рассматривается история финских семей, мигрировавших из южных районов Финляндии в Советскую Россию. Объектом нашего исследования являются информанты, предки которых были выходцами из Хельсинки (семьи информантов В. А. и А. П.), из г. Таммерфорс (шведское название г. Тампере, отец информанта А. Л.) и из г. Выборга и Выборгской губернии (предки информантов Ю. И. и П. И.). Преимущественно это представители так называемых «красных» финнов. Заслуги «красных» финнов заключаются в том, что они сыграли существенную роль в борьбе с белофиннами, а также внесли значительный вклад в развитие Советской Карелии. Кроме того, часть «красных финнов» была направлена на Кольский полуостров, где с их помощью создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны и артели [Шлыгина, 1994: 371].

Статья основана на интервью, а также на семейных архивах информантов. Интервью и семейные архивы позволили реконструировать судьбы конкретных семей на протяжении нескольких поколений. В состав архивов входят старые фотографии, всевозможные письменные источники: свидетельства о рождении, справки из различных архивов, справки о реабилитации, вырезки из газет, содержащие сведения о родственниках. Кроме того, в некоторых семьях хранятся семейные реликвии.

Существенную помощь в изучении истории «красных» финнов оказали работы карельских исследователей И. Р. Такала, Г. Х. Богданова, монография финского профессора Вальо Расила «История Финляндии», а также мемуары И. М. Петрова (Тойво Вякя) «Красные финны». Уточнению некоторых биографических данных способствовали «Книги памяти», в том числе и данные фонда «Возвращенные имена». Например, информант А. Л. в интервью сообщила, что ее отец родом из Выборга, однако в «Книге памяти финнам...» под редакцией историка Л. А. Гильди указано место рождения отца информанта «г. Таммерфорс, Финляндия» [Книга памяти финнам..., 2010: 249].

Работы, изданные в советское время, носили идеологизированный характер. Заслуги «красных» финнов высоко оценивались. И не только самими «красными» финнами, такими как И. М. Петров, который писал: «Красные финны мне бесконечно дороги» [Петров, ЭР], – а также и историками русского происхождения, например, А. А. Киселевым. Тот же И. М. Петров, естественно, крайне отрицательно относился к белофиннам и с чувством благодарности – к советской власти: «Мы помним, и молодые не должны забывать: пролетарская Россия вернула финнам даже больше, чем они просили» [Там же]. И это не удивительно. И. М. Петров – псевдоним полковника пограничных войск КГБ СССР Тойво Вякя, который сменил имя и национальность из-за служебной необходимости. Он искренне верил в свои идеалы.

Начиная с 1990-е гг. интересы исследователей обратились от темы героической революционной борьбы «красных» финнов к темам репрессий, направленных против российских финнов. Изменение тематики и идеологической направленности можно рассматривать как следствие постперестроечной политики государства и изменения отношения к финнам после принятия Постановления «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. Наиболее эмоционально тема репрессий в отношении российских финнов представлена в работах Л. А. Гильди «Расстрелы, ссылки, мученья», «Беда народа», «Судьба «социально-опасного» народа», «Народ изгой в России», «Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР». Уже по названиям книг видно отношение автора к событиям советской истории. Л. А. Гильди считает, что в отношении российских финнов руководство СССР проводило политику геноцида. Такую позицию можно объяснить тем, что автор подвергался репрессиям, был узником «ГУЛАГа».

В декабре 1917 г., после победы Октябрьской революции, Финляндия провозгласила независимость [Герасимов, 2003: 12]. К этому времени в Финляндии в результате победы на выборах пришли к власти социалисты. В Хельсинки было сформировано правительство – Совет народных уполномоченных и верховный орган власти Главный рабочий совет. Совет народных комиссаров России во главе с В. И. Лениным в декабре этого же года подтвердил суверенитет Финляндии (рис.1). Финляндия, в свою очередь, признала правительство большевиков. В конце января 1918 г. в Финляндии началась гражданская война между «красными» и «белыми» финнами [Расила, 2006: 185]. Белофинны получают военную поддержку из Германии, а «красные» финны – из Советской России. Так, по личному распоряжению В. И. Ленина в Финляндию был отправлен под охраной «красных» финнов эшелон с оружием [Петров, 1973]. Однако надо иметь в виду, что в случае обнаружения германской стороной поставок оружия рабочим формированиям в Финляндии в переговорах Советского правительства с Германией возникли бы осложнения.

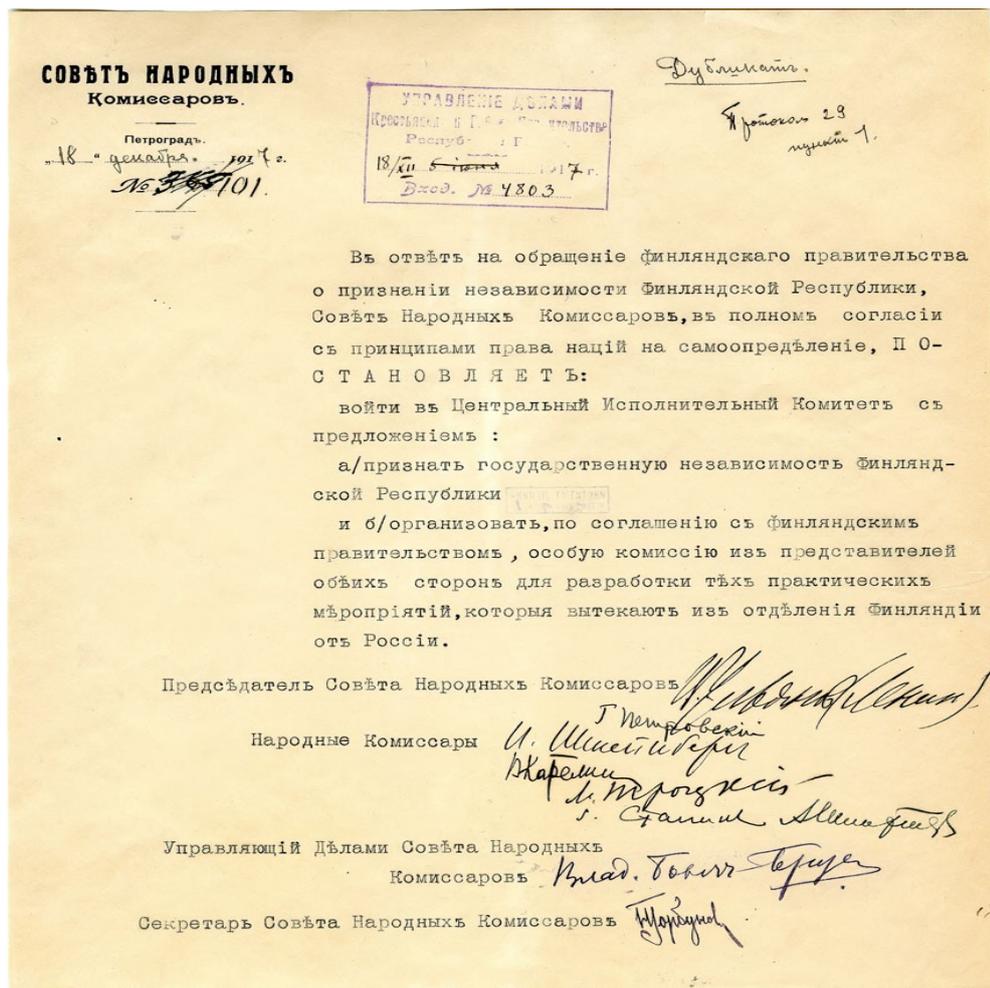

Рис.1. Декрет о независимости Финляндии

Под контролем «красных» финнов оказалась южная часть Финляндии, а «белых» – центральная и северная [Герасимов, 2003: 12]. В мае 1918 г. белофинны в ходе Гражданской войны в Финляндии одержали победу над «красными» финнами. Одной из причин поражения «красных» было то, что в слабой тогда партии финского рабочего класса не было единства, и она не имела четко выработанной тактики [Петров, 1973].

После поражения «красных» некоторые финны, поддерживавшие социалистическую революцию, вынуждены были эмигрировать из маннергеймовской Финляндии в РСФСР [Киселев, 2009: 68]. К. Г. Э. Маннергейм получил от собственного народа прозвище «Лахтари» – Мясник – за уничтожение «красных» финнов во время подавления революции 1918 г. [Ставицкий, 2011: 147]. Барон К. Г. Э. Маннергейм, генерал царской армии, стал впоследствии президентом и маршалом Финляндии. После подавления революции начинается расправа над «красными» финнами членами подразделения шюцкор (добровольная организация по обороне Финляндии,

возникшая в 1917 г. [Расила, 2006: 235]). Многие были заключены в тюрьмы и концлагеря или же казнены. Тогда же, в мае 1918 г., буржуазная Финляндия начинает военные действия против Советской России. Эти события в отечественной историографии принято рассматривать как часть иностранной военной интервенции на севере России.

14 октября 1920 г. между Советской Россией и буржуазным правительством Финляндии был заключен Тартуский мирный договор [Расила, 2006: 229]. В соответствии с этим договором Выборгская губерния, часть территории западной Карелии и Печенгский район Мурманской области вошли в состав Финляндии.

Поражение в Гражданской войне вынудило «красных» финнов бежать в Советскую Россию [Такала, 2009: 107-108], чтобы не оказаться в руках финских лахтарей [Локко, 1993: 323]. Для финских красногвардейцев Россия стала новой родиной. Многие представители «красных» финнов влились в ряды Красной Армии. Так, из «красных» финнов было сформировано воинское подразделение, задача которого состояла в охране Мурманской железной дороги от белофиннов, вторгшихся на территорию России [Расила, 2006: 194]. Заслуги «красных» финнов отмечали и мурманские историки: «В ходе Гражданской войны на советскую территорию стала переходить часть финских пролетариев. Красные финны оказали неоценимую помощь в борьбе с белофиннами» [Киселев, Климов, 1977: 141-142]. Отряды «красных» финнов вели борьбу и на севере Карелии против «Ухтинской республики», правительство которой получало как финансовую, так и военную помощь от финского правительства. Были организованы подразделения шюцкор аналогично таким же отрядам в Финляндии. Выдвигались требования о присоединении Ухтинского края к Финляндии. Те, кто не вступал в подразделения шюцкор и не поддерживал их взгляды, подвергались насилию [Богданов, 1927: 9]. В борьбе с шюцкоровскими подразделениями принимали участие партизаны, способствовавшие изгнанию отрядов «Ухтинского правительства». Командиром одного из партизанских отрядов был прадед информанта Ю. И.

Важную роль в борьбе с белофиннской интервенцией сыграл лыжный батальон «красных» финнов под руководством Т. Антикайнена. Осенью 1921 г. белофинны, воспользовавшись почти полным отсутствием на севере РККА, вторглись в Советскую Карелию. Как свидетельствовали очевидцы событий, вторгшиеся белофинны нещадно грабили местных жителей. В этих условиях Карельский Военно-революционный комитет приступил к формированию добровольческих лыжных отрядов из финнов и карелов. В этом подразделении сражался отец информанта А. Л. За боевые заслуги он был награжден именными часами от «ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» [Петров, 1973].

Информант А. Л. в своем рассказе неоднократно упоминала имена Тойво Антикайнена и К. К. Рокоссовского, тем самым подчеркивая авторитет своего отца:

*Отец мой был в Гражданскую войну в отряде Тойво Антикайнена.
Член партии.*

Отец окончил в Ленинграде советские инструкторские курсы высшего командного состава Рабоче-крестьянской Красной Армии. По другим источникам, отец был столяром, возможно, впоследствии, перед арестом, он поменял род деятельности. В 1937 г. был осужден Особой тройкой НКВД КАССР и

через несколько дней расстрелян в окрестностях г. Петрозаводска. В 1958 г. реабилитирован Верховным Судом КАССР [Книга памяти финнам..., 2010: 249].

Семья прадеда информанта В. А. бежала из Финляндии после поражения «красных» финнов в Петроград [Бусырева, 2011: 25]. Прадед был уполномоченным Демократического комитета Совета народных уполномоченных Финляндии (революционное правительство «Красной Финляндии»), сформированное из числа представителей левого крыла финской Социал-демократической партии). С конца марта 1918 г. прадед был одним из руководителей Департамента внутренних дел [СА инф. В. А.; Инкери, ЭР]:

Прадед был членом Парламента, руководителем какой-то левой фракции.

В тридцатые годы прадед преподавал в Ленинграде в финноязычном техникуме [СА инф. В. А.] (рис.2).

Рис.2. Прадед информанта В.А. Проездной билет на трамвай, выданный прадеду примерно за 3 месяца до ареста

По-видимому, прадед информанта П. И. был также из «красных» финнов (рис.3).

Рис.3. Прадед информанта П. И. (фото из СА)

Прадед – уроженец деревни Харлу Сердобольского уезда Выборгской губернии. До ареста в 1938 г. он работал в пос. Шонгуй старшим путевым обходчиком 10-й дистанции пути Мурманской железной дороги [Электронная книга Памяти, ЭР].

Родители матери информанта А. П. также из «красных» финнов:

Они в революционные годы границу перешли.

Семейная память хранит истории, связанные с революционными годами. Однако некоторые из них не вызывают доверия. Так, информант Ю. И. рассказал интересную семейную историю, передающуюся из поколения в поколение:

Прабабушка у нас с Выборга. Когда начались эти революционные события, один из родственников прабабушки решил уйти на территорию Финляндии, но боялся, потому что тех, кто были за красных, вылавливали по дороге и убивали. Поэтому, чтобы этого не произошло, он взял с собой детей, в том числе и прабабушку. И он вывез их в Финляндию. Родственники прапрабабушки в Финляндии разобрали детей себе по семьям. Через какое-то время их мать, то есть моя прапрабабушка захотела вернуть детей. Чтобы их вернуть, ей пришлось писать письмо Калинин, что вот так дети оказались на территории Финляндии, и она просит, чтобы ей разрешили перейти границу и забрать детей. Самое интересное, что ей позволили пересечь границу. Единственное, что

сказали, что отпустят тех детей, которые захотят с ней ехать. И вот согласились ехать моя прабабушка и её сестра, а старший брат наотрез отказался.

В этом рассказе вызывает сомнение то, что родственник «был за красных», так как в революционный период «красные» финны, напротив, мигрировали из Финляндии в Советскую Россию. Кроме того, неизвестно, где в революционные годы находилась прапрабабушка. Если она проживала в Выборге, который в то время входил в состав Финляндии, то о какой границе речь? Это семейное предание явно не состыкуется с исторической реальностью. Есть сведения, что в 1938 г. прапрабабушка проживала в Ленинградской области [Электронная книга Памяти, ЭР]. Известно только, что в конце 1920-х гг. прабабушка жила в Ленинграде, а бабушка родилась там же в 1928 г.

Отец бабушки в самом начале 1930-х гг. ездил в загранкомандировки в Финляндию и в Германию:

Там он читает лекции. Но в документах, присланных из академии наук, не пишется, что за лекции. Когда он вернулся, у него начались, мягко выражаясь, трения с органами <ОГПУ – Б.Е.> (Инф. Ю. И.).

Будучи в командировке в Хельсинки, прадед не пытался восстановить связи с родственниками в Финляндии. После загранкомандировок он попал в психиатрическую больницу и вскоре умер:

И вот самое интересное, что прабабушка, у меня создалось такое впечатление, что она даже не дождалась его смерти, грубо говоря, покинула Ленинград, забрала мою бабушку и уехала в Петрозаводск к сестре (Инф. Ю. И.).

Со слов информанта, чтобы избежать репрессий, бабушка «переезжала с одного места на другое». Как известно, в 1930-х гг. начинаются репрессии, направленные против инонационалов. V Октябрьский Пленум Карельского обкома ВКП (б) 1935 г. положил начало борьбе «с финским буржуазным национализмом» [Такала, 2007: 50; Веригин, ЭР]. Одним из обвинений в адрес финнов было наличие связи с заграницей, а у многих за границей остались родственники [Иштонкова, 2010: 80]. Финнам были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности, что в тот исторический период особой трудности не представляло, судебных процессов как таковых не было, достаточно было осудить тройке НКВД. Финны-иммигранты были обвинены в причастности к диверсионно-террористическим и контрреволюционным организациям, работавшим по заданию финского генштаба с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии [Шлыгина, 1994: 372].

От репрессий 1930-х гг. пострадали представители большинства семей информантов. По неофициальным данным в результате политических репрессий 1937-1938 гг. подверглись арестам около 20000 граждан финской национальности [По решению правительства, 2003: 356]. Прадед информанта В. А. преподавал в эстонско-финском педагогическом техникуме в Ленинграде, в 1938 г. был осужден на пять лет ИТЛ и умер в тюремной больнице в 1939 г. [Сакса, 2009: 91; Книга памяти финнам, 2010: 16]. Отец информанта А. Л. был военным, его обвинили в контрреволюционном заговоре. Как вспоминает А. Л.:

Мне уже 8 лет было. Я всё помню. Помню, как отца вместе с другими мужчинами раздетыми... вели в клуб. Он мне издала рукой помахал.

Когда отца в 1937 г. арестовали [Книга памяти финнам..., 2010: 249], мать информанта А.Л. «на второй день выгнали с работы». Она работала в столовой для военных. А детей, в том числе и А. Л., выгнали из школы:

Я во второй класс ходила. Мы утром пришли в школу, а нас в школу не пустили даже. Сказали, дети врага народа не будут учиться в школе. Я там два класса только закончила. А сестра старшая в комсомоле была, ее из комсомола выгнали сразу.

Школа была финская. Директора школы, финна по национальности, позже расстреляли около школы прямо при всех детях, а школу закрыли. Подобные сведения, зафиксированные в памяти непосредственного участника событий, позволяют лучше понять эпоху [Дубровская, 2014: 138].

Прадед информанта П. И. был арестован в 1938 г. и приговорен к ВМН за шпионаж. Прапрабабушка информанта Ю. И. была обвинена в «шпионаже в пользу финской разведки» и приговорена к ВМН [СА Ю.И.]. Подверглась репрессиям и сестра прапрабабушки. Члены семьи информанта А. П. от репрессий 1930-х гг. не пострадали.

Затем началась Вторая мировая война. Старшего брата информанта А. Л. (сын матери от первого брака, карела по национальности) забрали в армию:

В армии он попал в плен к финнам, но у финнов он не хотел оставаться, потому что родина была родина, вот. И, когда меняли военнопленных, его поменяли. Сюда когда поменяли, его у нас в России отправили в концлагерь, там сильно били.

В 1941-1942 гг. в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР финские семьи были эвакуированы подальше от границы в тыловые области СССР. Так, семья информанта А. Л. была эвакуирована в Коми АССР, семья информанта Ю. И. – в Чувашию:

Из Петрозаводска их везли на барже, летали самолеты и их бомбили (Инф. Ю.И.).

Семью информанта А. П. эвакуировали в Вологодскую область:

Мы оказались в Вологодской области, а наши родственники с другой стороны Рыбинского водохранилища в Ярославской области. Мы плыли на барже по Беломоро-Балтийскому каналу.

Дед В. А. с 1932 г. был военным летчиком. 9 марта 1942 г. по распоряжению Военного Совета Ленинградского фронта выслан в административном порядке из Ленинграда без указания срока высылки по национальному признаку [СА В.А.]:

Они по «Дороге жизни» эвакуировались, вернее сначала отец, он был какое-то время в детском доме. Бабушка потом нашла его в детском доме за Уралом не сразу после войны, а где-то в сорок шестом. Они пытались осесть где-то в Ивановской области, но так и не удалось из-за национальности. В Ленинград их, естественно, обратно не пустили, они поехали по Союзу. И, наконец, в Эстонии приткнулись.

Финнам после войны было запрещено проживать в Ленинграде и области, поэтому семьи вынуждены были искать новое место жительства. В их числе оказалась и семья В. А., которой долгое время пришлось колесить по Советскому Союзу. В результате всех мытарств семья распалась, дед оказался на долгие годы в психиатрической больнице, где и умер [СА В.А.]. Почему многие

финские семьи выбрали Эстонию в качестве нового места поселения? Причин такого выбора несколько: во-первых, сравнительно благоприятная экономическая обстановка в Эстонии; во-вторых, территориальная близость к родным местам; в-третьих, этническое и религиозное родство с эстонцами; в-четвертых, надежда на более благосклонное отношение со стороны местного населения, чем в России [Мусаев, 2002].

По свидетельству информанта П.И. во время войны семья оставалась в Кильдинстрое:

Когда прадеда забрали, его семья сразу же переехала в Кильдинстрой.

Это нетипично, так как финские семьи летом 1940 г. переселялись из Мурманской области в Карело-Финскую ССР согласно Приказу НКВД СССР № 00761 [По решению правительства, 2003: 358–359].

Во время войны дед информанта А. П. оказался в трудармии в Воркуте:

Как он туда приехал, так оттуда сразу пришло сообщение, что он умер.

Начиная с 1942 г. существовала система трудовой мобилизации по национальному признаку [Вавулинская, 2013: 3]. В связи с этим было принято Постановление ГКО № 2409 от 14 октября 1942 г. о мобилизации в рабочие колонны НКВД граждан национальностей воюющих с СССР стран (мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет) [По решению правительства, 2003: 360]. Условия в лагерях были крайне тяжелые, поэтому не все смогли выжить.

После войны А. Л. вместе с матерью вернулись в Карелию. В послевоенные годы многие девушки работали в леспромхозе, в их числе и А. Л.:

Я пошла в лес работать. Взрослые пилили, давали лес, а мы, подростки, трелевали.

Из леспромхоза А. Л. сбежала вместе с другими девушками учиться:

Я в Иделе ФЗУ закончила. Я пошла на слесаря учиться. Там немножко больше хлеба давали, килограмм.

Во время учебы А. Л. и других учащихся забрали в Мосельск на разминирование:

А когда одна подорвалась, нам сказали: «Всё». Дали бумажку и обратно в Идель нас.

Потом она работала вместе с мужем-геологом в геологических экспедициях на Колыме.

Безусловно, Вторая мировая война способствовала разъединению семей.

Примечателен рассказ о встрече трех сестер, которых разъединила война:

Когда мы все нашлись, столько корреспондентов приехало в Пудож! После сорока лет мы встретились только. Разве это мыслимо! (Инф. А.Л.).

А. Л. очень эмоционально описала момент встречи с сестрами. Во время войны старшая сестра была военнообязанной, работала на железной дороге. Однажды она нашла на путях отрезанную ногу и после этого не смогла работать дальше. Поскольку ее не отпускали, она сбежала. Всю войну скрывалась у староверов. После войны пробралась в Карелию, в Пудож, вышла замуж и поменяла фамилию. Таким образом, затерялась.

Представители семей А. Л., В. А., А. П. и Ю. И. оказались на Кольском полуострове в послевоенное время. Информанты А. П. и В. А. мигрировали

на территорию Мурманской области по трудовому распределению после окончания учебных заведений. Информант В. А. переехал из Ленинграда в г. Кировск после окончания института им. П. Ф. Лесгафта, информант А. П. оказался в пгт. Кукисвумчорр по распределению жены после окончания Ленинградского Горного института. Миграция с целью трудоустройства, которую принято считать «добровольной», зачастую была вызвана принуждающим фактором [Юдина, 2006: 245].

Семьи информантов А. Л. и Ю. И. переехали на территорию Мурманской обл. в поисках «лучшей жизни». Данный мотив миграций является наиболее распространенным во все времена и среди всех групп российских финнов.

Поскольку «красные» финны оказались оторванными от родных мест компактного проживания финского населения, они вступали в межэтнические браки. Все информанты происходят из гетероэтнических семей. Исследование показало, что этническое самосознание во всех рассмотренных случаях опирается, прежде всего, на происхождение и является результатом личного выбора. Информанты А. Л. и А. П., рожденные до Второй мировой войны, имеют финские имена. Все информанты идентифицируют себя по национальности отца: А. Л. и В. А. – финны, А. П. – карел, П. И. и Ю. И. – русские.

Владеют финским языком в разной степени двое информантов из финно-карельских семей. Информант А. Л. на слабом бытовом уровне, информант А. П. в совершенстве:

Я финский язык впитал с молоком матери. И с бабушкой по-фински говорил.

Кроме того, его отец, карел, знал финский язык, во время войны был переводчиком на Карельском фронте; в послевоенное время – известный карельский журналист, редактор, переводчик, работавший с членами делегаций высшего государственного уровня. Самого информанта приглашали переводчиком в отдел культуры г. Кировска, а также на различные международные мероприятия, поскольку он мог свободно вести синхронный перевод во время заседания [Казаков, 2013: 33]. Тем не менее, дети информанта знают только карельский язык. Причины заключаются в том, что жена А. П. – карелка, дети каникулы обычно проводили в Калевале в карелоязычном окружении.

По религиозной идентичности информанты либо относят себя к атеистам, либо придерживаются православного вероисповедания.

Этнически специфические черты в материальной культуре в собственных семьях информантов в настоящее время отсутствуют.

По социальному составу предки информантов А. Л. и П. И. являются выходцами из крестьян, предки информантов В. А., А. П. и Ю. И. – горожане. Уровень образования у информантов различен: у А. Л. – среднее (ФЗУ), у А. П. – среднее специальное (милицейское училище и железнодорожный техникум), у В. А., П. И. и Ю. И. – высшее.

В ходе исследования были выявлены представления информантов о предках, о том, как драматические события XX века повлияли на судьбу семей. Следует отметить, что у информантов различная степень знаний об истории рода и различная степень заинтересованности в этих знаниях. Так, информант П. И. (1984 г.р.) начал проявлять интерес к истории своей семьи и расспрашивать старших после того, как ему интервьюер стал задавать вопросы.

Из этого можно сделать вывод, что сохранность и передача сведений об истории семьи зависит от личной заинтересованности человека, а также от количества и качества документальных источников.

Препятствием к знанию истории своей семьи является и то, что для старшего поколения воспоминание трагических событий прошлого слишком тягостно. Поэтому многие остерегались расспрашивать старших, оберегали их от воспоминаний:

Если я маму начинала расспрашивать, то она расстраивалась сильно, а у неё сердце большое было. Сын мне говорил: «Оставь бабушку» (Инф. А.Л.).

Иногда представители старшего поколения сознательно старались утаить какие-либо сведения о семье, чтобы оградить своих близких от возможных проблем:

Причем прабабушка боялась, когда уже в восемьдесят пятом началась перестройка, и сказали, что надо бы всех реабилитировать, прабабушка всё равно боялась. И когда моя бабушка сказала, что я напишу про свою бабушку, она сказала: «Ты – дура, они специально выясняют тех, кто еще жив. Будут убивать». Вот у нее была такая установка (Инф. Ю. И.).

Память о прошлом семьи и отдельных ее представителях сохраняется в некоторых семьях информантов в виде семейных реликвий. Учитывая те обстоятельства, в которых оказывались семьи информантов (репрессии конца 1930-х гг., Вторая мировая война и вызванные этими обстоятельствами бесконечные переезды), сохранить в семье реликвии было делом весьма проблематичным. Реликвии утрачивались, и в семье осталась лишь память о них:

Книга была у нас дома «Они защищали Родину». Вот там фотография нашего отца была. И когда отца забрали, и книгу эту забрали. Я эту книгу уже читать умела по-фински, мне восемь лет было. И что я еще запомнила, у отца была сабля, подаренная Тойво Антикайненом (Инф. А.Л.).

Золотые часы были в войну проедены в эвакуации. Остался только вот этот наградной лист (Инф. Ю. И.).

Рассказывая о событиях, связанных с периодами гражданской войны, информанты, естественно, обращали внимание на воинские заслуги своих предков.

Несмотря на трудности различного характера, все информанты в той или иной степени интересовались своими корнями: расспрашивали старших родственников, запрашивали сведения в архивах о представителях семей. В ходе исследования было выявлено, что «финскость» более всего прослеживается в финно-карельских семьях у информантов А. Л. и А. П., рожденных до Второй мировой войны. У информантов молодого поколения Ю. И. и П. И. наблюдается полное размывание финской идентичности, тем более что они происходят уже из полиэтнических семей. В этом отношении чуть отличается ситуация у Ю. И., так как он воспитывался бабушкой, происходившей из карело-финской семьи.

Интервью выявили общность исторических судеб семей, чьи предки были выходцами из южных регионов Финляндии: во всех семьях кто-либо из родственников пострадал из-за трагических событий в истории нашей страны XX в. Семейно-родственный круг после всех перипетий не распался, а, скорее,

восстановился, о чем свидетельствует знание истории семьи и поддержание контактов с родственниками. В настоящее время представители семейно-родственных общностей проживают в Финляндии, Карелии, в Мурманской и Ленинградской областях, то есть в местах традиционного проживания финнов.

Информанты довольно спокойно повествуют о судьбах своих предков. Исключение представляет информант А. Л., которая была непосредственной свидетельницей репрессий, направленных против финнов. На ее глазах арестовали отца. Да и ее саму репрессии коснулись. Возможно, эмоциональность рассказа – следствие и гендерного фактора (остальные информанты – мужчины). А. Л. испытывает, с одной стороны, чувство гордости по отношению к героическому прошлому своего отца, с другой стороны, жалость и горечь по поводу его трагической судьбы. Вспоминая, как ездила на перезахоронение отца, она не смогла удержать слез. Несмотря на то, что отца в 1937 г. расстреляли, А. Л. каких-либо резких высказываний против советской власти себе не позволяет, а И. В. Сталина оправдывает:

Сразу говорили, что это не Сталин, он подневольный был, им кто-то руководил. Умные грамотные люди, они сразу поняли. Все, кто работали в экспедиции, я уже большая была, понимала, замужем, они сказали, это не Сталин. А вот те, кто бежали за границу, вот те умные были люди все. Вот.

Подобное оправдание правителя: «не он виноват в наших бедах, а его окружение» – характерный для «народного» отношения к власти стереотип. Поколение детей репрессированных «красных финнов» (как и всех детей коммунистов, пострадавших от советской власти) оказывается здесь в особой психологической ситуации. Если одни однозначно считают себя вправе обвинять власть в убийстве «отцов», то для других это означало бы «предать память» родителей, которые верно служили коммунистической идее. Безусловно, те и другие заслуживают понимания.

В отличие от А. Л., информант А. П. был немногословен и несколько насторожен. Так, на некоторые вопросы он отвечал: «*А зачем Вам?*» Поэтому выяснить его отношение к происходившим событиям не представлялось возможным.

Информант В. А. уважительно отзывается о своем прадеде, который был членом правительства Финляндии в революционные годы. В его рассказе об аресте прадеда в 1938 г. чувствуется ирония:

Самое смешное, что он один из руководителей левых <«левых» – выделено информантом при помощи интонации – Б. Е.> фракций в финском Парламенте, поэтому он и бежал через Выборг в Россию.

Информант вырос в Эстонии в спокойное брежневское время:

Нигде никаких гонений, связанных с моей фамилией у меня не было. Рос я законопослушным пионером. Руководил пионерской организацией школы, и комсомольской организацией школы. С удовольствием ходил на демонстрации. Против идеологии не попрешь никуда.

Пожалуй, последняя фраза и определяет отношение В.А. к прошлому. Его собственная жизнь, да и жизнь его родителей, сложилась благополучно и прошла без особых потрясений.

Информант Ю. И. говорит, что в семье был сильный раскол по политическим взглядам. Никаких эмоций по поводу репрессий в отношении предков в беседе не проявлял. Для него события 1930-х гг. слишком отдалены, и Ю. И., естественно, не был близок к погибшим родственникам. Он просто рассказывал историю рода. Информант П. И. – миролюбивый, спокойный, немногословный – также не давал никаких оценок, и он плохо знаком с историей семьи.

Таким образом, информанты никак не оценивали политический выбор своих предков. Конечно, интервьюируемые сопереживают родственникам, подвергшимся репрессиям в 1930-е гг. Что же касается выселения финнов из Ленинграда по национальному признаку в конце августа 1941 г., то, как отмечала И. Р. Такала, это оказалось для них «по иронии судьбы» благом, поскольку избавило от голода блокады.

В заключение можно сделать вывод, что в основном семейные истории отражают известные исторические события (отчасти исключение – история семьи Ю. И.). Информанты более сдержанно оценивают период репрессий, чем, например, Л. А. Гильди. У них более терпимое отношение. Интервью и семейные архивы не только подтверждают официальные данные о «красных» финнах, но и дополняют эти данные новыми ценными сведениями.

Список сокращений

ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)

ВМН – высшая мера наказания

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ГКО – Государственный Комитет Обороны

ГУЛАГ – Главное управление лагерей

ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь

КАССР – Автономная Карельская Советская Социалистическая

Республика

КФССР – Карело-Финская советская Социалистическая Республика

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление

пгт – поселок городского типа

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая

Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

УК – Уголовный кодекс

Список информантов²

А. Л., Ж, 1927, хутор Ченги Тунгурского р-на КАССР.

В. А., М, 1959, г. Тарту.

П. И., М, 1984, пос. Черский Якутии.

А. П., М, 1935, пос. Калевала Карелии.

Ю. И., М., 1973, г. Апатиты.

² Инициалы, пол, год рождения, место рождения.

Источники

Декрет о независимости Финляндии 31 (18) декабря 1917 г. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 001. Л. 1. Рукописи Ленина (1881-1923).

Семейные архивы (СА): А. Л. (Апатиты), В. А. (Кировск), П. И. (Кильдинстрой), А. П. (Кукисвумчорр), Ю. И. (Апатиты).

Список литературы

Богданов Г. Х. Трудящиеся Ухтинского района в борьбе за власть труда (1919-1921) // Карело-Мурманский край. 1927. № 10-11. С. 7-13.

Бусырева Е.В. Миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Апатиты. 2011. С. 19-29.

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.

Веригин С. Г. Формирование и боевые действия Финской народной армии в Советско-Финляндской (зимней) войне 1939-1940 годов. URL: <http://statehistory.ru/1262/Formirovanie-i-boevye-deystviya-Finskoj-narodnoj-armii-FNA-v-zimney-vojne-1939-1940-godov> (дата обращения: 04.04.2016).

Герасимов Д. А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 11-16.

Дубровская Е. Ю. Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: революция 1917 года, гражданская война и иностранная интервенция в общей памяти жителей Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. Апатиты, 2014. С. 131-140.

Иштонкова В. В. Как погасили «ЛУЧ». Последние годы коммуны «SÄDE» // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / Науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 76-86.

Казаков Л. Соседи – Naarigit (общество дружбы двух народов). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. 101 с.

Киселев А. А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2004. № 6 (История и право). С. 5-21.

Киселев А.А. Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.

Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Книга памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Т. 1. / Сост. Гильди Л. А., Браудзе М. М. СПб.: ООО «Гиоль», 2010. 655 с.

Локко С.П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Мусаев В.И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX – н. XX вв.): автореферат дис. ...доктора ист. наук. СПб институт истории РАН. СПб, 2002.

Официальный портал организации «Инкери». URL: <http://www.inkeri.ru>.

- Петров И.М. Красные финны. URL: <http://profilib.com>.
«По решению правительства Союза ССР...» / Сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.
Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 360 с.
Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2009. 208 с.
Ставицкий А. Финские заметки. СПб.: Нева, 2011. № 11. С. 136-152.
Такала И.Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии. Сборник научных статей. Вып. II. Северо-американские финны в Советской Карелии 30-х годов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 32-51.
Такала И.Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории культуры Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 107-149.
Шлыгина Н. В. Финны // Народы России. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 370-373.
Электронная книга Памяти. Ленинградский мартиролог. Т. 11. URL: <http://visz.nlr.ru>.
Электронная книга Памяти. Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных. URL: <http://visz.nlr.ru>.
Юдина Т. Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М: Академический Проект, 2006. 272 с.

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна,
младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Busyreva Elena Vladislavovna,
Junior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science
Centre, RAS

УДК 061.62:94(470.21)

Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев

**РОЛЬ А. Е. ФЕРСМАНА В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОЛЬСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ в 1939-1941 ГГ.
ЧАСТЬ 2. 1940-1941 ГГ.**

Аннотация

Рассмотрена и проанализирована роль академика А. Е. Ферсмана в развитии академической науки на Кольском полуострове в последние предвоенные годы. В преддверии мировой военной угрозы А. Е. Ферсман выступает организатором консолидации научных сил Кольской Базы АН СССР и центральных научных учреждений. В статье освещены два

предвоенных года – 1940,1941 гг., когда под руководством А. Е. Ферсмана были сформированы приоритетные задачи научных исследований на Кольском полуострове, в том числе и для Кольской Базы АН СССР.

Ключевые слова:

А. Е. Ферсман, академическая наука, Кольская База АН СССР, Кольский полуостров, консолидация научных сил, приоритетные задачи.

E. I. Makarova, V. P. Petrov, A .D. Tokarev

THE A.Ye. FERSMAN'S ROLE IN THE CONCEPTUAL DEVELOPMENT OF THE ACADEMICIAN SCIENCE IN THE KOLA ARCTIC REGION IN 1939-1941. PART II. 1940-1941

Abstract

The role of academician A.Ye. Fersman in the development of the academician science on the Kola Peninsular in the last pre-war (World War II) years is considered and analyzed. On the threshold of the world war threat, A. Ye. Fersman was the initiator of consolidating the scientific forces of the Kola Base of the USSR Academy of Sciences and the central scientific establishments. The article considers the year of 1940-1941, the first year of that complicated period, when, under the leadership of A.Ye. Fersman, the priority tasks of scientific investigations to be carried out on the Kola Peninsular, were formulated, with some of these for the Kola Base of the USSR Academy of Sciences.

Key words:

A. Ye. Fersman, academician science, the Kola Base of the USSR Academy of sciences, the Kola Peninsular, consolidation of scientific forces, the tasks of priority.

В предвоенные годы Мурманская область, пережив вместе со всей страной трудные в социально-политическом отношении события, вступила в новый этап развития, характеризующийся мощным прорывом в экономике и промышленности. Перед советской наукой была поставлена задача объединения потенциала научных учреждений страны и концентрации их деятельности, опирающихся на решения XVIII мартовского съезда ВКП (б) 1939 года. На фоне нависшей над Европой военной угрозы со стороны стремительно развивающейся фашистской Германии перед приграничным регионом Кольского Севера с его огромным природным потенциалом особенно остро встало решение узловых проблем экономики края. На новом этапе развития научных исследований академик А. Е.Ферсман всю свою неукротимую энергию организатора науки направил на активизацию научного обеспечения народного хозяйства Мурманской области. Подчеркивая особую роль Кольской базы АН СССР в решении поставленных перед наукой задач, А. Е. Ферсман говорил, что «...Кольская база, обновленная в своем составе и дополненная крупными научными специалистами, должна взять на себя разрешение узловых вопросов, которые стоят в третьей пятилетке перед Мурманской областью, и особенно обратить внимание на те узкие места, которые задерживают общее развитие края и комплексное использование его замечательных природных богатств» [Макарова, Петров, Токарев, 2015: 85]. Заручившись поддержкой со стороны

Президиума АН СССР и органов власти, А. Е. Ферсман направляет кольскую науку на работу во взаимосвязи с руководителями промышленных и сельскохозяйственных предприятий области. Развитие тематики исследований Кольской базы АН СССР и ход их внедрения в жизнь в 1939 г. были описаны в первой части данной статьи [Там же].

На 1 января 1940 г. численность штата КБАН составляла 87 шт. единиц, при общем количестве научных сотрудников – 40 (27 с.н.с. и 13 м.н.с.): 1 академик и 10 кандидатов наук, тогда как в 1939 г. при общем штате из 32 чел.: 1 академик и 4 канд. наук [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 101-а. Л. 7].

В начале 1940 г., с 2 по 4 января, состоялась Первая сессия Ученого совета Кольской базы АН СССР. Открыл сессию вступительной речью академик А. Е. Ферсман, затем были заслушаны доклады академика А. С. Варги «Догнать и перегнать»; академика А. Е. Ферсмана «С. М. Киров и наука в Хибинах»; чл. корр. АН СССР С.И. Вольфовича «Химизация Хибин»; инженера А. Е. Чирникова «Апатит в металлургии»; академика ВАСХНИЛа И. Г. Эйхельда «Осеверение земледелия»; проф. С. А. Каспаровой «Биохимия на службе северного земледелия»; к.б.н. Н. А. Аврорина «Полярно-альпийский Ботанический сад в Хибинах»; к.г.н. О. А. Воробьевой «Ловозерские тундры»; к.б.н. А. В. Каныгиной и др. «К проблеме водоснабжения Кировска»; Зеленова «Работы по снегу»; проф. Н. К. Разумовского «Проблематика работ Кольской базы АН СССР на 1940 год»; проф. Б. М. Куплетского «План издательства на 1940 г.»; академика А. Е. Ферсмана «Менделеевская таблица в Хибинах». Сессия завершилась обсуждением решений прошедших в 1939 г. важнейших конференций по Монче, оливинитам, воде и снегу [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Д. 101-а. Л. 17-19]. Сессия задала темп всей дальнейшей научной работе ученых на оставшийся период предвоенных лет. Начиная с февраля 1940 г. на Базе был организован и проведен ряд тематических конференций, первой из которых стала конференция по ниобию, проходившая с 14 по 19 февраля 1940 г. Председательствовал на ней А. Е. Ферсман, отметивший, что это мероприятие «впервые и в вполне определенной форме выявило большую заинтересованность нашей металлургии в ниобии, этой новой восходящей звезде среди редких металлов». В открытой части заседания были заслушаны доклады ведущих ученых Академии наук, ИОНХа и других научных учреждений в рамках тематики: академика А. Б. Гудкова «О применении ниобия и тантала в металлургии»; профессора Н. А. Тананаева «О методе разделения ниобия и тантала с использованием плавиковой кислоты»; О. Е. Звягинцева «О методе разделения ниобия и тантала с использованием хлорной среды»; В. С. Быковой «О разработке аналитических методов исследования лопаритовой руды Ловозерского месторождения». В прениях по докладам высказал свое мнение А. Е. Ферсман: «Очевидно, по двум этим химическим докладам т. Звягинцева и т. Тананаева мы должны сказать одно: поскольку ниобий входит в промышленность, изучения ниобия – это одна из первостепенных задач, ибо от этого будет зависеть и правильное решение вопросов его миграции, т. е. геохимических и металлургических выводов <...> И второй подход – желательно продолжение этой работы. Поскольку вопрос очень интересный. Намечаются пути разделения этой работы между ниобием и танталом, что для нашей работы имеет большое значение». Б. И. Коган, сделав доклад по теме «Экономический обзор возможностей и путей промышленного разрешения

лопаритовой проблемы», высказал мнение, что горно-обогатительный комбинат должен быть построен в районе Ловозера, а наиболее удобное место для комбината по химической переработке – в районе Кандалакши. Б. И. Коган поднял и вопрос о создании постоянной комиссии по ниобию при Академии наук: «Несколько лет существовало Бюро НИСа НКТП, которое своевременно и впервые подняло лопаритовую проблему и поставило ее на правильные рельсы. Бюро НИСа в свое время продвигало все вопросы, касающиеся лопаритовой проблемы, и стимулировало проведение тех работ по геологоразведке, обогащению, технологии переработки и экономики <...> Поскольку Бюро НИСа прекратило свою работу, я считаю совершенно необходимым создание постоянной комиссии при Академии наук». Подводя итоги конференции по ниобию, А. Е. Ферсман отметил: «Важно <...> иметь методически правильный путь для самих руд, а не только чистого материала, и все-таки выработать по возможности скорую методику контрольных анализов для заводских условий, для того, чтобы внедрить в практику» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 96. Л. 1-96].

Вслед за конференцией по ниобию 20 февраля 1940 г. прошло заседание Комитета по филиалам и базам АН СССР, где обсуждался вопрос о деятельности КБАН СССР. На повестке дня стоял вопрос об организации комплексных исследований в отдельных районах Кольского полуострова и о структуре КБАН (доклад А. Е. Ферсмана) – во исполнение постановления Президиума АН СССР от 29 января 1940 г. (п. 15 протокола): «В связи с расширением задач и деятельности Кольской Базы АН СССР поручить Отделу Кадров, совместно с Комитетом по филиалам и базам АН СССР, укрепить Базу соответствующими кадрами» [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 59]. В ходе укрепления Базы новыми кадрами у академика А. Е. Ферсмана появился новый заместитель – Ф. М. Терновский, приглашенный по представлению академика в апреле 1940 г. Комитетом Филиалов и Баз АН СССР «для осуществления организационных мероприятий по оздоровлению Базы» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 582. Л. 1].

На основании Доверенности № 107-34 от 19 апреля 1940 г. за подписью вице-президента АН СССР академика Е. А. Чудакова Ф. М. Терновский получил широкие полномочия, позволившие ему «совершать все действия, необходимые для защиты интересов Кольской базы АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Л. 1].

Руководствуясь политикой ферсмановского академического научного учреждения, опирающейся на взаимодействие с производством при поддержке Мурманского обкома ВКП (б), Ф. М. Терновский сразу включился в процесс перехода Кольской базы на новый этап развития. Деловая переписка Ф. М. Терновского с А. Е. Ферсманом, переданная его вдовой А. А. Огинской в Кольский научный центр, свидетельствует о сложившемся характере доверительно-дружеских отношений академика А. Е. Ферсмана с Ф. М. Терновским в течение всего последующего сотрудничества. Свою стратегию управленческой деятельности Ф. М. Терновский сформулировал в первом же своем письме: «Само собой разумеется, что я воспользуюсь предоставленным мне правом при обязательном согласовании всех вопросов принципиального порядка с Вами [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Л. 1]. После частых перестановок в управленческом персонале Кольской базы предыдущего периода А. Е. Ферсман получил в лице Ф. М. Терновского надежного помощника и верного соратника. Это просматривается в лаконично расписанным по пунктам поручениях из

Ленинграда и Москвы, где Ферсман почти непрерывно занимался важными вопросами организации академической науки: «Милейший Федор Михайлович, 1. Соседко сейчас едет на Урал к 10-му VIII [августа] вернется в Ленинград и сейчас же выедет в Хибинны. Очень хорошо, если бы вы смогли с ним слетать на Иону – он соберет там материалы, возьмет нужное для анализов и оставит в Ионе 2-3 т груза для вывоза на оленях зимой. Я не сомневаюсь, что он сумеет собрать первоклассный материал и его осветит и даст сразу химикам. 2. Было бы очень хорошо, если бы Вам удалось с ним съездить на Vuориярви (по новой ж.дороге от Ст.Ключи до Куолаярви). Это решение важнейших задач известняко[в] и железных руд! [приложение: схема дороги, изображенная рукой А. Е. Ферсмана]. 3. Долго обсуждал все дела с Коганом – он не может выехать раньше 20-25 августа. Хотя это очень поздно, но еще можно попасть на Аллуайвстрой. Он с Вами переговорит по телефону – с ним хорошо Вам проехать, но очевидно связывать это с поездкой по южным отрядам трудно. 4. Коган приступает к подготовке совещания по железу – но, очевидно, раньше начала октября ничего не выйдет. Надо с ним обсудить план экономических работ – надо очевидно в первую очередь сделать ряд сводок с техноэкономическим анализом по: вяжущим веществам, диатомиту, нефелину. 5. Коган выяснит возможность пригласить молодого металлурга Подлесного...» – пишет Ферсман из Ленинграда 13 июля 1940 г. [НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Л. 1 с об.].

9 июня 1940 г. в Москве под председательством академика А. М. Деборина состоялось заседание комиссии Президиума АН СССР по работам Академии Наук СССР на Кольском полуострове. С основным докладом выступил академик А. Е. Ферсман, где он отмечал, что постановка исследовательских задач в 1940 г. на Кольском п-ове «охватывает гораздо более широкий круг вопросов, чем это было в 1930 г., когда в значительной степени под руководством С. М. Кирова объединились научные силы для работы на Кольском полуострове. За это время жизнь пошла настолько глубоко, настолько новыми путями, вместо 7 тыс. людей сейчас появилось 300 тыс. людей, а вместо отдельных небольших временных центров, крупные горнопромышленные районы. Новые большие потребности появились в культуре и в хозяйстве, и в связи с этим потребности края и многообразие подходов, которые тогда были значительно проще и сводились к основным ведущим отраслям промышленности, настолько усложнились, что все это заставляет гораздо шире посмотреть на те проблемы, которые стоят перед Академией Наук, и перед советской наукой в области изучения Севера. <...> В настоящее время не столько геологические поиски лимитируют дальнейшее развитие Кольской промышленности, сколько отсутствие достаточных технологических разработанных схем, технико-экономического изучения некоторых проблем и таким образом уточнения тех показателей, на которых можно построить промышленность. Наконец здесь же находятся вопросы применения новых технологий к Кольскому сырью. <...> В этом отношении нужна творческая мысль, и нужно всячески привлечь, прежде всего, внимание к тем своеобразным полезным ископаемым, для которых нужны специальные методы, осуществляемые, скажем, для лопарита с его хлорированием на специальном заводе Гиредмет. Все это заставляет поднимать творческую мысль и здесь в центре академическим учреждениям надо серьезно об этом подумать,

<...> вот это все вызывает целый ряд потребностей, предъявляемых к Кольской Базе и к Академии Наук, и вызывает целый ряд вопросов огромной важности. <...> Есть еще один организационный вопрос, который вытекает из всех этих предложений. Не нужно забывать, что Кольский полуостров по своим масштабам, по своим богатствам, не позволяет думать, что мы можем поднять его изучение силами одной какой-нибудь ячейки. <...> Я глубоко убежден, что правильный путь в разрешении этих задач Кольского полуострова заключается в другом: не только в укреплении Кольской базы и развития ее как особого научного учреждения Академии наук, но и в привлечении других научно-исследовательских учреждений к работам на Кольском полуострове. <...> правильно было бы одновременно с укреплением Кольской базы, с всяческим исправлением ее недостатков, развить и углубить прежде всего научно-исследовательскую работу по Кольскому полуострову, т. е. по тому Северу, на который обращено внимание всего Союза по ряду общеполитических и иных проблем, развить и углубить работу по Кольскому полуострову в наших центральных учреждениях. <...> И, наконец, стоит вопрос о том, чтобы создать здесь и укрепить в Москве некоторого рода объединение научных учреждений, которое бы рассматривала, планировала, стимулировала бы нашу работу, то есть это было бы нечто вроде Бюро НИС НКТП в 1930-х годах, которое сыграло свою роль в деле объединения 20-ти учреждений и значительно продвинуло работу вперед. <...> во всяком случае, наступило время, которое показывает необходимость некоторого объединения научно-исследовательских сил в части этой работы по Кольскому полуострову, привлекающей внимание сейчас и Академии наук и Наркомата цветной металлургии (в связи с разного рода редкими металлами) и ряда Академических учреждений, в связи с керамическим сырьем и т.д. <...> Надо сказать, что сейчас исполняется 20 лет с тех пор, как Академия наук начала свою работу на Кольском полуострове. Именно 8 июня 1920 года первая академическая экспедиция вернулась из Мурманска и тогда 8 июня, то есть вчера, ровно 20 лет тому назад было решение Академии наук начать работу по изучению Кольского полуострова. Еще тогда, я помню смеялись, когда я говорил, что 10 лет мы десять лет будем сидеть на Хибинах. Мне возражали. Но сейчас мы что видим? Мы видим, что проблема не только не решена, что стоит целый ряд очень серьезных задач. Развитие этого края пошло гораздо быстрыми темпами, чем мы думали, научные потребности гораздо шире и больше, чем можно было ожидать. И вот я еще раз подчеркиваю, что разработка и решение этих вопросов могут быть даны только путем объединения всех научных сил, путем такого же подъема какой был в тридцатых годах под руководством С. М. Кирова, когда 200 учреждений сомкнулись в единую семью для разработки проблем Кольского полуострова. Только этим путем можно двинуть целый ряд интересных и насущнейших и важнейших задач Кольского полуострова. Вот, в сущности, те общие положения, которые разрешите привести как некоторые обоснования для тех мероприятий, которые было бы желательно провести в Академии Наук для того, чтобы усилить ее работу над изучением богатств Кольского полуострова [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 97. Л. 1-19]. Впервые после 1-й Полярной конференции 1932 г. А. Е. Ферсман так глубоко и обстоятельно охватил все научные проблемы по Кольскому полуострову в наступивший период, отдавая дань прошлым заслугам энтузиастов-первопроходцев 1920-1930-гг. и поддержке власти в лице С. М. Кирова.

Существенным и эмоционально окрашенным дополнением к докладу академика А. Е. Ферсмана на заседании Комиссии 9 июня 1940 г. стало выступление Ф. М. Терновского. Сохранилась стенограмма его выступления с правкой А. Е. Ферсмана: «Товарищи, мурманские областные организации ставят перед Президиумом Академии наук СССР и Кольской Базой целый ряд проблем, о которых докладывал Александр Евгеньевич. Я хотел обратить внимание Комиссии на следующие вопросы: Сейчас Академии наук в целом местные организации бросают справедливый упрек в том, что если ранее в определенный отрезок времени Академия наук провела большую работу по Кольскому полуострову, что является большой заслугой Александра Евгеньевича, причем работу вела не только Кольская База, но и ряд центральных институтов. За последние же 2-3 года устранились от запросов и нужд Кольского полуострова. В чем дело товарищи? Я как человек новый на Кольском полуострове на этот вопрос ответить не могу, но я могу сказать только одно, что действительно в плане, утвержденном Академией наук на 1940 г., ни один из центральных институтов в своем плане не предусмотрел ни одной проблемы, связанной с освоением богатств Кольского полуострова». Высказался Ф. М. Терновский и по проблеме кадров: «Я человек новый, работаю всего полтора месяца на Кольском полуострове в качестве заместителя Александра Евгеньевича. Геологов в штате налицо только два. А мы говорим, что Геологический отдел – это ведущий отдел в условиях работы Кольского полуострова. Так спрашивается, если он ведущий, то как же он ведет [работы] при наличии только двух сотрудников?» [Реплика академика А. М. Деборина: «А где же остальные пять?»] «... в комплекте нет даже заведующего отделом, нет ряда старших научных сотрудников. Ряд проблем, которые стоят в плане 1940 г., не обеспечены геологами. И мы здесь ничего не сделаем сами, мы, как руководство Кольской Базой, потому что мы не в состоянии найти этих людей. Нам должен помочь в этом деле Президиум Академии Наук СССР» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 97. Л. 40-42].

Для лучшего представления обрисованной Ф. М. Терновским ситуации напомним, что с 1938 г. вплоть до начала Великой Отечественной войны в 1941 г. тематика Отдела геологии КБАН СССР включала следующие темы: 1. «Лопаритовые месторождения Ловозерских тундр», 1939-1941 гг. В задачи по теме входило изучение геологических, минералогических и химических особенностей лопаритовых месторождений; 2. «Химико-минералогическое изучение Кукисвумчоррского апатито-нефелинового рудного тела», с 1938 г.; 3. «Химико-минералогическое изучение медно-никелевых руд Монче-тундры». В задачу темы входило изучение минералогии жильных месторождений, с одной стороны, изучение их химического состава – с другой стороны. Е. И. Захаров изучал распределение селена, как в рудах, так и в продуктах плавки завода. Химик Н. С. Крупенио анализировал содержание элементов платиновой группы. Работа по разделу темы была закончена в первом полугодии 1941 г. Первая часть работы проделана и.о. с.н.с. И. Н. Чирковым. Им были проведены работы по детализации характеристики отдельных рудообразующих минералов, дано описание комплекса нерудных минералов, сделана сводка всех имеющихся материалов по минералогической характеристике руд данного типа. Химическая часть работы проведена и.о. с.н.с. Захаровым Е. И., М. Т. Дедух и др. Был определен химический состав магнетитов и пирротитов из руд жильных

месторождений Монче-тундры и составлены сводки по выполненным работам в части, касающейся химической характеристики отдельных рудных минералов. Работы проводились совместно с комбинатом «Североникель». Это были первые шаги к связи науки с производством. Работы по теме были продолжены в послевоенный период в общей комплексной теме «Медно-никелевые месторождения Кольского полуострова». 4. «Хабозерские оливиниты» была закончена в 1939 г. Расширение работ Отдела потребовало увеличения штатных сотрудников, в 1941 г. (к началу войны) штат Геологического отдела насчитывал 12 человек. Количество полевых геологических экспедиционных отрядов КБАН за 1935-1940 гг. составило: в 1936 г. – 4; в 1937 г. – 3; в 1938 г. – 2; в 1939 г. – 3; в 1940 г. – 4 (из них геологических отрядов – 3, минералогических – 1); в 1941 г. – 5 (из них геологических отрядов – 2, минералогических – 3) [НА КНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 9-15]. Структура КБАН СССР по состоянию на 1940 выглядела следующим образом: 1. Геолого-геохимический отдел в составе: геохимической лаборатории, лаборатории физических методов и геологического кабинета; 2. Биологический отдел и Полярный Ботанический сад в составе: Ботанического сада с озеленительной группой, кормовой группы с почвенной лабораторией, группы систематики растений, биохимической лаборатории и лаборатории фитопатологии; 3. Гидролого-географический отдел в составе: группы климатологии с метеостанцией, группы гидрологии с гидрохимической лабораторией и ихтиологической группы; 4. Административно-хозяйственная часть (бухгалтерия, снабжение, хозгруппы). Планировалось организовать в будущем в составе Кольской базы отдел по истории культуры и литературы народов Севера [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 59]. 2 июля 1940 г. обсуждение работы Кольской базы имело продолжение на заседании бюро Мурманского обкома ВКП (б), где был заслушан доклад А. Е. Ферсмана по итогам деятельности Базы за 1937-1939 гг. Работа Базы за этот период была признана неудовлетворительной, а решение Мурманского обкома ВКП (б) содержало рекомендации, направленные на усиление связей с производством и на улучшение работы Кольской базы АН СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 101а. Л. 1а]. Менее чем через месяц, 23 июля 1940 г., Президиум АН СССР снова проводит заседание, посвященное деятельности Кольской базы. «База еще недостаточно перестроила свою работу в сторону научного разрешения вопросов местного хозяйства, еще не стала центром научно-исследовательской работы, проводимой на Кольском полуострове и еще не обладает достаточными научными силами и материальной базой, чтобы охватить и успешно разрешить все вопросы народного хозяйства полуострова», – говорится в постановлении «О работах Академии наук СССР на Кольском полуострове». Одновременно на заседании принят перечень мероприятий, необходимых «для повышения уровня научно-исследовательских работ АН СССР на Кольском полуострове и приведение их размера в соответствие с требованиями народного хозяйства этого района СССР»: 1. Поддержать инициативу мурманских организаций об усилении изучения и развития производительных сил Мурманской области и прилегающих к ней территории, для чего просить Совет Народных Комиссаров СССР разрешить Академии Наук СССР организовать в 1941 году комплексную экспедицию под руководством академика А. Е. Ферсмана. Поручить академику А. Е. Ферсману и Комитету по Филиалам и Базам АН СССР проект докладной записки в СНК СССР

по указанному вопросу представить в Президиум АН СССР к 5 сентября с.г. 2. Для обобщения научных работ, проведенных на Кольском полуострове и разработки вопросов дальнейшего освоения богатств полуострова, разрешить Кольской Базе имени Кирова созыв в конце 1940 года в г. Ленинграде научно-технической конференции по вопросам изучения и развития производительных сил Мурманской области и прилегающих к ней территорий. Просить академика А. Е. Ферсмана представить на утверждение Президиума АН СССР не позднее 15 сентября с.г. состав участников, программу работ и смету расходов совещания. 3. Предложить Институтам АН СССР: Энергетическому имени Г. М. Кржижановского, Общей и Неорганической химии, Металлургии, Геологических наук, Географии, Ботаническому имени В. Л. Комарова, Почвенному имени В. В. Докучаева, Физиологии растений имени К. А. Тимирязева, Теоретической Геофизики и Сейсмологическому, а также секции по научной разработке проблем транспорта – предусмотреть в своих планах на 1941 год работы по изучению и развитию производительных сил Кольского полуострова, с учетом вопросов, намеченных Комиссией Президиума АН СССР и согласованных с Мурманскими организациями (список вопросов прилагается). 4. Просить академика А. Е. Ферсмана представить не позднее ноября месяца с.г. на утверждение Президиума АН СССР сводный план научно-исследовательских работ АН СССР на Кольском полуострове на 1941 год, согласованный с Мурманскими областными организациями и заинтересованными ведомствами. 5. Так как выполнение ряда поисково-разведочных, почвенных и транспортных работ задерживается из-за отсутствия достаточного картографического материала по Кольскому полуострову – просить Совет Народных Комиссаров СССР дать указание Главному Управлению геодезии и картографии произвести картографическую аэросъемку полуострова. Обязать Комиссию по применению аэросъемки при Отделении Геолого-Географических наук АН СССР составить план аэросъемочных работ, согласовав его с Мурманскими областными организациями. Поручить академику А. Е. Ферсману составить проект докладной записки в СНК СССР по данному вопросу и представить в Президиум АН СССР не позднее 15 сентября с.г. 6. Для координации научно-исследовательских работ АН СССР на Кольском полуострове образовать Комиссию Президиума АН СССР под председательством Президента АН СССР академика В. Л. Комарова, заместителем Председателя Комиссии утвердить академика А. Е. Ферсмана. Просить академиков В. Л. Комарова и А. Е. Ферсмана представить на утверждение Президиума АН СССР персональный состав Комиссии по координации научно-исследовательских работ на Кольском полуострове, предусмотрев участие в Комиссии представителей заинтересованных организаций и учреждений. 7. Учитывая огромное значение для народного хозяйства СССР развития производительных сил Кольского полуострова и в особенности металлургической и апатитовой промышленности, считать необходимым расширить объем научно-исследовательских работ на полуострове и в связи с этим поддержать ходатайство Мурманских областных организаций о реорганизации Кольской Базы имени С. М. Кирова в Филиал Академии Наук СССР. Поручить Комиссии по координации научно-исследовательских работ на Кольском п-ове, совместно с Комитетом по Филиалам и Базам АН СССР, разработать проект реорганизации Кольской Базы

в Филиал Академии Наук СССР, в частности, рассмотреть вопрос о целесообразности передачи новому Филиалу геологического сектора Северной Базы АН СССР, а также обсудить вопрос о выполнении центральными институтами Академии их планов работ на Кольском полуострове. Комитету по Филиалам и Базам АН СССР проект докладной записки в СНК СССР по вопросу реорганизации Кольской Базы в Филиал АН СССР представить в Президиум АН СССР не позднее 20 сентября с.г. 8. Учитывая намечающиеся большие геологические и другие работы на Севере, обязать Управление Кадров АН СССР направить для работы на Кольской Базе им. С. М. Кирова не менее 5-6 геологов и минералогов, а также других специалистов по заявкам Базы из числа сотрудников Геологического и других институтов Академии. 9. В связи с увеличившимся объемом работы по библиографии Кольского полуострова (с 15 до 40 печатных листов), поручить Бюджетной Комиссии Президиума АН СССР рассмотреть вопрос о дополнительных ассигнованиях Кольской Базе на данные работы и определить сумму и источники финансирования с учетом необходимости окончания библиографических работ в 1941 году. 10. Утвердить согласованный с Мурманскими областными организациями персональный состав Ученого Совета при Директоре Кольской Базы имени С. М. Кирова Академии Наук СССР (Приложение). 11. Утвердить редакционную коллегию сборника «Производительные силы Кольского полуострова» в следующем составе: 1. Академик А.Е. Ферсман – член Президиума АН СССР, директор Кольской Базы имени С.М. Кирова, Председатель редколлегии. 2. Н. С. Железняков – Секретарь Мурманского Обкома ВКП (б), 3. П. П. Федосеев – Зам. Председателя Мурманского Облсполкома, 4. Ф. М. Терновский – Зам. директора Кольской Базы имени С.М. Кирова, 5. Академик И. Г. Эйхфельд – Директор Полярной станции Всесоюзного Института Растениеводства, 6. Доктор геологических наук, Секретарь Редколлегии Б. М. Куплетский. Подписи: Президент АН СССР, академик В. Л. Комаров; Вице-президент АН СССР, академик О. Ю. Шмидт [ГАМО. Ф. Р-405. Оп. 1. Д. 112. Л. 38-44]. Был утвержден новый персональный состав Ученого совета Кольской базы АН СССР (Приложение к § 1 п. 10 протокола № 20). В него вошли ведущие ученые Академии наук и Кольской базы и др. организаций, а также представители власти и промышленных предприятий региона [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 107. Л. 1]. Из вышесказанного видно – какое внимание и забота оказывались со стороны руководства Президиума АН СССР к проблемам Кольской базы АН СССР, в чем особая заслуга и, несомненно, особая ответственность принадлежали А. Е. Ферсману.

Ход выполнения принятого постановления дважды за год заслушивался и обсуждался на заседаниях Президиума: 15 октября и 12 ноября 1940 г. О возможностях и путях использования ресурсного потенциала Кольского полуострова А. Е. Ферсман выступал на страницах центральной прессы: о его неиссякаемой вере в успех дела свидетельствует опубликованная им статья «Северная База металлургии», где он описывает природные ресурсы Кольского Севера следующим образом: «...Никель и алюминий, титан и ниобий, редкие земли и железо – таковы шесть китов цветной и черной металлургии Кольского п-ова. Апатит и нефелин, кианит и абразивный гранат, керамический гранит и оливиновый огнеупор – другие шесть китов неметаллического сырья. Все эти богатства сосредоточены на Кольском полуострове в мировых масштабах и не имеют себе равных по качеству. <...> Пройдет немного лет – и

около станции Оленья возникнут крупнейшие горные выработки, обогатительные фабрики, а недалеко от Мончегорска, на живописном берегу озера Имандра вырастет новый город Оленьегорск. <...> Мы переживаем сейчас на Севере перелом в металлургической, горной и химической промышленности. Сотня новых технических проблем возникает вокруг этого нового дела. Перед научными учреждениями и металлургами страны встают грандиозные задачи. В недалеком будущем на советском Севере возникнут рудники, обогатительные фабрики, железнодорожные пути, электростанции, новые города и новая жизнь! Акад. А. Ферсман. г. Кировск, Кольская база Академии наук» [Ферсман, 1940: 3].

25-27 декабря 1940 г. состоялась Вторая научная сессия Ученого совета КБАН СССР в г. Кировске, фактически подводившая итоги деятельности Базы за года (Первая сессия, вспомним, состоялась 2-4 января 1940 г.). В Сессии приняли участие 68 чел., включая членов Ученого совета, это: академик А. Е. Ферсман, зам. председателя Мурманского облисполкома Н. П. Федосеев, с.н.с. института Геологических наук АН СССР д.г.-м.н. Б. М. Куплетский, зам. директора КБАН СССР Ф. М. Терновский, зав. Биологическим отделом КБАН С. А. Каспарова, зав. сектором почвоведения КБАН к.с.-х.н. С. П. Молчанов, с.н.с., к.х.н. В. С. Быкова, а также руководители структурных подразделений Базы (Б. Н. Мелентьев, И. Н. Чирков, Зеленков, Савватимский и др.), научные сотрудники АН СССР (проф. А. Е. Прост, О. Е. Звягинцев, А. В. Гавеман, И. С. Буяновский, В. В. Борисова), представители областных партийных и советских организаций (секретарь Кировского райкома ВКП (б) В. А. Сергеев, зам.пред Кировского райисполкома С. И. Иванов, директор Дома техники Б. А. Линденер), сотрудники комбината «Апатит» (И. К. Тихомиров, П. Н. Чирвинский, Кельманзон и др.), директор Мурманской опытной с.-х. станции Аникеев, Турнас, Бурнацкий (ПОВИР), Белов (НКВД), представители СМИ Гравек («Полярная правда»), Поляков («Кировский рабочий») и др. В программу Сессии входило рассмотрение отчетов работы отделов Базы за 1940 г. по проблемам апатита, медно-никелевых руд, черной металлургии, торфа, с.-х. работ и обсуждение планов комплексных исследований. Фактически, это было подведение итогов по выполнению решений июльских заседаний Обкома и Президиума АН СССР. В ходе работы Сессии была одобрена тематика работ Базы с распределением тем НИР по учреждениям по направлениям: энергетика; транспорт; минералогия и геохимия железорудных месторождений Ены; медно-никелевые руды; изучение вод Кольского п-ова; Ловозерская проблема; апатитовая проблема; редкие элементы; сельское хозяйство; флора Кольского п-ова; интродукция и озеленение; рыбное хозяйство. Сессия приняла 11 резолюций с последующим включением рекомендаций в план Кольской базы АН СССР на 1941 г. [Макарова, Петров, Токарев, 2011; Петров, Саморукова, Токарев, Усов, 2011].

В последний день декабря 1940 г. кировчане отмечали 10-летие своего города, возникшего в сердце Хибин. За несколько часов до встречи нового, предвоенного года двухярусный зал кировского кинотеатра «Большевик» был переполнен. На трибуне выступал А. Е. Ферсман: «Сейчас – 1940 год. Что было в Хибинах в 1930 году? Что принесет Хибинам год 1950? Пусть смелыми покажутся наши описания и прогнозы, но без смелой мысли нельзя завоевать приполярной тундры». Перечислив наиболее значимые события в истории геологических исследований, открытий и освоения апатитовых месторождений,

А. Е. Ферсман для сравнения с реальностью вспомнил свои ранние прогнозы, данные им в книге «Апатито-нефелиновая проблема» (1929). «... Так намечали мы будущее в наших смелых планах конца 1929 года. Мы видим, что жизнь на сегодня далеко перекрыла эти предположения, вырисовывающиеся десять лет назад лишь в фантазиях ученого. Подавляющее большинство их превратилось в действительность и сейчас кажется уже заурядным явлением. Реализация остального – вопрос ближайшего времени», – говорил А. Е. Ферсман с трибуны праздничного собрания.

Юбилейный год База встречала основательно: под редакцией А. Е. Ферсмана были подготовлены и вышли из печати обобщающие научные труды «Природные богатства Хибин», «Производительные силы Кольского полуострова», «Путеводитель по Ботаническому саду». Таким образом, Академия наук СССР внесла свой вклад в юбилей первенца социалистического строительства на Кольском полуострове [Петров, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 59].

На 1 января 1941 г. База имела следующую структуру: Дирекция, Секретариат, Административно-хозяйственная часть, Геолого-геохимический отдел (включавший Геологический сектор, Минералогический кабинет с шлифовальной мастерской, Геохимическую лабораторию), Биологический отдел (в составе которого находились Почвенный сектор с Лабораторией агрохимии, Ботанический сад с группой флоры, первичной интродукции растений и агроклимата, Группа геоботаники и кормов, Лаборатории биохимии и физиологии растений, Ихтиологическая группа с лабораторией гидробиологии и гидрохимии, Стационар на реке Ене и опорные пункты Ботанического сада в Мурманске, Мончегорске и Кандалакше), Энергетическая группа, Группа экономических исследований, Фотолаборатория, Научная библиотека. Гидрологический отдел перестал существовать в связи с передачей дел в ГГУ при СНК СССР. Коллектив Базы насчитывал 90 чел., из них – 44 научных работника (1 академик, 1 доктор наук, 13 кандидатов наук). Ученый совет при Базе состоял из 21 чел.: 5 академиков (президент АН СССР В. Л. Комаров, А. Е. Ферсман, Е. С. Варга, А. А. Григорьев, С. А. Зернов), 2 член-корреспондента (С. И. Вольфович, А. И. Опарин), академик ВАСХНИЛ И. Г. Эйхфельд, секретарь Мурманского обкома ВКП (б) Н. С. Железняков, зам. председателя Мурманского облисполкома Н. П. Федосеев, управляющий трестом «Североникель» М. М. Царевский, главный геолог «Североникель» В. К. Котульский, главный инженер комбината «Апатит» В. А. Прокопенко и др. [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 110а. Л. 3].

Уже в начале 1941 г. на заседании исполкома Мурманского областного Совета депутатов 2 января обсуждался вопрос «О работе Кольской базы АН СССР в 1940 году и плане на 1941 год», где было принято постановление: «ходатайствовать в СНК СССР о реорганизации Кольской базы АН СССР в [Полярный] филиал АН СССР с районом деятельности – Кольский полуостров и северная часть Карело-Финской ССР; рассмотреть возможности переноса Кольской базы на новое место из-за опасности нахождения строений Базы в обвальной зоне около горы Поачвумчорр [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 110а. Л. 4, 6]. В составе будущего Полярного филиала АН СССР сразу же предполагалось создание научных институтов, о чем говорится в проекте докладной записки в Президиум АН СССР на имя заместителя председателя СНК СССР А. Я. Вышинского «О реорганизации Кольской Базы в Полярный

филиал им. С. М. Кирова АН СССР и об организации Академией наук специальных исследований на Кольском полуострове», в котором «...Президиум Академии наук просит СНК 1. реорганизовать с 1 января 1941 г. КБАН в Полярный филиал в составе: «а) Геолого-геохимический институт; б) Почвенно-Ботанический институт с Заполярным Альпийским Ботаническим садом; в) Отдел металлургии и технологии; г) Отдел энергетики; д) Отдел экономики; е) Отдел ихтиологии; ж) Административно-хозяйственная часть [АРАН. Ф. 188. Оп. 1 (31-42). Д. 946. Л. 1-2].

Успешность перехода на новый этап развития и уровень научных достижений Кольской базы АН СССР были признаны на Заседании Президиума АН СССР от 8 апреля 1941 г. В частности, было отмечено, что «...в результате проведенного в начале 1940 года укрепления на месте руководства Кольская база имени С. М. Кирова АН СССР организационно окрепла, пополнилась квалифицированными кадрами научных работников и добилась ряда успехов в развертывании научно-исследовательской работы, направленной на дальнейшее изучение и использование естественных производительных сил полуострова. <...> За четкую организацию научно-исследовательских работ и внедрение их результатов в народное хозяйство Мурманской области была объявлена благодарность директору КБАН СССР академику А. Е. Ферсману, а зам. директора Базы Ф. М. Терновский и зав. биологическим отделом Базы к.б.н. С. А. Каспарова получили премии [НА КНЦ РАН. Ф. 51. Оп. 1]. В апреле 1941 г. Кольская База принимала участие в выставке лучших работ в Академии наук [АРАН. Ф. 188. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-16]. Так, всего за два с половиной года, с 1939 по 1941, Кольская база АН СССР выполнила поставленную перед ней задачу – перестроить работу по приближению «бездействующей» Базы, как было озвучено в газете «Правда» от 25 ноября 1938 года в статье В. Сапарина «Бездействующая база Академии наук», к практике [Макарова, Петров, Токарев, 2011].

Роль А. Е. Ферсмана, общепризнанная в истории освоения богатств Кольского полуострова, несомненно, заслуживает пристального внимания и в рассмотрении истории науки в более широком смысле – как идеолога консолидации всех научных сил страны и их координатора. Президиум Академии наук СССР, Комитет по Филиалам и Базам и созданная Комиссия по делам Кольского полуострова, Мурманский обком ВКП (б) и Мурманский областной Совет депутатов, оценив творческий талант и неиссякаемую энергию А. Е. Ферсмана, именно ему доверили научное решение выдвигаемых жизнью проблем экономики региона. Под руководством академика А. Е. Ферсмана Кольская База АН СССР не только вышла на новый уровень исследований насущных народнохозяйственных проблем регионального значения, но и на решение важнейших государственных задач по обеспечению страны стратегическими материалами. Именно А. Е. Ферсман еще в предвоенный период поставил на повестку дня решение проблем, связанных с развитием новых технологических методов добычи и переработки минерального сырья, для внедрения которых потребуются все последующие годы – вплоть до конца 1950-х – начала 1960-х гг., когда в Кольском филиале АН СССР появятся Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья (1957) и Горнометаллургический институт (1960). Рождение этих научных учреждений, нацеленных на развитие горнохимического комплекса Мурманской области, – это воплощение планов А. Е. Ферсмана, который задолго до создания

комплексного учреждения, Кольского филиала АН СССР, вывел Кольскую базу АН СССР на путь развития в качестве комплексного научного учреждения, нацеленного на реализацию ноосферной концепции исследования и освоения природных ресурсов.

Архивные источники

- НА КНЦ РАН. Ф.1. Оп. 6. Д. 96.
НА КНЦ РАН Ф.1. Оп. 6. Д. 97.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 101-а. Л. 7. Годовой отчет КБАН СССР. 11.01.1941.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 107. Л. 1.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 110-а. Л. 3.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 582. Л. 1. Личное дело Ф. М. Терновского.
НА КНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27.
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. (подлинник). Л. 1. Доверенность № 107-34 от 19 апреля 1940 г. за подписью вицепрезидента АН СССР академика Е. А. Чудакова на имя Ф. М. Терновского.
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Л. 1. Письмо Ф. М. Терновского академику А. Е. Ферсману от 14.04.1940 г.
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Л. 1. с оборотом. Письмо А. Е. Ферсмана на именном бланке Ф. М. Терновского от 13.07.1940 г.
НА КНЦ РАН. Ф. 15. Оп.1. Л. 1. Приложение к п. 3 протокола № 12 Президиума АН СССР от 8 апреля 1941 года.
ГАМО. Ф. Р-405. Оп. 1. Д. 112.
АРАН. Ф. 188. Оп. 1 (31-42). Д. 946.
АРАН. Ф. 188. Оп. 2. Д. 2.

Список литературы

- Макарова Е. И, Петров В. П., Токарев А. Д. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье, 1939-1941 гг. Часть 1-я. 1939 г. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 7. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. С. 75-86.
- Макарова Е. И, Петров В. П., Токарев А. Д. «Трудные моменты» в деятельности Кольской Базы АН СССР в 1936-1939 годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. Вып. 2. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. С. 92-113.
- Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись 1930-2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011.
- Ферсман А. Е. Северная База металлургии // Известия. 1940. 10 августа. № 184. С. 3.

Сведения об авторах

Макарова Елена Ивановна,

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом Кольского научного центра РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Токарев Александр Дмитриевич,
Заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Makarova Elena Ivanovna,
Ph. D. (History), Head of the Scientific archive of the Kola Science Centre RAS

Petrov Valentin Petrovich,
Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre of Humanities of the
Kola Science Centre RAS

Tokarev Alexander Dmitrievich,
Head of the sector of digital information of the Barents centre of Humanities
of the Kola Science Centre RAS

УДК 061.61(470.21+470.22+470.13)

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ТРЕХ СЕВЕРНЫХ ФИЛИАЛОВ
АН СССР КАК ОПЫТ КООРДИНАЦИИ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Аннотация

В статье освещены вопросы сотрудничества Карельского, Кольского и Коми филиалов в 1972–1985 гг. в рамках научно-исследовательской деятельности. Начавшееся в 1972 г. социалистическое соревнование между тремя северными филиалами стало важным внутренним фактором развития каждого академического учреждения. Вместе с тем социалистическое соревнование, с которого начались тесные контакты между учеными филиалов, привело к таким формам сотрудничества, как координация и кооперация, вследствие чего был решен ряд актуальных проблем, выходящих за пределы региональных исследований филиалов.

Ключевые слова:

социалистическое соревнование, совместные исследования, координация и кооперация научно-исследовательской деятельности, межотраслевые темы.

A. G. Samorukova, V.P. Petrov

**SOCIALISTIC COMPETITION AMONG THREE NORTHERN DEPARTMENTS
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES AS AN EXPERIENCE
TO COORDINATE INTERREGIONAL SCIENTIFIC RESEARCH**

Abstract

The article is highlighting the problems of cooperation in scientific research among Karelian, Kola and Komi Departments within the period of 1972-1985. The competition among the three departments commenced in 1972 laid down the basis for the institutions to their own internal development. Moreover this socialistic competition initiated intimate contacts among the researchers and led to new forms of collaboration such as cooperation and coordination of research. This, in its turn, stimulated tackling of some vital problems beyond the scope of regional research.

Key words:

socialistic competition, cooperative research, coordination and cooperation of scientific research, inter-industrial themes.

В середине 1920-х гг. Академия наук СССР развернула планомерное изучение производительных сил союзных республик, национальных областей и отдельных районов СССР. Широкое развитие получила деятельность комплексных экспедиций по исследованию отдельных регионов страны, в результате чего выявилась потребность в стационарных научных ячейках на местах. Необходимость организации на местах научных учреждений академического профиля определялась, во-первых, интересами общегосударственного экономического и культурного развития, во-вторых, требованием подъема производительных сил регионов [Беляев, Пышкова, 1979: 173]. Одной из первых была создана Хибинская горная станция АН СССР, с 1934 г. – Кольская база АН СССР, которая осуществила обширное геолого-петрографическое обследование района и геохимическое исследование молибдена, никеля, олова и других полезных ископаемых.

В послевоенные годы продолжился процесс образования стационарных научных учреждений, в т. ч. и на Северо-Западе Европейской части России. В 1945 г. был организован Карельский филиал АН СССР, первоначально как Карело-Финская научно-исследовательская база, а в 1949-1956 гг. – Карело-Финский филиал АН СССР. Основными направлениями деятельности стали прогнозирование полезных ископаемых, определение путей рационального использования минерального сырья, комплексное изучение лесов Карельской АССР, изучение биологических ресурсов Карелии, перспективное планирование развития производительных сил Карельской АССР, изучение истории, археологии, этнографии Карелии.

Созданный в 1949 г. Коми филиал АН СССР занимался исследованиями по комплексному изучению истории геологического развития региона, установлению закономерностей образования и размещения полезных ископаемых. Помимо этого в сферу научной деятельности нового академического учреждения входило изучение истории, культуры и быта народов коми.

Сфера научной деятельности трех филиалов, природная общность территории, стоящие перед ними научно-исследовательские задачи обуславливали возможность и необходимость сотрудничества между ними.

Начало сотрудничеству филиалов, а точнее помощи ученых Кольской базы на первом этапе становления научного учреждения в Коми АССР, было положено еще в годы Великой Отечественной войны, когда Кольская база была эвакуирована в Сыктывкар. В штат созданной в Сыктывкаре Базы по изучению Севера им. С. М. Кирова вошли ученые Кольской базы АН СССР: экономист Ф. М. Терновский, гидролог В. А. Толмачев, геологи И. Н. Чирков, Б. Н. Мелентьев, биологи О. А. Польшцева, С. Н. Игнатъевская, С. А. Каспарова и другие [Асхабов, Иевлев, 2013: 14].

В начале 1950-х гг. наметились первые шаги к сближению трех северных филиалов, когда партийное бюро КФАН СССР вызвало на социалистическое соревнование коллектив Карело-Финского филиала АН СССР [ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 8. Л. 73]. Но в этот период эпизодические встречи представителей филиалов не смогли наладить регулярную связь между коллективами.

В 1957 г. была предпринята еще одна попытка совместной деятельности Кольского и Карельского филиалов, а именно издание журнала «Известия Карельского и Кольского филиалов Академии наук СССР». Журнал был призван обеспечить информацию о важнейших научных исследованиях филиалов, о путях и методах их практической реализации, но просуществовал всего до 1959 г.

К началу 1970-х гг. структуры трех филиалов во многом были схожими и состояли из институтов геологии, биологии, отделов экономических исследований, энергетики. Отличие состояло в том, что в Карельском и Коми филиалах – республиканских научных центрах – существовали гуманитарные направления, изучение национальной истории, литературы, языка. В Кольском филиале такое направление отсутствовало.

Каждый филиал имел свою региональную специфику, и, тем не менее, в начале 1970-х гг. энергетики, экономисты, геологи, химики и биологи всех филиалов приступили к комплексному изучению Северо-Западного региона СССР [Виноградов, Калинин, Петров, 2014: 4].

Наибольший интерес с самого начала вызывали работы энергетиков и экономистов. Отчасти это было обусловлено тем, что ухудшалось экономическое положение Советского Союза, поскольку страна все больше и больше зависела от экспорта нефти и другого сырья. Правительство искало новые пути подъема экономики, было заинтересовано в получении точных и квалифицированных прогнозов. Усилился интерес к планированию экономической ситуации в регионах и поиску новых решений энергетических проблем [Самарин, 2006: 73].

Особое место в научно-исследовательском сотрудничестве филиалов принадлежало социалистическому соревнованию филиалов. Данная форма стимулирования трудовой деятельности в советском государстве имела давнюю традицию, но в основном была характерной чертой производственных предприятий. В 1970-е гг. к участию в социалистическом соревновании были привлечены учреждения научной сферы. Начало социалистическому соревнованию северных филиалов было положено в 1972 г., когда Президиум КФАН СССР обратился с предложением в Президиумы Карельского и Коми филиалов принять участие в социалистическом соревновании коллективов в честь 50-летия образования СССР.

Соревнование было организовано на уровне филиалов, а также между институтами и отделами, работавшими по близким научным направлениям.

Условия соревнования включали в себя следующие основные показатели:

- выполнение планов научно-исследовательских работ,
- внедрение результатов исследований в народное хозяйство,
- изобретательская и рационализаторская деятельность,
- состояние издательского и выставочного дела,
- рост квалификации научных кадров,
- общественно-политическая деятельность,
- работа по улучшению условий труда и техники безопасности [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 259. Л. 65, 66].

Для подведения итогов социалистического соревнования была выбрана форма ежегодных встреч руководства филиалов, представителей профсоюзных, партийных организаций и научного актива. Итоги первого года подводились в Петрозаводске в 1973 г., в 1974 г. – в Сыктывкаре, в 1975 г. – в Апатитах.

При подведении итогов соревнования 17 января 1974 г. в Сыктывкаре было принято совместное постановление Карельского, Кольского и Коми филиалов АН СССР, в котором констатировалось, что развитие

социалистического соревнования между филиалами повысило эффективность научных исследований в каждом филиале, содействовало выполнению плановых заданий по важнейшим научно-техническим проблемам, способствовало установлению контактов с производственными организациями, улучшило общественную деятельность. На первых порах выявляли победителей соревнования, но постепенно отошли от этой практики, на смену пришел интерес к работам соседей по близкой тематике, появился стимул к ускорению темпов работ.

В связи с этим участники совещания приняли решение расширить рамки содружества и наметили следующие направления совместного проведения исследований:

- составление комплексного геологического атласа Севера Европейской части СССР с целью оценки перспектив минерально-сырьевой базы этой территории;
- разработка основных направлений развития производительных сил и повышения эффективности производства;
- проблема оптимизации развития энергетического хозяйства Европейского Севера;
- изучение растительных ресурсов с целью выявления биологических особенностей хвойных растений и обогащения культурной флоры Европейского Севера [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 944. Л. 84].

Во исполнение данного постановления в 1974 г. Геологическим институтом и Отделом экономики Кольского филиала совместно с Карельским филиалом была выполнена работа по геолого-экономической оценке минерально-сырьевых ресурсов Карело-Кольского региона на 1976-1980 гг. Было проанализировано современное состояние, минерально-сырьевой потенциал и перспективы промышленного использования сырьевых ресурсов, определена извлекаемая и валовая ценность балансовых и прогнозных запасов полезных ископаемых, народнохозяйственная эффективность их использования [Башмакова, 2010: 113].

Геологический институт Кольского филиала и Институт геологии Карельского филиала приступили к совместным исследованиям по перспективной оценке Карело-Кольского региона на твердые полезные ископаемые на основе регионального, формационного, тектонического и металлогенического анализа, который планировалось завершить в 1975 г. Геологические институты трех филиалов работали над составлением геологического атласа Севера Европейской части СССР.

Отделы экономических исследований трех филиалов приступили к работе по исследованию комплексных межотраслевых и территориальных проблем использования природных ресурсов районов Европейского Севера на отдаленную перспективу (до 2000 г.). Совместными усилиями удалось доказать целесообразность выделения Северного региона Северо-Западного экономического района [Шишкин, Немкович, Гурова, Козлов, 2006: 287].

Заведующий Отделом энергетики Кольского филиала д.т.н. И. Р. Степанов отметил необходимость тесного сотрудничества с родственными отделами филиалов: «Нас объединяет 2 обстоятельства. 1. Нас интересует энергетика Севера Европейской части СССР, и, кроме того, энергетика Севера

СССР. 2. Мы являемся работниками академической организации и должны решать также задачи и общенаучного развития в деле энергетики» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 944. Л. 133].

В деле установления связей и контактов между Отделами энергетики филиалов, а также обмена информацией большая роль принадлежала всесоюзному совещанию по проблемам энергетики Севера, состоявшемуся в августе 1974 г. в Апатитах. На совещании был намечен целый ряд мероприятий по дальнейшей разработке и совершенствованию теплоэнергетического баланса Севера Европейской части СССР на перспективу до 2000 г., по выявлению потребностей в теплоэнергетических установках средней и малой мощности, по участию в разработке и внедрении высокоэкономичных источников электро- и теплоснабжения на газе, угле, ядерном горючем и пр. На основе совместных исследований Отделы энергетики Кольского и Коми филиалов в 1974 г. представили работу по изучению перспектив развития энергетического комплекса районов Севера Европейской части СССР на период 1976–1990 гг.

Ученые трех филиалов обратили внимание и на такую крупную общую региональную проблему, как использование титанового сырья для различных целей, в частности, для получения пигментной двуокиси титана. Речь шла об использовании перовскито-титаномагнетитовых руд Кольского полуострова, титаномагнетитовых руд Карелии и лейкоксенов Ярли в Коми АССР. Вопросы рациональной технологии их переработки, размещения производства пигментной двуокиси титана и шлаков предполагалось решать объединенными усилиями трех филиалов.

Отделы технологии строительных материалов Кольского и Карельского филиалов наметили план расширения работ по изучению облицовочного камня месторождений Карелии и Кольского п-ова с целью расширения сырьевой базы камнеобрабатывающей промышленности северо-западной зоны.

Несмотря на то что в Карельском и Коми филиалах не проводились работы горного направления, ученые Горного института Кольского филиала обсудили возможность проведения научных исследований по близким направлениям и постановке совместных работ с этими филиалами. Было очевидно, что необходимость в этом возникнет как следствие развития работ Геологических институтов Карельского и Коми филиалов. Уже на первоначальной стадии возникла конкретная идея сотрудничества в решении вопросов перспектив отработки Ярегского месторождения титанового сырья, исследования свойств породных массивов Костомукшского железорудного месторождения, оценки обогатимости руд перспективных месторождений.

Ботаники и биологи Полярно-альпийского ботанического сада-института явились инициаторами и разработчиками обширной программы исследований трех филиалов. В разработанной программе отмечалось, что в решении целого ряда вопросов возможно и необходимо тесное сотрудничество и координация, а в ряде случаев и совместные плано-тематические работы, а именно: в области флористических, интродукционных, физиологических, микробиологических и почвенных исследований, а также по разработке научных основ охраны природы Севера.

В 1974 г. дендрологи ПАБСИ договорились с учеными Института леса Карельского филиала о совместных работах по ступенчатой акклиматизации древесных пород. Большой теоретический и практический интерес должны были

представить совместные работы ботаников-интродукторов и специалистов по физиологии приспособления растений и параллельному испытанию декоративных растений одновременно на Кольском полуострове, в Карелии и Коми республиках.

Представлялось целесообразным также объединить усилия ПАБСИ со специалистами Института леса в организации межобластного озеленительного питомника, который мог бы обеспечить посадочным материалом города и поселки севера Карелии и Мурманской области. Для обоюдной пользы предполагалась организация совместных поездок не только в целях изучения растительного и почвенного покрова, но и для выявления и изучения объектов природы, подлежащих охране. Результатом совместной работы стало опубликование в 1975 г. сборника «Лесовосстановление в Карельской АССР и Мурманской области» [Крутов, Волкова, Предтеченская, 2006: 115].

Близкой оказалась и тематика исследований, проводимых почвоведом филиалов, которые изучали генетические особенности и географическое распространение почв на территории своих регионов, вопросы минерального обмена между почвой и растительностью, современные почвенные процессы в различных условиях, вопросы повышения плодородия окультуренных почв. Благодаря совместной деятельности появилась возможность исследований одних и тех же вопросов на общих стационарах, расположенных в различных природных зонах.

На очередном заседании советов трех филиалов, проходившем в 1976 г. в Петрозаводске, было отмечено, что успехи в проделанной работе дали возможность поставить новые задачи в дальнейших исследованиях [Горбунов, Пьявченко, Подоплелов, 1976: 28].

Одну из таких задач сформулировал директор Геологического института Кольского филиала д.г.-м.н. И. В. Бельков, давший глубокую прогнозную оценку геологических природных ресурсов территории Европейского Севера как основы производительных сил этого региона: «Если раньше каждый из геологических институтов занимался только своей собственной территорией, решая проблемы, которые имели региональное значение, то сейчас необходимо и появилась возможность интеграции наших усилий для решения качественно новых задач. Именно: сопоставление в прогнозном отношении всей территории Европейского Севера. Эта работа должна явиться основой для экономического анализа перспектив, темпов, направления развития производительных сил. Поэтому в своих планах работ от той координации, которой мы раньше придерживались, мы переходим к интеграции, кооперации наших усилий» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 974. Л. 84].

Директора геологических институтов запланировали проведение единой тематической работы по изучению геологии и природных ресурсов Европейского Севера таким образом, чтобы все темы фокусировались в этой работе. Предполагалось, что работа даст прогнозно-металлогеническую оценку территории Европейского Севера и геолого-экономическую оценку в виде двух карт, которым необходимо обоснование геологическое, геофизическое, гидрогеологическое и т.д. К этой работе намечалось привлечь геологическую службу Финляндии.

О проделанной работе Отделов экономики трех филиалов на совещании сообщил заведующий Отделом экономики КФАН к.э.н. В. А. Федосеев.

Он отметил, что совместные исследования, которые в 1972 г. инициировали председатель Президиума КФАН Г. И. Горбунов и председатель Президиума Коми филиала В. П. Подоплелов, были направлены на разработку долгосрочных перспектив развития производительных сил и решение проблем эффективности общественного производства Европейского Севера. В 1975 г. была завершена работа «Геолого-экономическая оценка минерально-сырьевых ресурсов Карело-Кольского региона до 2000 г.» по выявлению потенциала Карельской АССР и Мурманской области, определены главные направления развития производительных сил в долгосрочной перспективе. Не менее важной была работа «Региональные особенности в хозяйственном и культурном строительстве Мурманской области на период 1976-1990 гг.».

В рамках сотрудничества было положено начало совместным исследованиям по рациональному использованию и охране водных ресурсов Кольского полуострова и Карелии. Было выявлено влияние сточных вод промышленных предприятий на режимы водоемов, разработаны рекомендации по упорядочению использования водных ресурсов и их охране.

Участники совещания 1976 г. согласовали план исследований на десятую пятилетку. Накопленный опыт совместных исследований между академическими учреждениями позволял поднять на более высокий уровень научные исследования. На этом этапе были достигнуты определенные результаты в организации комплексных научно-исследовательских групп по актуальным научным проблемам, в состав которых вошли специалисты не только научных подразделений, но и других научных, проектных и производственных предприятий. Примером могут служить группы специалистов, работающих по межотраслевой теме «Разработка прогноза комплексного освоения природных ресурсов, обоснование принципиальных направлений и проблем развития производительных сил Европейского Севера на период 1981-1990 гг. и 1991-2000 гг.». Разработке программы предшествовало проведение в Апатитах в 1976 г. объединенного научно-практического совещания «Развитие производительных сил и повышение эффективности общественного производства на Европейском Севере в долгосрочной перспективе».

Учеными Геологического института Кольского филиала совместно с Институтом геологии Карельского филиала была составлена сводная карта фаций регионального метаморфизма восточной части Балтийского щита, разработана автоматизированная информационно-поисковая фактографическая система «Геология». Совместно с Институтом химии геологи исследовали потенциал Кольского полуострова и других районов Северо-Запада страны для производства облицовочных и поделочных каменных материалов.

Институты биологического профиля развили совместные исследования по изучению воспроизводимых природных ресурсов Европейского Севера в целях их рационального использования, обогащения и охраны. Изучалось влияние экологических условий Севера на биоценозы и их продуктивность, разрабатывались научные основы мелиорации почв и сохранения редких видов растений, биологические основы переселения растений и освоения их в условиях Европейского Севера.

Ученые-химики Отдела химии Коми филиала и Института химии Кольского филиала, проведя физико-химические исследования по комплексной

серноокислотной технологии переработки Ярегских титановых концентратов, подали совместную заявку на изобретение.

В рамках программы привлечения к совместным исследованиям молодых ученых северных филиалов в 1977 г. на базе Кольского филиала состоялся семинар молодых ученых по комплексному использованию природных ресурсов Европейского Севера. В работе геолого-геофизической, химико-технологической, экономико-энергетической, ботанико-экологической секций приняло участие 110 молодых специалистов, представивших 69 докладов (рис.1).

Рис.1. Участники заседания северных филиалов в Сыктывкаре, 1977 г.

Опыт научного сотрудничества трех северных филиалов заинтересовал другие региональные учреждения и Президиум АН СССР. На очередном объединенном заседании филиалов в январе 1979 г. участвовали представители Башкирского, Дагестанского и Казанского филиалов и Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР во главе с заместителем председателя Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик Н. С. Пширковым. Расширенное заседание представителей других филиалов было вызвано тем обстоятельством, что начинание северных филиалов было признано полезным, его необходимо было изучать и использовать в деятельности других академических учреждений.

В своем докладе на совещании председатель Президиума Кольского филиала д.г.-м.н. Г. И. Горбунов еще раз обратил внимание на то, чем была вызвана интеграция и координация научных работ: «Решение целого ряда научно-технических проблем выходит далеко за рамки Мурманской области, мы, начиная с 1971 г., комплекслируем свои исследования с Коми и Карельским филиалами, имеем объединенные планы работ, ежегодно проверяем ход их выполнения на совместных заседаниях трех филиалов» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 80. Л. 31].

В докладе были названы конкретные работы, выполненные совместными усилиями ученых трех филиалов в соответствии с планами десятой пятилетки.

Геологическим институтом Кольского филиала совместно с Институтом геологии Карельского филиала составлена и передана ВСЕГЕИ Министерства геологии СССР карта метаморфизма Карело-Кольского региона, а совместно с Институтом геологии Коми филиала проведено предварительное обобщение геохронологических данных по Европейскому Северу и намечены главные этапы тектономагматической активизации на территории Коми АССР.

Горным институтом Кольского филиала совместно с ИХТРЭМС и Институтом геологии Карельского филиала проведено сравнительное изучение деформационных характеристик гранитов и мраморов Карелии и Кольского полуострова; завершена подготовка к выполнению комплекса сейсмоакустических измерений по оценке блочности месторождений природного камня и качества отдельных блоков. Сверх плана совместно с Институтом геологии Карельского филиала успешно проведена лабораторная проработка и полупромышленная проверка в условиях водооборота технологии обогащения вскрышных пород Костомукшского железорудного месторождения по получению концентратов полевых шпатов.

Институтом химии Кольского филиала продолжены совместные работы по изучению и расширению сырьевой базы Северо-Запада страны для камнеобрабатывающей промышленности. Совместно с Отделом химии Коми филиала завершены исследования по комплексной сернокислотной технологии переработки ярегских титановых концентратов на пигментную двуокись титана с сопутным извлечением редких металлов.

Ботаническим садом Кольского филиала совместно с Институтом биологии Карельского филиала в 1977 г. были заложены полевые опыты по единой схеме и продолжались наблюдения с целью изучения интенсивности минерализации и гумификации растительных остатков и процессов превращения органического вещества торфа в мелиорированных торфяно-болотных почвах.

Отделом энергетики Кольского филиала совместно с Отделом водных проблем Карельского филиала разработан прогноз развития электроэнергетики Северо-Западного региона страны до 2000 г., подготовлены материалы по режимам работы энергосистемы и проектам гидроэлектростанций Карельской АССР.

Работа, проделанная в области экономики, была освещена в совместном отчете руководителей Отделов экономики Кольского, Карельского и Коми филиалов. Работы велись по единой программе, по единому координационному плану. При этом каждый филиал в области экономических исследований имел свои приоритеты. Так, приоритетными исследованиями в Карельском филиале являлись экономика лесной и лесоперерабатывающей промышленности, экономика машиностроения, водного хозяйства, использования водных ресурсов. Основное направление деятельности Отдела экономики Коми филиала составляла экономика сельскохозяйственного производства, разработка проблем народонаселения и трудовых ресурсов, энергетики.

В апреле 1982 г. на объединенном заседании Президиумов Карельского, Коми и Кольского филиалов АН СССР, посвященном 10-летию юбилею сотрудничества, был принят координационный план совместных научно-исследовательских работ на 1982–1985 гг. (рис.2).

Рис.2. Памятная медаль в честь 10-летнего содружества трех северных филиалов, 1982 г.

Профсоюзные комитеты трех филиалов подвели итоги социалистического соревнования и наметили пути его дальнейшего развития [Летопись КНЦ РАН, 2008: 177] (рис.3).

Рис.3. Участники объединенного заседания, посвященного 10-летию содружества трех северных филиалов. Апатиты, 1982 г.

Социалистическое соревнование и совместная научно-исследовательская деятельность северных филиалов продолжались до 1985 г. Опыт работы Президиума Кольского филиала обсуждался на созванном в 1984 г. в Апатитах

семинаре-совещании с представителями академий наук союзных республик, научных центров и филиалов АН СССР. Было отмечено, что успешному выполнению планов научно-исследовательских работ и внедрению их результатов способствовало развитие социалистического соревнования внутри институтов и между институтами, а также между тремя северными филиалами Кольским, Карельским и Коми [Калабин, 1985: 93].

Важную роль в координации всех исследований играли совещания и взаимные консультации, обмен опытом и информацией, совместные публикации по результатам исследований.

Последнее совещание трех северных филиалов, которое подвело итоги многолетнего сотрудничества под брендом «социалистического соревнования», состоялось в Апатитах в 1985 г. В последующие годы эта форма организации и координации научных исследований на уровне региональных учреждений постепенно утратила свою роль. Все большую роль приобретали индивидуальные творческие связи, участие в проектах и программах различного уровня, в том числе международных.

Это было обусловлено различными причинами и факторами объективного и субъективного характера. Существенную роль имели кардинальные изменения в политической и социально-экономической государственной политике и возникшие в связи с ними новые задачи и условия жизни науки.

Важным фактором можно назвать реформирование региональных научных учреждений Академии наук СССР – преобразование монолитных филиалов в региональные научные центры с юридически и финансово-экономически обособленными институтами. Это привело к снижению роли Президиумов региональных научных центров в организации и координации научных исследований даже в масштабах своих регионов, не говоря уже о региональном взаимодействии.

Определяющую роль сыграл и постепенный уход из руководства Филиалов инициаторов «социалистического соревнования» Г. И. Горбунова, В. П. Подоппелова, Н. И. Пьявченко, В. А. Соколова, а также руководителей институтов геологов И. В. Белькова, М. В. Фишмана.

Новое время предъявляет новые требования и задачи, создает новые непростые условия для развития науки. Важнейшей задачей ныне становится изыскание и реализация новых подходов по объединению творческого потенциала ученых для целенаправленной организации исследований в западной части Арктики России.

Это может и должно стать целью, фундаментом сотрудничества научных коллективов Архангельского, Карельского, Кольского и Коми научных центров РАН.

Список сокращений

ВСЕГЕИ – Всероссийский геологический институт

ГАМО – Государственный архив Мурманской области

ИХТРЭМС – Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья

НА КНЦ – Научный архив Кольского научного центра

ПАБСИ – Полярно-альпийский ботанический сад-институт

РАН – Российская Академия наук

Архивные материалы

- ГАМО. Ф. П-139. Оп. 1. Д. 8. Л. 73.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 259. Л. 65, 66.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 944. Л. 84.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 944. Л. 133.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 974. Л. 84.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 80. Л. 31.

Список литературы

Асхабов А. М., Иевлев А. А. Кольский и Коми: академические взаимодействия // Геология и полезные ископаемые Кольского региона. Труды X Всероссийской Ферсмановской научной сессии. Апатиты, 2013. С.13-16.

Башмакова Е. П. Экономика северного измерения России: история становления нового научного направления // Вестник Кольского научного центра РАН. 2010. Вып. 1. С. 113-118.

Беляев Е. А., Пышкова Н.С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М.: Наука, 1979. 245 с.

Виноградов А. Н., Калинин В. Т., Петров В. П. Приоритетные задачи Кольского научного центра Российской Академии наук по организации междисциплинарных комплексных исследований на современном этапе освоения Арктической зоны России // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. Вып. 4. С. 3-10.

Горбунов Г. И., Пьявченко Н. И., Подоплелов В. П. Сотрудничество трех северных филиалов Академии // Вестник Академии наук СССР. 1976. № 10. С. 24-29.

Калабин Г. В. Социальное развитие и социалистическое соревнование в научных коллективах // Вестник Академии наук СССР. 1985. № 2. С. 90-96.

Крутов В. И., Волков А.Д., Предтеченская О.О. Институт леса // Академическая наука в Карелии: 1946–2006. М.: Наука, 2006. Т. 2. С. 94-153.

Летопись КНЦ РАН. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2008. 320 с.

Самарин А. В. История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944-1991 гг.). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2006. 236 с.

Шишкин А. И., Немкович Е. Г., Гурова С. А., Козлов А. Ф. Институт экономики // Академическая наука в Карелии: 1946-2006. М.: Наука, 2006. Т. 2. С. 278-300.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна,

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Samorukova Antonina Grigoryevna,

Researcher of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 631.58 (09)(470.21)

С. А. Дюжилов

ПОЛЯРНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ В 1920-е ГОДЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Аннотация

В статье рассмотрены основные подходы к разработке научных основ продвижения земледелия к северу, начатые еще до революции 1917 г. и продолженные в советское время на Хибинском опорном сельскохозяйственном пункте Мурманской железной дороги. Особое внимание уделено взаимодействию аграрной науки и практики, которое в итоге привело к созданию первого сельскохозяйственного предприятия на Кольском Севере.

Ключевые слова:

Северная научно-промысловая экспедиция, колонизация Карело-Мурманского края, Колонизационный отдел Мурманской железной дороги, полярное земледелие, сельскохозяйственные опытные пункты, агробазы, сортоиспытание, агротехника, апатитовая проблема, агрономическая помощь переселенцам, сельскохозяйственные предприятия.

S. A. Dyuzhilov

POLAR AGRICULTURE: RECOGNIZING OF THE PROBLEM AND ITS SOLUTION IN THE KOLA NORTH IN THE 1920s

Abstract

The article deals with the approaches to the development of the basic principles in agriculture advancing to the northern areas, which came to use at the Khibiny agricultural base located near the Murmansk railway, before the 1917 year revolution and were further used during the Soviet period. Of special attention is the interaction between agrarian science and practice, which resulted in the long run in the establishment of the first agricultural enterprise in the Kola North.

Key words:

The northern scientific-cooperative expedition, the Karelian-Murmansk colonization, the Colonization Department of the Murmansk railway, polar agriculture, agricultural experimental stations, agrobases, sort testing, field management, apatite problem, agricultural assistance to migrants, agricultural enterprises.

С установлением на Терской земле власти Новгорода русские люди начали хозяйственное освоение далекого полярного края. Они принесли с собой новые, передовые для того времени формы хозяйства: зачатки земледелия (выращивания овощей на огородах) и скотоводство (разведение коров, овец и – в небольшом количестве – лошадей); освоили многие ранее не использовавшиеся земли.

Наиболее ранние документы о землевладении на Терском берегу относятся к концу 60-х гг. XV в. С появлением монастырей на Кольском п-ове зарождается монастырское землевладение. Образцовое хозяйство в конце XIX – начале XX вв. создал Трифоно-Печенгский монастырь. Осушив болотистую местность, монахи превратили ее в сенокосные луга, с которых снимали в благоприятное время до 20 тыс. пудов сена. Удой от одной коровы порой превышал 400 ведер молока в год. Монастырский огород занимал 0.8 гектара удобренной земли, на котором сеяли не только овощные культуры, но и ячмень [Ушаков, 1998: 43, 86; Священник Сергей (Поливцев), 2007: 86-87].

По данным Архангельского статистического комитета в 1913 г. на Кольском п-ове было собрано 161 пуд. ячменя, 2105 пуд. картофеля и 65436 пуд. сена; числилось 5937 голов скота (лошадей – 111, крупного рогатого скота – 1930, овец – 3896). В отдельных поселениях колонистов (преимущественно финнов и норвежцев) на Западном Мурмане сена не только хватало на прокорм наличного скота, но часть его даже вывозилась в Норвегию, в Варде [Иорданский, 1923: 68].

В то время дело продвижения земледелия на Север было уделом энтузиастов-одиночек. Пропагандистом огородничества на Кольском п-ове выступал священник Георгий Терентьев, который «на опыте тяжком, как наш русский мужик» в Нотозере, а позднее в Печенге не без успеха выращивал огородные культуры. Однако в народной массе оно все же не воспринималось всерьез, являясь лишь слабым подспорьем к доходам от основных занятий (оленоводство, лесная охота, судостроение, лесопиление) и промыслов (тресковый, сельдяной, семужий и торосовый).

Иначе подошел к сельскохозяйственному освоению Европейского Севера России А. В. Журавский (1882–1914), основавший в 1906 г. в селе Усть-Цильма (32 км к северу от Полярного круга) на Печоре естественно-историческую станцию (с 1911 г. – опытная сельскохозяйственная). Развертывая ее работу, он наметил широкий круг вопросов для опытного разрешения. Важнейшие из них следующие: акклиматизация, отбор устойчивых сортов и вопросы физиологии растений, наблюдение по метеорологии с фенологией, использование в сельскохозяйственном производстве заболоченных почв, изучение лугов, а также влияния продолжительности светового дня на растения, вопросы кормового земледелия и животноводства, выявление количества необходимых для повышения плодородия северных почв удобрений.

Печорская опытная станция на деле доказала необходимость и целесообразность открытия на Севере такого очага науки и культуры. Выращенные на ее опытных делянках овощи вскоре распространились на весь Печорский край. На станции закладывалась база скороспелого семеноводства, была начата работа по породному улучшению скота, организовывается северное маслоделие, закладываются опыты по луговодству. На первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Царском селе (Санкт-Петербург) в 1911 г. она представила свыше тысячи экспонатов в отделе сельское хозяйство (растениеводство) и была отмечена дипломом Департамента земледелия и землеустройства, а также награждена Малой золотой медалью.

Заложив научные основы сельскохозяйственной науки на севере Европейской части России, А. В. Журавский теоретически обосновал и практически доказал возможность и перспективность северного земледелия. Благодаря его самоотверженной работе к старопашотным землям России присоединилась огромная географическая зона северных угодий, пригодных для сельскохозяйственного освоения. А. В. Журавский верил в то, что «Север может и должен стать “житницей России”». К сожалению, начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война и гибель А. В. Журавского (август 1914 г.) на долгие годы уменьшили объемы работ и интенсивность научной деятельности станции [Сельскохозяйственной науке Республике Коми 100 лет, 2011: 5, 12].

Надо признать, что плодотворная деятельность в начале XX в. первой в Приполярье Печорской сельскохозяйственной станции департамента

землеустройства и земледелия в целом была несоизмерима («робка» и «микроскопична») по сравнению с общегосударственными интересами России на Севере. Земледелие здесь как народнохозяйственная отрасль в то время так и не сложилось, да и не могло сложиться. И все же работы Печорской станции, несмотря на общее недоверчивое, а зачастую и враждебное отношение к ним в чиновничьих кругах России, оказали влияние на переоценку общественного и научного воззрения на Крайний Север и были продолжены уже в советское время, в корне изменившее «массовое национальное северопонимание». Новая власть связывала с ним свои надежды на выход страны из глобального национального кризиса и ее модернизацию. Революционная вера большевистских вождей в преобразующую роль науки побуждала их искать в первые годы советской власти такие формы взаимодействия с учеными, которые способны были дать в условиях нехватки средств и научных кадров быструю практическую отдачу. Одной из таких новых форм, отвечающей тогдашнему состоянию науки, была признана Северная научно-промысловая экспедиция (Севэкспедиция) [Петров, Макарова, Токарев, 2012: 46-47].

Сразу же после окончания Гражданской войны фактически весь Русский Север оказался охвачен исследованиями, значительная доля которых приходилась на Кольский полуостров [РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Д. 1277. Л. 15-18]. Почвенно-ботаническому отряду Севэкспедиции под руководством почвоведом и географом, проф. Н. И. Прохорова, направленному в 1921 г. на Мурман, суждено было сыграть пионерную роль в деле научного обоснования сельскохозяйственных возможностей освоения края. Усилиями его сотрудников не только была выдвинута и обоснована идея распространения огородных культур (репы, моркови, брюквы, картофеля) вплоть до побережья Ледовитого океана, но и увеличена площадь огородов на Кольском полуострове (преимущественно принадлежавших железнодорожным служащим) в 10 раз. В рамках экспедиции производились также опыты использования отбросов трескового промысла и морских водорослей в качестве удобрения. Тогда же по инициативе проф. Н.И. Прохорова, организовавшего завоз на Север канадских огородных семян, было положено начало сельскохозяйственным опытным работам на Кольском полуострове. В 1922 г. около станции Хибин под руководством молодого агронома Г. М. Крепса, взявшего на себя обязанности, по согласованию с Мурманской железной дорогой, вести пропаганду огородничества и молочного животноводства за Полярным Кругом, при содействии консультанта Мурмземотдела (губернского учреждения, отпустившего на организацию опытного поля 150 пуд. муки), научного сотрудника Севэкспедиции К. Д. Доброхотова, удалось раскорчевать и обработать 0.5 гектара земли, перевести на место, выбранное для опытного пункта, с помощью Агротруда дороги (под началом ее агента Гостева) два старых сруба и произвести первые посевы овощных и некоторых зерновых культур. Скромные опыты в этом районе дали неожиданные результаты, показав возможность широкого развития здесь огородничества, отчасти посевов хлебов, в особенности ячменя [НАРК. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 1/4. Л. 106-107]. Научный интерес к ним проявил крупный ученый-генетик Н.И. Вавилов, приступивший в это время к созданию мировой коллекции культурных растений. Н. И. Вавилов давно вынашивал планы создать в России самую северную точку так называемых географических посевов для изучения географической

изменчивости признаков у культурных растений. И хотя уже осенью 1922 г. за отсутствием средств все работы на Хибинском научном агрономическом пункте были приостановлены, однако, начатое Г. М. Крепсом на Кольском Севере «опытное дело» не кануло в лета [Дюжилов, 2011: 153; Летопись событий по истории Хибинского, 1934: 2].

Весною 1923 г. прерванные исследования в Хибинах были возобновлены Отделом прикладной ботаники Государственного института опытной агрономии и Центральной селекционной и Генетической опытной станциями Наркомзема, совместно с организовавшимся зимой того же года (и при его материальной поддержке) Колонизационным отделом правления Мурманской железной дороги. На этот раз на переднем крае борьбы за сельскохозяйственное освоение Крайнего Севера оказался выпускник Петербургского сельскохозяйственного института И. Г. Эйхфельд, откомандированный в качестве сотрудника Института опытной агрономии на Мурман для организации там на средства Мурманской железной дороги сельскохозяйственного опытного пункта. К такому осознанному шагу его во многом подтолкнули встречи с руководителем почвенно-ботанического отдела Северной научно-промышленной экспедиции ВСНХ проф. Н. И. Прохоровым, ботаником Г. М. Крепсом и молодым агрономом М. М. Хренниковой, усилиями которых как раз и была актуализирована применительно к Кольскому Заполярью проблема северного земледелия.

Идти в то время в этот безлюдный край решались немногие, а оставались здесь вообще единицы. И. Г. Эйхфельд прибыл сюда в апреле 1923 г. при поддержке директора ВИРа акад. Н. И. Вавилова, оказавшего ему небольшую материальную, а также научную помощь [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 2. Л. 12], «с твердой целью доказать, что Кольский Север может быть в сельскохозяйственном отношении освоен, окультурен, что он может дать человеку почти все, что ему нужно для жизни» [Ковалев, 1933: 29]. Из бывших сотрудников промышленной экспедиции согласилась с ним работать на Севере М. М. Хренникова, только что окончившая Высшие женские сельскохозяйственные курсы имени Стебута. Инициатор работ – Государственный институт опытной агрономии в лице его отдела прикладной ботаники и селекции не располагал необходимыми средствами. Благодаря содействию Агрономической службы Мурманской железной дороги было получено для проведения опытов от Центрального агрономического управления НКПС 200 руб. (кстати, сам Эйхфельд удостоился жалованья в размере... 17 руб. в месяц). На эти средства и была начата работа на Хибинском опытном поле [Большевики победили тундру, 1932: 150]. С финансовыми проблемами тесно переплетались и бытовые невзгоды, о чем свидетельствует записка Эйхфельда заведующему дистанцией Смирнову от 14 июня 1923 г.: «Честь имею сообщить, что в занятом персоналом бараче Северолеса (российский трест, созданный в 1921 г.) на ст. Хибины оказалось: 4 некрашенных стола, 2 некрашенных табурета, 2 некрашенных скамейки, 2 кирпичных печи и одна временка теплушечного типа. Плита у русской печи снята. У кирпичной плиты на кухне жестяной верх прогорел. 4 окна без зимних рам и стекла в них разбиты» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 15. Л. 30; ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 180. Оп. 2. Д. 2. Л. 12]. Однако каковы бы ни были трудности, они не казались для покорителей суровой полярной почвы чем-то не преодолимым на пути к поставленной цели.

Уже в 1923 г. пионеры полярного земледелия на доставшемся им в «наследство» от Г. М. Крепса земельном участке смогли провести свою первую посевную кампанию. «В последующие годы, – вспоминал И. Г. Эйхфельд, – я всегда чувствовал себя должником Г. М. Крепса. Если бы им не были проведены работы по корчевке и обработке земли, мне весной 1923 г. не за что было бы зацепиться и в том же году произвести посевы не удалось бы» [Берлин, 1985: 26]. Тогда же И. Г. Эйхфельд и М. М. Хренникова сами приступили к выкорчевыванию горелого леса и пней для расширения площади земельного клина под посевы.

Агрономическая служба МЖД была крайне заинтересована в развитии по всей ее линии овощеводства для питания железнодорожных служащих, страдавших от цинги (так, с сентября 1922 по апрель 1923 г. по всей линии было зарегистрировано 89 случаев) из-за отсутствия витаминных продуктов, и уже с начала 1920-х гг. активно практиковала распространение среди пристанционного населения необходимых агрознаний [Работа Мурманской железной дороги за 1922-1923 год, 1924: 249]. Неудивительно, когда под началом И. Г. Эйхфельда был собран первый маленький урожай, управление Мурманской железной дороги без промедления предоставило в его распоряжение вагон для организации передвижной выставки с целью демонстрации успехов Хибинского опытного поля. На каждой остановке от Кандалакши до Мурманска И. Г. Эйхфельд проводил митинги, произнося горячие речи: «Товарищи, вот репа, вот огурцы, выращенные здесь на Крайнем Севере. Это – не чудо. Мы призвали на помощь науку и заставили ее служить нам. Пробуйте репу, берите семена, засевайте участки! В ваших руках – ключи к победе над цингой, этим бичом Заполярья!...» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 12. Л. 10, 24]. И хотя большинство присутствовавших с недоверием относились к его словам, первые шаги на пути к признанию начатого им дела были сделаны. 15 ноября 1923 г. состоялось официальное открытие Хибинского сельскохозяйственного опытного пункта [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 157. Л. 51].

Весной 1924 г., с проведением в жизнь (с 1 октября 1923 г.) постановления Совета Труда и Оборона о колонизации Карело-Мурманского края, опытные работы на Кольском полуострове перешли в ведение Колонизационного отдела Мурманской железной дороги (далее – КО МЖД). Одним из базисов колонизации железная дорога считала развитие сельского хозяйства как основы быта «колонизационного населения Карело-Мурманского края», фактор «продовольственного благополучия и заселения плацдарма», через который только лежат «пути к глубокому экономическому завоеванию природных богатств» [Федоров, 2009: 220]. Такой подход требовал не просто водворения переселенцев на специально подготовленные для них участки, но и оказание им всемерной культурно-агрономической помощи. Отсюда столь пристальное внимание со стороны Колонизационного отдела к научному обеспечению развития сельского хозяйства на колонизационном отводе в крае. Из выделенных на эти цели 20000 руб. первым намечалось оборудование Хибинского опытного пункта [Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926-1927 году, 1928: 90].

С 1924 г. находящийся в Хибинах в стадии организации опытный сельскохозяйственный пункт становится действующим уже на постоянной

основе с двумя штатными единицами (И. Г. Эйхфельд – с 1.04.1924 г. и М. М. Хренникова – с 1.05.1924 г.), а вблизи г. Кола – открывается его отделение. По своему географическому положению эти опытные пункты Колонизационного отдела являлись самыми северными организациями такого характера, не только в пределах СССР, но и всех северных стран. Существующие на тот момент северные сельскохозяйственные опытные учреждения располагались под следующими широтами (табл.1):

Таблица 1

Географическое положение сельскохозяйственных опытных учреждений северных стран (1920-е гг.)

Северные сельскохозяйственные опытные учреждения	Координаты (сев. широта)
Кола	68° 53'
Хибины	67° 44'
Вогонес, Норвегия	67° 17'
Рампарт, Аляска	65° 31'
Печорская опытная станция	65° 27'
Фербенас, Аляска	64° 51'

В своей научно-исследовательской работе опытные пункты КО МЖД (в 1925 г. к имеющимся двум пунктам добавился еще третий – на станции Лоухи, в северной Карелии) по-прежнему были тесно связаны с Отделом прикладной ботаники Государственного института опытной агрономии и Центральной селекционной станцией, а через них – с опытными учреждениями всех северных стран.

Планировалось, что с созданием прочной материальной базы и расширением полевых работ Хибинский пункт будет преобразован в Центральную опытную станцию, под руководством которой будет работать сеть опытных пунктов и опытно-показательных участков [Мурманская железная дорога..., 1925: 194]. Первые шаги в этом направлении были сделаны в том же 1924 г. Осенью усилиями Транспортно-промышленного и колониационного комбината была закончена постройка жилого дома с помещением для лаборатории и персонала опытного пункта, а также возведены подвал для хранения овощей, материальный сарай и прочие мелкие постройки. Кроме того, на средства центральных научных учреждений в Хибинах была оборудована агрометеорологическая станция, в 1925 г. значительно пополненная приборами на средства Колонизационного отдела и Опытного отдела Наркомзема.

Перед Хибинским опытным пунктом со стороны КО МЖД была поставлена вполне конкретная задача – выяснить, какие культуры и с помощью каких агроприемов можно выращивать в местных условиях, а также передать этот опыт населению края. Для разрешения этих вопросов учреждению потребовалось пять лет работы – с 1923 по 1927 гг. Во второй половине 1920-х гг. весьма востребованной оказалась для опытного пункта проблема культуры болот (их первичного освоения, удобрения и залужения).

Надо признать, что в первые годы практические цели опытной работы в Хибинах были довольно скромными. Поскольку заселение края шло крайне

медленно (численность его населения достигла к 1926 г. всего 23 тыс. чел.), то вряд ли даже в перспективе можно было рассчитывать на существенный рост площадей индивидуальных огородов и сенокосных участков. К тому же индивидуальным хозяйствам в силу объективных причин не под силу было освоение под посевы больших площадей почти бесплодной северной земли. Тем не менее начинания И. Г. Эйхфельда вовсе не стоит преуменьшать, ведь перед ним изначально стояла и другая, можно сказать, основополагающая и перспективная цель, установленная в беседах с Н. И. Вавиловым, а именно – всесторонняя разработка научных основ продвижения земледелия к северу. Это было очень важно для страны, имеющей на Севере необъятные, еще не обжитые территории.

Примечательно, что разрешение названных проблем в 1920-е гг. выпало на долю небольшой группы смельчаков-энтузиастов во главе с агрономом И. Г. Эйхфельдом. Приведем в виде табличных данных сжатые сведения о пионерах полярного земледелия (табл.2).

Таблица 2

История Хибинского опытного пункта в лицах(1920-е гг.)³
[ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 2. Л. 12; Д. 46. Л. 14]

Ф.И.О.	Год рождения	Образование	Занимаемая должность	С какого времени на Хибинском пункте
Эйхфельд Иоган Гансович	1893	Высшее	Зав. пунктом в Хибинах	1923-1924
Хренникова Мария Митрофановна	1890	Высшее	Зав. пунктом в Коле	1924
Сомов Илья Павлович	Нет данных	Высшее	Агроном	1927-1930
Ефимов Петр Ефимович	1905	Высшее	Агротехник	1929-1930
Онохин Михаил Федорович	1900	ЦПШ	Рабочий	1926
Неклюдов Григорий Федорович	1898	Сельская школа	Рабочий, тракторист	1926
Карклин Елена Мартыновна	1863	Не имела	Кухарка	1928

Вызванный к жизни сельскохозяйственный опорный пункт в центре Кольского полуострова, по словам члена Правления Мурманской железной дороги проф. Г. Ф. Чиркина, с первых шагов своей деятельности превратился в своеобразный «аванпост борьбы человека с природой» [Чиркин, 1928: 94].

³ В таблице отражена информация только о штатных сотрудниках. Учреждение пользовалось также услугами поденных и сезонных работников.

Прежде чем коллективу Хибинского опытного пункта удалось научиться надежно выращивать на Крайнем Севере хорошие урожаи многих культур, пришлось преодолеть немало трудностей, связанных как с «объективно природными» (короткий и холодный период вегетации, низкое естественное плодородие почв, недостаток влаги, обилие насекомых вредителей), так и с «человеческими» (сложившиеся стереотипы мышления в науке и общественном сознании, отсутствие крупных денежных ассигнований, нехватка кадров специалистов и рабочей силы и др.) факторами. Причем труднее всего было преодолевать старые шаблоны в сознании людей, противостоять «многочисленному хору скептиков». Позднее И. Г. Эйхфельд признавался: «Иногда решать научную проблему бывало легче, чем бороться с предрассудками. Приходилось буквально отвоевывать право работать на Кольском полуострове с зерновыми культурами, потому что такое начинание называли прямым вредительством. И нам “агрономы” предлагали развивать овощное дело в Дагестане и оттуда возить овощи сюда. Поэтому поводу велась даже целая переписка» [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 157. Л. 25]. Если бы пионеры исследовательской работы позволили бы себе усомниться в перспективах начатого ими дела, то, резюмирует И. Г. Эйхфельд, «проблема земледелия на Крайнем Севере задержалась бы надолго в своем разрешении» [Эйхфельд, 1933: 6].

Сортоиспытание

В целях подбора подходящих к климатическим условиям Заполярья видов и сортов культурных растений Хибинский опытный пункт воспользовался уникальной коллекцией мировой растительности, полученной, главным образом, из северных стран Европы, Азии и Америки. Согласно его отчетам в 1923 г. в испытании было 456 растений и сортов, в 1924 г. – 616, в 1925 г. – 671, а в 1926 г. – 663 сорта культурных растений. Большой ассортимент исходного материала, положенный в основу сортоиспытания, позволил в течение короткого времени выявить сельскохозяйственные возможности Кольского Севера.

Значение хлебных злаков, выращенных на Хибинском пункте, заключалось, прежде всего, в том, что они в местных условиях давали неплохие урожаи. Овес, например, в полевом опыте дал в 1925 г. урожай в 10300 кг сухого сена на гектар, смесь овса и гороха – 9435 кг и смесь овса и вики – 8987 кг. Определился и видовой состав травяных смесей – это тимофеевка, овсяница луговая, костер безостый, лисохвост, мятлики, клевер и др.

Из 83 сортов картофеля, испытанных на Хибинском пункте, лишь 15-20 заслуживали внимания для дальнейших опытов. Из 12 сортов кочанной капусты только один оказался пригодным для культуры – «копенгагенская рыночная». Неплохие результаты дали цветная капуста, репа, свекла, брюква, морковь, редис, укроп, петрушка и другие огородные растения. Прекрасно развивалась садовая земляника, а в цветнике у здания пункта пестрели обычные садовые цветы: астра, левкой, гвоздика и пр. [Чиркин, 1928: 88-90].

Опыты по подбору пригодных для северных условий огородных растений на четвертый год колонизационной работы закончились с вполне положительными результатами (табл.3).

Таблица 3

Урожайность огородных культур на Хибинском опытном пункте
за 1923-1927 гг. (в квинталах на гектар)⁴
[Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926-1927 гг., 1928: 213]

Название растений, их сорта	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	Средняя 2)
Капуста кочанная:						
Копенгагенская	-	498.8	833.3	380.8	827.1	635.0 (4)
Номер первый	-	-	-	340.2	656.2	498.2 (2)
Дитмарская	-	-	-	295.5	892.1	593.8 (2)
Соловецкая	-	-	-	354.7	685.5	520.1 (2)
Брюква:						
Шведская желтая	378.6	434.0	1087.3	587.3	1120.2	723.3 (5)
Красносельская	-	497.3	676.0	410.7	499.3	520.8 (4)
Бангольмская	-	-	977.3	583.3	682.6	747.7 (3)
Репка:						
Петровская	228.7	200.0	393.3	168.0	479.0	293.8 (5)
Карельская	150.7	200.0	-	220.0	689.0	314.9 (4)
Соловецкая	140.0	358.0	-	170.7	572.0	310.2 (4)
Турнепс:						
Бортфельдский	-	274.7	592.7	338.7	468.3	418.6 (4)
Остерзундомский	-	389.3	762.6	442.0	497.0	522.7 (4)
Серый камень	-	262.0	514.0	479.3	412.3	416.9 (4)

Приведенные в таблице данные об урожаях огородных культур являлись убедительным доказательством того, что огородничество на Крайнем Севере, при правильном его ведении, могло служить серьезным подспорьем для переселенческих хозяйств.

Не менее ценными в хозяйственном отношении оказались результаты по сортоиспытанию картофеля (табл.4).

Таблица 4

Урожайность картофеля на Хибинском опытном пункте за 1923-1927 гг.
(в квинталах на гектар)⁵

[Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926-1927 году, 1928: 213]

Сорт картофеля	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Шестинедельный	227.2	201.1	417.2	292.8	342.4
Азия Б	202.8	190.0	339.4	332.2	353.3
Снежинка № 3	133.3	184.4	352.2	339.4	349.8
Вермонт	-	161.1	495.0	267.2	340.2
Огайо	-	167.8	403.3	253.3	354.9
Сеянец Писарева № 1	215.5	135.0	390.5	251.6	328.1
Эпикур	216.1	199.4	383.9	292.0	322.7
Число дней вегетации	78	109	91	81	98

⁴ Квинтал равен 100 кг (около 6.1 пуд.); 2) В скобках указано число лет испытания

⁵ Квинтал равен 100 кг (около 6.1 пуд.)

Средний урожай его лучших сортов за тот же период испытаний составил около 300 квинталов на гектар, или до 2000 пуд. на десятину. Выводы опытного пункта относительно рентабельности разведения картофеля получили полное подтверждение в переселенческих хозяйствах: переселенцы, снабженные опытным пунктом посадочным материалом, собрали урожай в 1927 г. «сам 10-15» (способ вычисления урожайности, использовавшийся в сельскохозяйственной статистике).

Опыты первых лет на Хибинском опорном сельскохозяйственном пункте продемонстрировали полную возможность овощеводства и решения кормовой проблемы. Оказалось, что широкому развитию сельского хозяйства в форме животноводства и огородничества препятствовал не столько климат, сколько недостаток пригодной земли и отсутствие большого количества навоза. Отсюда перед опытным пунктом встала важнейшая задача – изыскание способов переноса культурных растений на такие почвы, которые не нуждались бы во внесении навозного удобрения. В результате новым этапом работ и основными темами исследований учреждения с 1926 г. явилось изучение проблемы культуры болот и изыскание местных источников минеральных удобрений.

Изучение проблемы культуры болот и изыскание местных источников минеральных удобрений

Решение научного пункта взяться за осушение и обработку болот было новаторским, ведь на Кольском Севере ранее нигде болот не осваивали. В 1925-1926 гг. были осушены первые болотные участки за озером Имандра, а в 1927 г. приступили к их обработке. Вот как описывает И. Г. Эйхфельд борьбу за расширение Хибинского опытного поля: «Осушительные каналы помогли вырыть рабочие мелиоративного отряда, превратить же кочкарники в пригодные для посева площади предстояло работникам опытного пункта. Работа эта была нелегкая. Моховые кочки срубали специальными тяжелыми мотыгами. Заплывшие осушительные каналы очищались, бока канав укреплялись, срезанные кочки выносились с участка. Когда расчистили первые участки, попробовали обработать их конными орудиями. Но тщетно: торф оттаял, лошади проваливались в грязь. Тогда рабочим самим приходилось впрягаться и помогать лошадям. Первый опытный участок был засеян овсом» [Эйхфельд, 1979: 107-108]. Осенью 1928 г. на осушенном болоте работники опытного пункта впервые метали стога сена. Оказалось, что низинные болота Кольского п-ова можно превратить в хорошие сенокосные угодья. В 1929 г. агрономом М. В. Докуниним были проведены специальные полевые и вегетационные опыты по культуре Хибинских болот [НАРК. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 8/108. Л. 17, 70].

Не менее значима роль опытно-научного центра в Хибинах в деле использования апатита в качестве сырья для производства фосфатных удобрений. Вплоть до середины 1929 г. учреждение являлось своеобразным перевалочным пунктом для геологических экспедиций и отрядов, организуя доставку им в горы на оленях продовольствия, снаряжения и строительных материалов. Здесь же, в Хибинах, располагалась организованная геологами в 1928 г. химическая лаборатория для анализов образцов апатитовой породы; в ее доставке к железной дороге не раз принимали участие работники сельскохозяйственного пункта. Интерес, проявленный пионерами полярного земледелия к «камню плодородия» (начиная с экспедиции в 1924 г. к Турьему

мысу), не был случайным. И. Г. Эйхфельд, организатор поездки в горы осенью 1926 г. для заготовки и вывозки опытной партии апатитнефелиновой породы, вспоминал: «...Я решил поехать по первому снегу на оленях к месторождению с тем, чтобы заготовить и вывезти хотя бы тонну этой ценной породы для проведения опытов по ее обогащению (освобождению от других минералов) и варке суперфосфата из концентрата, а также специальных исследований по выявлению возможностей непосредственного применения апатитнефелиновой породы в качестве удобрения» [Эйхфельд, 1972: 18]. Эта первая партия добытой руды не только позволила провести успешные испытания минеральных туков на опытных полях, но и во многом ускорила решение вопроса об организации в Хибинах крупнейшего горнопромышленного комплекса, «легла первым камнем в его фундамент» [Петров, Макарова, Саморукова, Токарев, Усов, 2011: 21].

Таким образом, период «горных увлечений» в жизни опытной станции (с 1926 по 1929 гг.) не прошел бесследно. Задолго до создания горной промышленности на Кольском полуострове в Хибинах была начата работа по установлению способов применения апатитовой породы в качестве удобрений и нейтрализаторов на разных типах почв.

Агрономическая помощь переселенцам

Для малонаселенного Карело-Мурманского края приток рабочей силы являлся одним из факторов хозяйственного освоения и экономического роста. По словам представителя Правления Мурманской железной дороги Г. Ф. Чиркина, расширение к северу зоны, где возможно сельское хозяйство, вовлечение в хозяйственный оборот неиспользованные и пустующие пространства, было «равносильно мирному завоеванию огромной и производительной территории» [Чиркин, 1928: 93]. На 1 октября 1927 г. на переселенческих участках, образованных Колонизационным отделом, вели хозяйство 681 переселенческая семья (2841 чел.), причем 512 семей проживали в зимних домах, вели строительство – 115 семей и занимались подготовительными работами, связанными с постройкой дома, – 54 семьи [Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926-1927 г., 1928: 211].

Вовлечение переселенцев в сельскохозяйственное освоение земель колонизационного отвода являлось одной из социально значимых задач Колонизационного отдела Мурманской железной дороги. В качестве инструментария для ее реализации служили Опытные сельскохозяйственные пункты (Хибинский, Кольский и Лоухский под общим руководством И. Г. Эйхфельда) и агробазы («Ильич» и «Зеленец», расположенные недалеко от Ленинграда). Если первые занимались преимущественно сортоиспытанием и оказанием методической помощи начинающим огородникам, то вторые служили крупными семенными и кормовыми хозяйствами, а также племенными рассадниками для снабжения переселенцев.

Развитие земледелия и скотоводства в крае сдерживали ряд объективных факторов. Так, согласно Положению о колонизации Карело-Мурманского края, первое, за что должен был взяться переселенец – это устройство постоянного жилища на участке и обеспечение собственного материального благополучия надежными заработками (II глава, ст. 16.). И только после этого он мог «подводить под свое хозяйство сельскохозяйственную базу, начиная с огорода и переходя к разработке небольших площадей» [Чиркин, 1928: 100]. Следствием

этого стало создание Колонизационным отделом дороги участковой агрономической сети местных земельных органов лишь во второй половине 1920-х гг. Исполнять же их функции длительное время в меру своих возможностей пришлось персоналу Хибинского опорного пункта железной дороги.

Одной из форм взаимодействия агрономической науки и практики стало создание опытно-показательных огородов в хозяйствах переселенцев. Первые из них были заложены в 1924-1925 гг. в 5 пристанционных поселках: Кандалакше, Пинозере, Зашейке, Имандре и Пулозере. Весною переселенцам было разослано Агрономической службой дороги около 5000 штук рассады огородных растений, выращенных на опытных пунктах. В некоторые поселки посланы плуги и бороны и роздано 10 комплектов (каждый из которых включал 17 отдельных названий) популярной сельскохозяйственной литературы. Наступившие полевые работы на Хибинском и Кольском опытных пунктах не позволили агрономам лично участвовать в весенних работах на показательных участках и, вследствие этого, не везде соблюдались данные указания. Отсюда, вполне удовлетворительные результаты были получены лишь в 3 хозяйствах переселенцев: в Пинозере (у Кириллина), Зашейке (у Смирнова) и Имандре (у Гуськова). К примеру, у переселенца Смирнова картофель дал урожай «сам 14». Капуста кочанная и брюква достигали весом до 3 фунтов, репа и цветная капуста – до 2 фунтов [Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги, 1926: 81-82].

Агрономическая помощь переселенцам не ограничивалась рамками обслуживания только опытно-показательных огородов. В поле зрения научных работников сельскохозяйственных опытных пунктов находились все хозяйства колонизационного отвода. Их поселенцы все больше проявляли интерес к сельскому хозяйству, свидетельством чему служила начавшаяся практически повсеместно разработка нивы. Среди огородных культур, культивировавшихся по линии железной дороги, преобладали посевы картофеля, репы и лука. Однако отсутствие специального агрономического персонала на местах явно тормозило эти процессы. Чтобы хоть в некоторой степени заполнить этот пробел, агрономами Хибинского опытного пункта в целях инструктирования производились объезды переселенческих поселков. Иллюстрацией сказанного может служить пример, взятый из отчета второго года колонизационной работы КО МЖД. За время май – ноябрь агрономом М. М. Хренниковой было произведено следующее количество посещений отдельных поселков III и IV районов: Кандалакша – 5; Пинозеро – 5; Зашеек – 4; Белореченский – 4; Имандра – 6; Пулозеро – 5; Тайбола – 2; поселки по реке Коле – 2. Чтобы охватить агрономической помощью все переселенческие хозяйства только от Медвежьей горы до Мурманска специалистам Хибинского опорного пункта требовалось не меньше месяца. Понятно, что при разбросанности поселков по линии железной дороги на протяжении 900 км, к тому же небольшими кадрами, загруженными работой на опытных пунктах, систематическое обслуживание переселенцев чрезвычайно затруднялось. О том, как это сказывалось на результатах огородничества на колонизационном отводе, можно подчеркнуть из тех же отчетов КО МЖД. Как отмечает агроном М. М. Хренникова, бывали случаи, когда переселенцы, не считаясь с данными им указаниями, производили посевы на не удобренной почве (ст. Имандра), и в результате погубили только посевной материал. В некоторых пунктах причиной неудачи были не недостаток

удобрений и плохая обработка почвы, а отсутствие соответствующего ухода – поливки, прорывки густых посевов и пр. Местами картофель погиб от ранних заморозков. Где агрономам удалось лично принять участие в некоторых операциях ухода за огородными культурами, получались удовлетворительные результаты, особенно на опытно-показательных огородах [Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги, 1926: 81-82].

Помимо инструктирования в области текущей сельскохозяйственной деятельности переселенцев при объездах специалистами выяснялись и их общие агрономические нужды. В целях получения конкретного материала для выработки плана агрономических мероприятий также производились специальные обследования переселенческих хозяйств. Чтобы судить о роли сельского хозяйства у переселенцев, проживших более года на участках, образованных Колонизационным отделом, приведем данные о главнейших источниках дохода четырех расположенных в разных районах отвода переселенческих хозяйств – по результатам обследования, произведенного летом 1926 г. (табл.5).

Таблица 5

Результаты обследования переселенческих хозяйств (по данным 1926 г.)
[Чиркин, 1928: 101]

1. Районы расположения хозяйства	I Ст. Сегежа	II Побережье Чупинского залива	III Побережье оз. Имандра	IV Ст. Пулозеро
2. Состав семьи:				
взрослых мужчин	1	1	1	1
взрослых женщин	1	2	2	2
полуработников	1	-	-	-
детей	3	1	1	3
3. Общая сумма валового прихода Денежного и натурального	1859 р.	1882 р.	1480 р.	2942 р.
4. Распределение прихода по источникам в %:				
а) с/х (животноводство и огороды)	32.9 %	17.8 %	40.3 %	57.6 %
б) лесные работы	-	52.1 %	-	6.8 %
в) рыболовство	-	-	19.6 %	-
г) охота	-	-	16.8 %	-
д) работа на железной дороге	50 %	-	-	-
е) прочие поступления (ремесла, извоз, поденные работы и пр.)	17.1 %	30.1 %	23.3 %	34.6 %

Как видно из таблицы, на третий год колонизационной работы сельское хозяйство становится важной составляющей (а на Кольском полуострове – даже основным источником) в доходной части бюджета переселенцев. К примеру, на западном берегу губы Белой (по соседству с Хибинским опытным пунктом) разместилось финское хозяйство с самым обширным огородом во всем

Приимандровском районе, разработанным предприимчивым колонистом. Репрезентативность приведенного социологического среза подтверждает и такой факт. В 1926-1927 гг. огороды и пробные посевы кормовых растений были уже в каждом поселке, причем потребность для них в семенном картофеле полностью удовлетворялась сортовым посевным материалом Хибинского пункта. Избранный им сорт картофеля «Эпикур» разводился агробазами для снабжения семенным материалом переселенцев.

Произошедшие сдвиги в данном направлении побудили КО МЖД приступить к организации систематической и более близкой к поселенцам агрономической помощи. Для непосредственного руководства работами переселенцев по развитию сельского хозяйства в 1926–1927 гг. был организован первый агрономический участок в южной части отвода (Медвежья гора – Сорока), на следующий год – второй, в состав которого вошли поселки на Кольском полуострове, в том числе и на побережье Кольского залива. При этом участковые агрономы в своей работе опирались на выводы и методические рекомендации опытных пунктов, а в отношении снабжения переселенцев скотом и отчасти семенным материалом – на агробазы. Все это способствовало заметной активизации деятельности местного населения по освоению своих земельных наделов.

Создание первого сельскохозяйственного предприятия на Кольском Севере

В конце 1920-х гг. на Кольском полуострове сложились объективные предпосылки для создания местного сельскохозяйственного производства. За время работы Мурманской железной дороги как транспортно-промышленного и колонизационного комбината становилось все более очевидным, что опыт «канадизации» (железных дорог Канады) оказывается малоэффективным способом колонизации и экономического развития Карело-Мурманского края. Деятельность комбината преимущественно основывалась на либеральных подходах к освоению Севера, не предъявляющих высоких требований к его темпам. К примеру, работы Хибинского опытного пункта в 1920-е гг. с точки зрения «смычки науки и практики» не выходили за рамки развития маломощных индивидуальных хозяйств. С переходом страны к форсированной индустриализации и коллективизации Мурманский округ становится для нового партийного руководства Ленинграда во главе с С. М. Кировым одним из ресурсных приоритетов. Создание индустриальной базы на Кольском Севере, что стало возможным благодаря богатству его недр, во главу угла поставило проблему закрепления кадров, прибывающих сюда из других регионов страны. Основным направлением в ее решении, по мнению первого управляющего трестом «Апатит» В. И. Кондрикова, должно было стать освоение бесплодных северных земель: «Кто же думает, что можно насадить людей и не дать им здесь на месте овощей, не дать им здесь продуктов местных. Привезти сюда не местных продуктов невозможно по ряду соображений: экономических, транспортных. Надо здесь на месте вырастить это дело» [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 131. Л. 21]. Но для этого необходимо было научное обеспечение, организуемое, как завещал в одной из последних своих работ А. В. Журавский, тогда, «когда созревают, а отнюдь не тогда, когда уже назрели запросы жизни». Институционализация опытного дела в Хибинах, предшествующая строительству здесь горно-обогачительного комбината, подтвердила справедливость его слов. К моменту возникновения апатитовой

промышленности Хибинский опорный пункт «сумел дать ответы, обеспечивающие правильное развитие сельскохозяйственного производства на Севере» [Эйхфельд, 1933: 6].

На новом этапе развития страны теоретические споры вокруг проблемы полярного земледелия переместились в практическую плоскость. «Мы были убеждены, – вспоминал И. Г. Эйхфельд, – в большом значении нашего дела для развивающегося Севера. Но нужно было, чтобы рядом с нами скорее вырос мощный потребитель, тогда все лишние разговоры отпали бы» [Эйхфельд, 1979: 115]. Предложение (28.08.1929 г.) поставить научные достижения Хибинского опытного пункта «на службу социалистическому земледелию нашего Севера» нашло поддержку С. М. Кирова, что в конечном итоге и предредило появление первого сельскохозяйственного предприятия на Кольской земле (23.10.1930 г.). «Беспокойный агроном из Хибин» не скрывал своего удовлетворения: «...сбывалась мечта о создании совхоза, в котором мы могли бы уже в широких производственных условиях проверить выводы о возможности создания молочно-овощных хозяйств не только в Мурманской области, но и во многих других районах Крайнего Севера, где природные условия близки к условиям Кольского полуострова» [Эйхфельд, 1979: 119].

С ликвидацией Транспортно-промышленного и колонизационного комбината (Постановление СНК СССР от 02.11.1930 г. № 602 в) Хибинский опытный пункт решением Наркомзема (01.01.1931 г.) был передан в ведение Всесоюзного института растениеводства, с реорганизацией его в ПОВИР. В качестве приоритетной перед Полярным отделением была поставлена задача изучения вопросов, связанных с продвижением растениеводства на весь Крайний Север СССР, главным образом, в разрезе растительных ресурсов и селекции. «Целый материк» нетронутых северных земель с беспредельными возможностями ждал активного вмешательства государства, с опорой его на достижения агрономической науки. Перспективы его завоевания обрисовал в своем докладе на Ленинградской чрезвычайной сессии АН СССР Н. И. Вавилов: «Кончилась эпоха стихийной колонизации Севера. Разрозненный индивидуальный опыт не дал серьезных результатов. Наступает новая эра, когда организованное на принципах коллективизации и совхозного строительства пролетарское государство со всей мощью современной науки и техники подходит заново к Северу. Вместо стихийного начала должны быть внесены воля и разум сильного социалистического государства. В масштабах, соответствующих грандиозности проблемы, оно приступает к осеверению земледелия. Этому повелительно требуют интересы нашего развивающегося народного хозяйства. Овладение Севером увеличит экономическую, политическую и обороноспособную мощь Советского Союза» [Вавилов, 1931: 14-15].

Основные выводы

1. Хибинский агропункт в 1920-е гг. прошел путь от временной опытной точки Севэкспедиции до опорного сельскохозяйственного научного учреждения Транспортно-промышленного и колонизационного комбината Мурманской железной дороги с отделениями в Коле и Лоухах и располагавшего 15 га культурных площадей (как на минеральной почве, так и на осушенном болоте), а также примерно десятком различных построек (среди них выделим

дома для персонала и агрохимической лаборатории, агрометеорологической станции, музея).

2. Небольшой группой энтузиастов под руководством И. Г. Эйхфельда за короткий период были заложены основы земледельческого освоения Кольского Севера. К началу 1930-х гг. пионерам полярного земледелия удалось изучить 4 тыс. образцов мировой коллекции растений, подобрать ассортимент почти всех основных культур, которые могли быть пущены в практику сельскохозяйственного производства как в Мурманском округе, так и в других аналогичных зонах Севера.

3. На основе исследовательских и опытных работ, проведенных под началом и при материальной поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги, были сделаны первые шаги по развитию сельского хозяйства как основы «быта колонизационного населения Карело-Мурманского края». С рождением апатитовой промышленности на основе практических результатов ПОВИР возникло первое многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие на Кольском полуострове – совхоз «Индустрия».

Список сокращений

Севэкспедиция – Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ
ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
ПОВИР – Полярное отделение ВИРА
ВИР – Всесоюзный институт растениеводства ВАСХНИЛ
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельского хозяйства имени Ленина
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
СНК СССР – Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
Наркомзем – Наркомат земледелия
КО МЖД – Колонизационный отдел Мурманской железной дороги

Архивные материалы

ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Кировский (до 1934 г. Хибинский) городской (с 1935 г. районный) комитет партии.
ГОКУ ГАМО в г. Кировске Ф. 180. Оп. 2. Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук.
НАРК. Ф. 1465. Оп. 1. Колонизационный отдел правления Мурманской железной дороги.
РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 7. Высший Совет народного хозяйства СССР и РСФСР.

Список литературы

Берлин В. Э. Гражданин Лапландии: (Одиссея Германа Крепса). М.: Мысль, 1985. 126 с.
Большевики победили тундру. Сборник, посвященный Хибинам. Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1932. 224 с.

Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия. Материалы Ленинградской чрезвычайной сессии Академии наук СССР 25-30 / XI 1931. Л.: Изд. АН СССР, 1931. 15 с.

Второй год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчетный сборник Колонизационного отдела Правления Мурманской железной дороги за 1924-1925 год. Л.: Изд. Правления МЖД, 1926. 180 с.

Дюжилов С. А. Экспедиционная деятельность Севэкспедиции на Кольском полуострове в 1921 г. // 1921 год в судьбах России и мира: от Гражданской войны к послевоенному миру и новым международным отношениям: сборник материалов международной научной конференции. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 150-153.

Журавский А. В. Европейский Русский Север: К вопросу о грядущем и прошлом его быта. Архангельск: Губерн. тип., 1911. 36 с.

Иорданский Ю. П. Район Мурманской железной дороги // Производительные силы района Мурманской железной дороги, 1923 г. Петрозаводск: Типо-Литография Мурманской железной дороги, 1923. С. 23-70.

Ковалев Н. Борьба за север // Карело-Мурманский край. 1933. № 7-8. С. 29-32.

Летопись событий по истории Хибиногорска // Кировский рабочий. 1934. 30 октября. С. 2.

Мурманская железная дорога. Колонизационный отдел. Год колонизационной работы Мурманской железной дороги: Отчет о работе Колонизационного отдела Мурманской железной дороги за 1923-1924 год. Л.: Изд. Правления Мурманской железной дороги, 1925. 244 с.

Очерк работы Мурманской железной дороги в 1926/27 году. Л.: Изд. Правления Мурманской железной дороги, 1928. 247 с.

Петров В. П., Макарова Е. И., Саморукова А. Г., Токарев А. Д., Усов А. Ф. Кольский научный центр. Летопись. 1930-2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. 320 с.

Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки // Север и рынок: формирование экономического порядка. Вып. 3 (31). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 45-54.

Работа Мурманской железной дороги за 1922/23 год: обзор деятельности Правления и Управления по отчетным данным. Т. 1. Л.: Изд. Правления Мурманской железной дороги, 1924. 336 с.

Священник Сергей (Поливцев). Трифонов Печенгский монастырь. Мурманск: Кн. изд-во, 2007. 176 с.

Сельскохозяйственной науке Республике Коми 100 лет (1911-2011 гг.). Сыктывкар: Изд. НИИСХ Республики Коми Россельхозакадемии, 2011. 151 с.

Ушаков И. Ф. Избранные произведения: В 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. Мурманск: Кн. изд-во, 1998. Т. 2: Кольский Север. 376 с.

Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI-XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.

Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги: его возникновение, развитие и метод работ. М.; Л.: Главнаука, 1928. 134 с.

Эйхфельд И. Г. Борьба за Крайний Север. Краткие итоги работы ПОВИР. 1923-1933. Л.: Изд. ВИРА, 1933. 45 с.

Эйхфельд И. Г. За камнем плодородия // Хибинские клады. Воспоминания ветеранов освоения Севера. Л.: Лениздат., 1972. С. 13-41.

Эйхфельд И. Г. Фундамент // Хибины. Повести. Рассказы. Очерки. Л.: Изд. Советский писатель. Ленинградское отделение, 1979. С. 103-131.

Сведения об авторе

Дюжилов Сергей Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Djuzhilov Sergej Aleksandrovich,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 930(373.1)(47+57)

А. В. Шех

**СОВРЕМЕННОЕ ШКОЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СТРАНАХ СНГ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ «ПЕРЕСТРОЙКА В СССР»)**

Аннотация

В статье рассматриваются особенности исторического образования в странах Содружества Независимых Государств, в целом и конкретно – в Республике Беларусь. В частности, рассказывается об особенностях и отличиях белорусского «Образовательного стандарта» от «Единого историко-культурного стандарта», разработанного в России. Кроме того, в статье на примере темы «Перестройка в СССР» показано восприятие и понимание общих сюжетов новейшей истории России и Беларуси.

Ключевые слова:

учебники истории, всемирная история, история Беларуси, СНГ, Образовательный стандарт, перестройка, Чернобыльская АЭС, государственный переворот, суверенитет, западнорусизм.

A. V. Sheh

**MODERN SCHOOL HISTORY EDUCATION IN THE CIS COUNTRIES
(ON THE EXAMPLE OF THE TOPIC: "PERESTROIKA IN THE USSR")**

Abstract

The article discusses the features of historical education in the Commonwealth of Independent States, in general, and specifically in the Republic of Belarus. In particular describes the features and differences of the Belarusian "educational standards" from the One historical - cultural standard "developed in Russia. Also in the article on the example of the theme "Perestroika in the Soviet Union" shows the perception and understanding of the common themes of modern history of Russia and Belarus.

Keywords:

history books, world history, history of Belarus, CIS, educational standards, the restructuring, the Chernobyl nuclear power plant, a coup d'etat, sovereignty, zapadnorusizm.

Анализ учебников истории для школы постсоветских стран показывает, что все они, за исключением Республики Беларусь, пошли по пути преподавания подрастающему поколению националистической трактовки суверенной истории, основанной на мифах о древности своего народа, о высокой культурной миссии предков и о внешнем «враге» в виде России. Большое внимание в них уделялось обоснованию древности национальной истории.

Интерпретации национальной истории стран Содружества Независимых Государств зачастую определены в новых национальных государствах законодательно. Концепция «советской оккупации» в Грузии, Латвии, Литве, Украине, Эстонии зафиксирована в актах о восстановлении независимости, имеющих конституционную силу, концепция «геноцида азербайджанцев» изложена в указе президента Азербайджана Гейдара Алиева «О геноциде Азербайджанцев» от 26 марта 1998 года [Освещение общей истории России..., 2009: 261]. По мнению авторов схем национальных историй, «тоталитарная империя» жестоко угнетала, эксплуатировала и использовала в своих корыстных целях несчастные нерусские народы СССР. Утверждается идея, что совершенно никакого положительного опыта народы СССР от совместного проживания с русским народом не получили. В аспекте взаимодействия с русскими речь идет исключительно о насилии, терроре, эксплуатации. Исключением из этого правила являются учебники истории Армении и Беларуси, стремящиеся к объективной оценке прошлого.

Для большинства стран СНГ характерно, что вся вина и ответственность за происшедшее в нашей общей истории в рамках единого государства возлагается на Санкт-Петербург и Москву. Российская империя и Советский Союз, Российская Федерация как правопреемница СССР в данном контексте объективно выступает в такой литературе как главный и едва ли не единственный виновник всех бед и несчастий народов стран СНГ.

Таким образом, становится очевидным, что тенденции в разработке учебной литературы по истории в странах, возникших на постсоветском пространстве, в корне отличаются от тех, которые преобладают в большинстве в России.

В апреле 2013 г. решением Президиума Российского исторического общества была создана рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Летом 2013 г. в российском обществе началось активное обсуждение вопросов, связанных с созданием нового единого учебника истории. В конце октября 2013 г. на сайте Российского исторического общества была опубликована «Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории», являющаяся, по сути, проектом нового учебника истории [Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории, ЭР].

27 августа 2014 г. министр образования и науки Российской Федерации Дмитрий Ливанов объявил, что под узким понятием «единый учебник» предполагается введение в действие единого историко-культурного стандарта, на основе которого и будут разработаны учебники истории. При этом все написанные ранее или в будущем учебники будут проходить общественную и профессиональную экспертизу [Минобрнауки опровергло отказ от концепции «единого учебника истории», ЭР].

Несколько лет назад по пути создания единого учебника отечественной истории пошла союзная с Россией Республика Беларусь. 29 мая 2009 г. Министерством образования Республики Беларусь был утвержден «Образовательный стандарт учебного предмета “Всемирная история. История Беларуси” (5-11 классы)». Одной из основных целей изучения школьного предмета «Всемирная история. История Беларуси» в этом документе была определена следующим образом: «овладение учащимися систематизированными знаниями о мировом историческом процессе и формирование представлений о месте в нем Беларуси».

В отличие от предложенного в 2014 г. в России проекта «Единого историко-культурного стандарта», белорусский «Образовательный стандарт» предполагает единый комплекс с тем условием, что история Беларуси встроена в контекст всемирной истории. Как отмечают некоторые эксперты, этот момент является одной из сильных сторон белорусского стандарта. Предложенный российский проект дает конфигурацию только по отечественной истории. Одновременно в части всемирной истории очевиден крен белорусского образовательного стандарта в сторону европейской истории. Это вряд ли можно считать новацией белорусских разработчиков, поскольку в данном случае они следуют образовательной традиции России последних десятилетий.

Другой положительной стороной образовательного стандарта Республики Беларусь является компоновка материала.

Согласно законодательству Беларуси изучение отечественной истории в школе начинается в 6-м классе и продолжается в 7-м, 8-м и 9-м классах с тем, чтобы хронологически охватить период с VI-VII вв. – начала славянской колонизации территории современной Беларуси – до конца XVIII в. – ликвидации Речи Посполитой [Морозова, Сосно, Панов, 2011]. Вместе с тем в 11-м классе, завершающем обучение в школе, рассмотрение белорусской истории возвращается к началам, и вновь изучается период VI-XVIII вв., но на концептуально более высоком уровне.

Целый ряд проблем рассматривается в § 1: Роль и место истории Беларуси в процессах общественно-исторического развития; § 2: Беларусь в восточнославянском мире (V – первая половина XIII в.); § 3: Беларусь в Великом княжестве Литовском (вторая половина XIII – первая половина XVI в.); § 4: Белорусские земли в составе Речи Посполитой (вторая половина XVI-XVIII в.) [История Беларуси, 2009: 5-26].

Данное представление материала связано с тем, что, во-первых, уровень восприятия и понимания школьника выпускного 11-го класса в значительной степени отличается от уровня усвоения учебного материала учеником среднего звена. Во-вторых, изучение именно начальных (хронологически) периодов отечественной истории имеет большое значение при формировании национальной идентичности личности. Кроме того, образовательный стандарт по истории в Беларуси определяет геополитический выбор, закладываемый в историческое сознание подрастающего поколения – молодых граждан современной Беларуси.

Вместе с тем утверждение о связи Беларуси с Европой в учебниках дополнено тезисом, что «геополитическое положение белорусских земель характеризовалось их расположением на границе двух подсистем европейской христианской цивилизации и культуры: западнохристианской (римско-

католической) и восточнохристианской (византийско-православной)» [История Беларуси, 2009: 5-26]. Таким образом, можно признать, что в республиканском школьном курсе истории и отраженной в нем теории многовекторного развития во многом отразилось современное центристское положение Беларуси между Европой и Россией.

Единый учебник истории и учебно-методический комплекс Республики Беларусь признают период политики перестройки 1985-1991 гг. самым противоречивым и неоднозначным в современной истории Беларуси. Официальная белорусская историография признает ключевым событием того периода времени в истории республики катастрофу на Чернобыльской АЭС. Вместе с тем, по мнению авторов учебника, с середины 1980-х гг. по инициативе нового руководства КПСС во главе с М. С. Горбачевым и Н. И. Рыжковым в СССР начался период радикальных экономических, политических и социальных преобразований, начало которым положили решения апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС. Вначале новый курс связывался с идеей ускорения, которая предусматривала повышение темпов экономического развития путем интенсификации производства, структурной перестройки экономики, внедрения достижений научно-технического прогресса, стимулирования труда. Однако принимаемые меры не дали желаемых результатов. Поэтому в июне 1987 г. было объявлено о проведении радикальной экономической реформы. Начался перевод предприятий, объединений, целых отраслей народного хозяйства на полный хозяйственный расчет и самофинансирование. С июля 1988 г. республики стали переходить на региональный хозрасчет, что привело к децентрализации и разрушению единого экономического пространства СССР.

Решение новых задач в Беларуси было осложнено аварией на Чернобыльской АЭС весной 1986 г. Из всех загрязненных территорий (Украина, Россия) 70 % пришлось на Беларусь. В зоне радиоактивного заражения проживало 2 млн 100 тыс. чел. Из оборота было выведено более 20 % сельскохозяйственных угодий. Общие расходы, связанные с переселением людей, строительством домов, выплатой компенсации за оставленные жилища и хозяйственные постройки, потерянной техникой (вывозить ее с загрязненных территорий запрещалось) и т. д., составили 16 национальных годовых бюджетов Беларуси. И, тем не менее, с 1986 по 1990 гг. народное хозяйство Беларуси работало достаточно динамично. Промышленность республики увеличила выпуск продукции на 26 %, а производительность труда выросла на 30.1 %. Имелись определенные успехи и в сельском хозяйстве. Однако это не являлось свидетельством преодоления факторов экономического торможения. Механизм хозяйствования оставался затратным, экономические преобразования не затронули основ административной системы. Более того, во время перестройки были допущены ошибки, которые способствовали деструктивным процессам. Из-за отсутствия целостной и ясной программы реорганизация велась методом проб и ошибок. Имели место просчеты в инвестиционной и экспортно-импортной политике, в борьбе с нетрудовыми доходами. Был окончательно утрачен контроль над денежным обращением, появились групповые интересы, воровство в крупных масштабах и организованная преступность. Одновременно во многих регионах СССР обозначилась политическая нестабильность. Беларусь на этом фоне оставалась наиболее спокойной.

На рубеже 1980-1990-х гг. обострился экономический кризис. Падал национальный доход, сокращалось производство продукции, появилась безработица, ухудшилось социальное положение граждан. Выход из кризиса тогдашнему руководству виделся в переходе к рыночным отношениям. В октябре 1990 г. Верховный Совет республики одобрил разработанную Советом Министров БССР программу перехода к рыночной экономике. Она предусматривала создание рыночных институтов, приватизацию, демополизацию, изменение системы государственного регулирования экономики.

Завершающий этап перестройки, по оценке профессора и автора учебников по новейшей истории Беларуси Я. К. Новика, произошел 8 декабря 1991 г., когда «в Беловежской пуще руководители России, Беларуси и Украины: Б. Ельцин, С. Шушкевич и Л. Кравчук, игнорируя волю своих народов, которая была высказана на Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г., денонсировали Договор 1922 г. о создании СССР и тем самым разрушили великую и могучую державу. Этот государственный переворот был совершен с согласия Президента СССР М. С. Горбачева. На руинах СССР возникло аморфное, нежизнеспособное Содружество Независимых Государств».

Однако учебники по истории в Беларуси лишь несколько строк посвящают событиям, предшествовавшим распаду СССР. О событиях 19-21 августа 1991 г. сообщают только два учебника для выпускных классов средних школ: «История Беларуси» и «Всемирная история». Авторы учебников, сообщая о попытке государственного переворота в августе 1991 г., фактически ограничились лишь одним абзацем. Стоит отметить, что информация о тех событиях подана в белорусских учебниках вполне нейтрально [Фомин, 2013].

«История Беларуси для 11 класса» авторства Е. Новика, И. Каналова и других соавторов сообщает: «События 19-21 августа 1991 года в Москве ускорили процесс распада СССР. 25-26 августа 1991 года внеочередная сессия Верховного Совета БССР придала Декларации о государственном суверенитете БССР силу закона, а также приняла постановление об обеспечении политической и экономической самостоятельности Белорусской ССР». Немного внимания тем событиям уделяется и в учебнике «Всемирная история. XIX-начало XXI века» авторства В. Кошелева: «В августе 1991 года сторонники жесткой политики попытались восстановить старый порядок. Они объявили о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Однако их попытка переворота провалилась, что имело продолжительные драматические последствия. 21 декабря 1991 года руководители 12 союзных республик СССР приняли решение о роспуске СССР» [История Беларуси, 2009].

Вместе с тем на сегодняшний день преподаваемый в Беларуси школьный курс истории дает основания считать, что в республике проживает единая нация, а существовавшие ранее конфессиональные различия между католиками и православными в настоящее время внешне нивелированы современной массовой культурой.

Таким образом, несмотря на различные подходы, официальная белорусская историческая наука базируется на принципах западнорусизма и придерживается позиции, согласно которой Беларусь получила свое первоначальное развитие в лоне православной Киевской Руси. Противники этой концепции ставят целью не показать самобытное развитие Беларуси, а противопоставить его России.

Список литературы

История Беларуси. XIX – начало XXI в.: Учебное пособие для 11 класса общеобразовательных учреждений с русским языком обучения / Е. К. Новик, И. Л. Качалов, В. А. Теплова, Н. Е. Новик; Под ред. Е. К. Новика. Минск: Издательский центр БГУ, 2009. 239 с.

Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории // Газета Коммерсант. URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf>.

Минобрнауки опровергло отказ от концепции «единого учебника истории» // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/393568>.

Морозова С. В., Сосно В. А., Панов С. В. История Беларуси. Конец XVIII – начало XX в. Учебное пособие для 9 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения / Под ред. В. А. Сосно; пер. с белорус. яз. Т. Н. Шахмуть. Минск: Издательский центр БГУ, 2011. 199 с.

Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Под ред. А. А. Данилова и А. В. Филиппова. Доклад. М., 2009. С. 261.

Фомин В. М. История Беларуси. Вторая половина 1940-х гг. – начало XXI в.: Учебное пособие для 11 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения. Минск: Национальный институт образования, 2013. 232 с.

Сведения об авторе

Шех Александр Владимирович,

аспирант кафедры истории и права ФГБОУ ВО
Мурманский государственный гуманитарный университет

Sheh Alexandr Vladimirovich,

Graduate Student of History and Law VPO Murmansk State Humanities University

УДК 316.334.56+316.3:572

А. А. Сауткин

ЗАПОЛЯРНЫЙ ГОРОД СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ ВООБРАЖЕНИЯ*

Аннотация

Анализируются возможности использования идей Жильбера Дюрана (т.н. «социология воображения») в социально-антропологических исследованиях городов. Автор рассматривает базовые понятия дюрановской школы, а именно: «имажинэр» и «антропологический траект», указывая на их тесную связь с учением Юнга об архетипах. Отмечается, что исследования заполярных городов могут быть построены на основе данной методологии, что позволит

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования»; публикуется в авторской редакции.

реконструировать «мифос» города, т.е. систему архетипических компонентов, которые обуславливают все социокультурные значения и представления, являясь их истоком.

Ключевые слова:

воображение, архетип, антропологический траект, заполярный город, мета-текст.

A. A. Sautkin

ARCTIC CITY IN THE LIGHT OF THE SOCIOLOGY OF IMAGINATION

Abstract

The article is devoted to the analyse of possibilities of using Gilbert Durand's ideas (so-called "sociology of the imagination") in the urban studies. The author examines the basic theoretical concepts of Durand's scientific school, namely "imaginaire" and "anthropological traject", pointing to their close connection with the K.G. Jung's theory of the archetypes. It is noted that the arctic city study can be based on this methodology, which will reconstruct the "mythos" of the city, i.e. system of archetypal components that are responsible for all the socio-cultural values and views, as their source.

Key words:

imagination, archetype, anthropological traject, arctic city, meta-text.

«Полис – это люди, а не стены и не корабли без людей». Эта известная фраза из речи афинского полководца Никия, приводимая Фукидидом [Фукидид, URL: http://hronologia.narod.ru/fukidid_7_19-87.html], может толковаться по-разному. Мы бы указали на тот ее смысл, что город в социально-антропологической перспективе представляет собой не столько место, не столько материально-физический объект, сколько проекцию на материальный мир духовных сил общины. Соответственно, когда речь идет об изучении города как антропологического феномена, важнейшим объектом выступает именно эта сфера «общинного духа» и «общинного воображения», чьим продуктом и оказывается воплощенный в камне и дереве город.

Говоря «воображение», мы имеем в виду не столько образы мира, рождаемые нашим умом в сфере познания, или образы в сфере художественного творчества. Воображение – это мощная продуктивная сила, порождающая *весь* мир, отличный от природы. Вся наша коллективная жизнь – культурная и социальная – является воображаемой в том смысле, что она порождена воображением. Но воображение занимает промежуточное место между миром полностью идеальным, умопостигаемым и миром материально-вещественным, чувственным. Воображение – это принципиальное «между», но при этом оно само есть особый мир, а не просто промежуток-зияние, не просто граница-межа, не имеющая самостоятельного бытия.

И коль скоро мир для нас есть сопряжение субъективного и объективного, внешнего и внутреннего, воображение выступает как первичная реальность, оно онтологически исходно, ибо оно-то как раз и *сопрягает*. Этот особый мир французский социолог Жильбер Дюран именовал «*imaginaire*» («имажинэр», или «воображаемое» в субстантивированном значении).

Дюран производит переоценку значимости понятия «воображения», которое на протяжении длительного времени находилось на периферии

философских штудий, будучи толкуемо преимущественно в духе Паскаля, писавшего, что воображение – это «владычица ошибок и заблуждений» (*maîtresse d'erreur et de fausseté*). По мнению Дюрана, современная девальвация воображения произошла вследствие неоправданного смешения слова с образом. Его собственная дистинкция предполагает различие слова как конвенционального знака, который в качестве семиотической единицы свободно (и взаимно) заменяется другими такими же единицами, т.е. представляет собой простой «транспортёр смысла», и слова как символического референта.

Как отмечает Мэвурнин М. Джой, «образ по отношению к символическому смыслу имеет глубокие корни, которые спускаются ниже поверхности смысла и находят себя произрастающими на почве фундаментальных динамических влечений и конфигураций. Эти последние основываются на внутренней спонтанной способности выражать себя в образах ключевого характера, предшествующих и лежащих в основе словесной артикуляции» [Joy, 1981: 9]. Любая мысль и любое значение, в конечном счете, зарождаются на досознательном аффективно-динамическом уровне: так, крик или даже «ор» предшествуют оформленной речи, а лепет детей – членораздельному высказыванию. Постулирование этого базового уровня осознанности и коммуникации необходимо ведет нас к заключению, что сама мысль и языковые выражения являются основанными на образах.

По словам самого Дюрана, «это и есть тот “смысл” метафор, тот великий семантизм воображаемого, который является первоначальной матрицей, из коей развертывается любая рационализированная мысль и ее сопровождение» [Durand, 1963: 22].

Универсальность символических представлений, с одной стороны, может быть истолкована как отличительная черта человеческого вида, но, в то же время, имагинативная функция – это априорный компонент любого понимания: «Именно эти два аспекта в их единстве позволяют Дюрану наметить те идеи, которые могли бы охватить философию воображения, которую он, вслед за Новалисом, назовет “трансцендентальной фантазией” (*fantastique transcendantale*) (трансцендентальная фантазия означает производство образов, а не прихоти мечтательности)» [Joy, 1981: 18].

Согласно Дюрану, «трансцендентальное фантастическое» организует свои категории в соответствии с различными структурами типологических схем (в частности, архетипических схем), придавая смысл неоформленному имагинативному материалу, который он рассматривает как сущностный компонент человеческого бытия. Здесь можно усмотреть некоторую формальную аналогию с кантовским учением о трансцендентальном воображении, однако содержательно мысль Дюрана отличается: если Канта интересовали условия интеллектуального постижения, то Дюран сосредоточивается на присущем человеку предрасположении к порождению и присвоению образов, которые, по мнению французского мыслителя, не являются чем-то низшим по отношению к понятийным высказываниям (суждениям), но имеют равную с ними ценность. Более того, Дюран предполагает, что рациональные операции ума и порождаемые ими определения истины не могут схватить всю глубину и сложность того, что Дюран рассматривает как «абсолютную реальность».

Воображение, в этой перспективе, оказывается первичной стихией, производящей реальность. Самостоятельность воображения по отношению

к субъекту и объекту выражается у Дюрана в концепте «антропологического траекта», т.е. бытийно независимого пребывания между объективным миром и миром субъективности, между природой и культурой. Траект и есть воображаемое в его динамическом и порождающем смысле. А. Г. Дугин так пишет об этом: «Имажинэр, который считался в рациональной традиции промежуточным и несамодостаточным явлением, расположенным между внешней реальностью, и познающим субъектом, в этой модели берется за точку отсчета и рассматривается как базовая инстанция, конституирующая и внешний мир, и познающего субъекта в ходе различных траекторий своего развертывания. Имажинэр – синоним коллективного бессознательного и области мифоса» [Дугин, 2010: 129].

Дюран именовал свой подход «фигуративным структурализмом», чтобы отличить его от основного структуралистского потока 1950-60-х гг., характеризуя свою позицию так: «Я решительно располагаюсь на стороне парадигмы, нежели на стороне синтаксисов; синтаксисы и формализация для меня – как и для моего учителя Башляра – вторичны. Парадигма, слишком часто “теряемая”, согласно <...> выражению моего друга Эдгара Морена, – это та человеческая Природа, сущность (*la quiddité*) которой находится в воображаемом, т.е. в этом “третьем мозге”, наделяющем всех сознающих “представлениями”» [Durand, URL: <http://www.religiologiques.uqam.ca/no1/fondements.pdf>].

Дюран называет имажинэр и его структуры «антропологическим индикатором», полагая, что эта «объяснительная сеть» более действенна, нежели «причинная линейность» (*linéarité causaliste*), восходящая к Аристотелю. «Фигуративный структурализм», в отличие от «формалистического структурализма», углубляет наше представление о человеке, открывая «присутствие» *Homo sapiens sapiens* там, где прежде его, возможно, и не обнаруживали.

Если исходить из методологии Дюрана, то социокультурная реальность возникает в траективной области воображаемого, которая не является ни сугубо индивидуальной, ни вполне объективной. «Имажинэр» работает на уровне архетипов, и здесь дюрановская концепция опирается на идеи К. Г. Юнга.

Как отмечает М. М. Джой, «и Дюран, и Юнг понимают архетип не как первообраз, но как способ упорядочения фундаментального опыта, укорененного в инстинктивных и аффективных силах, чей смысл находит своё выражение скорее в иконических, нежели вербальных формах. Архетипический символ функционирует как “субстантификация” этих тенденций, придающая им конкретную частную форму и образ» [Жоу, 1981: 18].

Коллективные представления, выражающие идентичность тех или иных сообществ, увязываются с деятельностью коллективного бессознательного, чьи символические структуры предопределяют как способы, так и содержание идентификаций. По выражению А. Г. Дугина, здесь логос поверяется и истолковывается мифосом, а не наоборот, что, по сути, означает выход за пределы рациональности Модерна в попытке наметить иные способы построения дискурса социально-гуманитарных наук [Дугин, 2010: 129].

Антропологический траект, как пишет Дюран, это «непрекращающийся обмен, который существует на уровне воображаемого (*l'imaginaire*) между субъективными и ассимилятивными импульсами (с одной стороны) и объективными требованиями, проистекающими из космической и социальной среды (с другой стороны). <...> Существует взаимовлияющий (*réciproque*) генезис, который колеблется <как маятник> от инстинктивных побуждений

к материальной и социальной среде, и обратно <...> В конечном счете воображаемое (*l'imaginaire*) является ничем иным, как этим путем, в котором репрезентация объекта позволяет себя ассимилировать и моделировать посредством инстинктивных императивов субъекта, причем, как виртуозно показал Пиаже, субъективные представления эксплицируются посредством аккомодации⁶ имеющихся у субъекта схем по отношению к объективной среде <...> символ – это всегда продукт биопсихических императивов, осуществленный с учетом требований среды» [Durand, 1963: 31].

Архетипы, как уже отмечалось, являются «субстантификациями» схем и структур, «предварительной стадией, матричной зоной идей». Согласно французскому социологу, «идея – это не более, чем прагматическое действие воображаемого архетипа в данном историческом и эпистемологическом контексте. <...> Архетип – это то, что дано *ante rem* по отношению к идее, то, что является её аффективно-репрезентативной праформой. Это также объясняет то, что рационализм и прагматические подходы науки никогда полностью не избавятся от ореола воображаемого, и любой рационализм, любая рассудочная система несут в себе свои собственные фантазмы» [Durand, 1963: 52-53].

Как нам представляется, идеи Дюрана могут быть с успехом использованы в социально-антропологическом исследовании города, поскольку они добавляют к описанию повседневных мнений и выявляемых в них устойчивых социальных значений мощный инструмент концептуализации, способный обнаружить глубинные архетипические структуры, обуславливающие эти значения, и интерпретировать социокультурный опыт в параметрах реально действующего мифа.

Большинство заполярных городов было основано при Советской власти (Норильск, Воркута, Нарьян-Мар, Кировск (Хибиногорск), Апатиты и др.). Мурманск – крупнейший в мире город, расположенный за Полярным кругом, – также вполне может считаться продуктом советского времени, однако у него есть одна особенность, которую можно назвать «историческим фальстартом»: город был основан (и провозглашен именно в качестве города) за год до Октябрьской революции, но он не стал городом в полном смысле и состоялся в этом качестве гораздо позднее, уже при Советской власти. Как отмечают П. В. Федоров и Р. И. Головач, «официально открытый 4 октября 1916 года в 10 км к северу от бывшего уездного центра Колы Романов-на-Мурмане в первые годы своего существования можно было считать городом только лишь формально. Несмотря на существование ряда проектов по застройке и планировке города, Мурманск развивался стихийно, а застройка преимущественно носила хаотичный характер. <...> Скорее Мурманск напоминал конгломерат поселков (железнодорожный, портовый, военноморская база и т. д.), нежели город. <...> И вот на этой «поселковой», так сказать, первооснове в начале 1930-х годов началось бурное развитие Мурманска, что было связано с превращением его в крупный центр рыбной промышленности, образования, науки и культуры» [Федоров, Головач, 2012: 148]. «Город – не город, деревня – не деревня», – писал о Мурманске начала

⁶ Т.е. их изменения в соответствии со спецификой конкретного объекта или ситуации, с которыми субъект имеет дело в данном случае.

1920-х годов А. А. Киселев [Киселев, 1988, URL: http://militera.lib.ru/h/kiselev_aa/01.html]⁷.

Октябрьская революция выступает в данном случае как событие пересотворения мира – начальная точка нового цикла существования: она не только творит нечто принципиально новое, но и пересоздает уже имевшееся. Город Мурманск (как и многие другие «новые советские» города) строился новой властью и являлся результатом работы «большевистского воображения». Не случайно Максим Горький в своем известном очерке «На краю земли», отразившем впечатления от поездки в Мурманск в 1929 г., пишет, что строится весь город сразу: «На пустынном берегу Ледовитого океана, на гранитных камнях, местами уже размолотых движением ледника и временем в песок, строится город. Именно – так: люди строят сразу целый город» [Горький, 1952: 236]. Причем писатель акцентирует момент первозданности ландшафта, дающего уникальную «картину довременного хаоса», демонстрирующего «бессмысленную работу стихийных сил природы» [Там же, 246]. Это мир, еще не ставший чем-то определенным, это неоформленная материя (ὄλη), еще только ждущая своего демиурга, который, впрочем, уже явился и принялся за работу.

У этого города еще нет истории, отсутствует «городской текст» – в том смысле, в котором, например, говорят о «петербургском тексте» русской культуры⁸. Этот текст непосредственно возникает здесь и сейчас – на всем протяжении двадцатого века, и мы можем постигать работу большевистского воображения в динамике посредством тех социокультурных продуктов, в которых воплощалась советская риторика, но которые одновременно были и результатом влияния тех архетипических структур, что выстраивают систему мифологем, скрывающихся за любой риторикой.

Хайдеггер, для которого проблема техники была одной из принципиальнейших при постижении современного состояния цивилизации, очень точно уловил суть большевистского воображения с его страстью к индустриально-техническому охвату пространства. Позволим себе привести довольно обширную цитату из хайдеггеровских размышлений: «Имеющий уши, то есть способный улавливать метафизические основы и бездны истории и всерьез относиться к ним именно как к метафизическим, мог уже два десятка лет услышать сказанное Лениным: большевизм есть советская власть +

⁷ Тот же А. А. Киселев в другой своей работе отмечал, что «в двадцатых годах и в самом облике Мурманска было еще многое от деревни. В 1925 г. губисполком был вынужден утвердить “Инструкцию по пастьбе скота на городской земле”» [Киселев, Тулин, 1974: 29].

⁸ Собственно, восходящее к известной работе В. Н. Топорова [Топоров, 1984] понятие «городской текст», предполагает анализ не столько «города как текста», сколько реконструкцию мета-текста, который вполне может интерпретироваться как текст-миф. Как отмечает Т. М. Николаева, «Х-текст есть “прочтение” первичных текстов с обобщением на следующем по отношению к ним уровне. То есть по отношению к тексту реконструируемому это не “субстрат”, а “суперстрат”» [Николаева, 1997: XXXIX]. В настоящее время идея городского и даже регионального сверх-текста активно разрабатывается многими исследователями: речь идет уже не только о «Петербургском тексте» русской культуры, но и о Московском, Сибирском, Северном и т.п. «текстах» (см., напр., [Меднис, 2003], [Лошаков, 2007], [Галимова, 2012]). Впрочем, данная тема остается дискуссионной, о чем свидетельствуют попытки дезавуировать либо же кардинально пересмотреть базовые понятия рассматриваемой концепции (обзор этих дискуссий см. [Жаднова, 2013]).

электрификация. Это значит, что большевизм есть “органический”, то есть математически организованный (о чем говорит и +) союз безусловной власти партии с полной механизацией. Буржуазный мир не видел и в какой-то мере не видит и сегодня, что в “ленинизме” (так Сталин называл эту метафизику) совершился метафизический рывок, из которого только и становится в какой-то степени понятной метафизическая страсть нынешних русских к технике, приводящая к власти технизированный мир. Решающим оказывается не то, что русские строят, например, все больше тракторных заводов, а то, что уже с самого начала полная техническая организация мира становится метафизической основой всякого планирования и развития и что эта основа постигается безусловным и исчерпывающим образом и привносится в трудовое свершение» [Хайдеггер, 2009: 189].

«Метафизическая страсть к технике», полагаем, выражает основной мотив большевистского воображения, а именно: стремление к (пере)сотворению мира и человека техническими средствами (человек должен стать «человеком индустриальным» (здесь можно вспомнить Ю. Олешу с его романом «Зависть», где этот мотив является одним из центральных)).

Разумеется, «героическое», как правило, словно бы скрадывается повседневностью, растворяется в ней, но не исчезает. Не случайно один из жителей Мурманска («молодой партиец»), беседовавший с Горьким, говорил: «Здесь Джека Лондона хорошо зимой читать. Рассказы о Клондайке очень утешают...» [Горький, 1952: 241]. Разнообразные тексты советской эпохи воспроизводят именно этот дух противостояния стихиям и стремления подчинить их.

Как писал Гастон Башляр, *«реальность может воистину твориться на глазах у человека лишь тогда, когда человеческая деятельность достаточно наступательна, разумно агрессивна. Тогда все предметы мира получают надлежащий коэффициент враждебности. <...> Вызов – идея, необходимая для того, чтобы понять активную роль нашего сознания мира... <...> Жизненный, энергичный, реальный смысл объективных понятий можно обрести не иначе, как создавая психологическую историю горделивых побед, одержанных над враждебными стихиями»* [Башляр, 1998: 105].

С течением времени демиургический «первопроходческий» пафос, риторика «фронта» рутинизируются, но не исчезают – вплоть до наших дней, хотя, разумеется, траективное воображение современного человека рождает, в известной степени, другой Мурманск, хотя бы уже потому, что жить в землянке или бараке и жить в благоустроенном доме, – это принципиально разные ситуации. Думается, что режимы работы воображения, создававшего город Мурманск, менялись, поскольку в различные периоды актуализировались различные архетипы, и социально-антропологические исследования, опирающиеся на идеи Жильбера Дюрана, могут выявить эти зависимости.

Материал, который используют исследователи, всегда разнопланов: это могут быть как тексты (в широком семиотическом смысле), порожденные на уровне официальной риторики, так и тексты повседневности, фиксирующие слабо отрефлектированные представления, порой даже – отдельные впечатления и переживания. Тексты этих двух групп могут противоречить друг другу, но при этом, на наш взгляд, в них следует усматривать определенное единство. Вряд ли продуктивным будет противопоставлять официальным идеологизированным текстам тексты повседневные, полагая, что именно последние в большей степени выражают действие мифических структур.

Даже если мы примем тезис, что конкретная риторическая система есть производное конкретной идеологии, мы должны будем признать, что идеология есть всегда рациональное построение, а следовательно, с точки зрения дюрановской методологии, она тоже может быть интерпретирована как продукт коллективного воображения, в чьей работе участвуют архетипические модели. Идеологическая риторика («идеологическая» не в расширительном смысле, а в сугубо политическом) – это средство создания политических мифов, но, будучи именно мифами, они связаны с глубинными архаическими первоисточками. В связи с этим, стоит указать на наше несогласие с размышлениями Э. Кассирера, писавшего: «Современному политику приходится соединять в одном лице две до несовместимости различные функции. Он должен выступать одновременно и как *homo magus*, и как *homo faber*. Он – проповедник новой, совершенно иррациональной и мистической религии. Но при необходимости пропагандировать, защищать свою религию он действует крайне методично. Он не оставляет места случайности, каждый его шаг заранее рассчитан и преднамерен. Подобная странная комбинация представляет собой самую поразительную черту современных политических мифов. Миф всегда определяли как результат бессознательной деятельности, как продукт свободного воображения. Но в нашем случае миф создается по плану. Новые политические мифы не возникают сами собой, будучи дикими плодами чьего-то буйного воображения. Они – артефакты, изготовленные искусными и хитрыми ремесленниками» [Кассирер, 2011: 117-118].

То обстоятельство, что современный политический миф «создается по плану», вовсе не означает, что в его структуре и функциях исподволь не сказывается работа воображения. Многие исследователи исходят из понимания мифа как искаженной и иллюзорной формы коллективных представлений, полагая, что миф (особенно миф политический) – это то, с чем необходимо бороться, то, чему следует противопоставить критико-рефлективную деятельность ума. Однако, в перспективе дюрановского понимания роли воображения в социальных процессах, миф предстает как естественный и неотъемлемый элемент наших социокультурных представлений. Мы должны будем признать, что с мифом бессмысленно бороться и от мифа невозможно освободиться, коль скоро он представляет собой «нормальный» способ освоения мира, всегда присутствующий другим способом, более того – выступающий в качестве исходной модели конструирования «мира».

Когда Кассирер задается вопросом: «Чем способна помочь нам философия в <...> борьбе с политическими мифами?» [Кассирер, 2011: 132], он полагает возможным некое иное – немифологическое, а значит, более адекватное и свободное отношение к миру. Когда Анна Вежбицка, вслед за Заславским и Фабрис [Zaslavsky, Fabris, 1982], постулирует наличие в языке социалистической эпохи своего рода «политической диглоссии» и пишет, что «официальный тоталитарный язык часто порождает свою собственную противоположность — подпольный анти тоталитарный язык» [Вежбицка, 1993: 107], она следует той же логике противопоставления подлинного и неподлинного. С нашей точки зрения, подобный взгляд отличается серьезным недостатком, а именно: «официальный» язык, язык «политической мифологии», порождающий собственную систему риторических средств, вовсе не является достоянием исключительно номенклатурной касты, составляющей меньшинство

общества, как это пытается представить Вежбицка: «Номенклатура – хранитель официального языка, в то время как общество — хранитель подпольного языка: именно в нем выражаются, формируются и делаются общим достоянием ценности этого общества» [Там же: 108]⁹.

Мы полагаем, что не существует «простого и чистого» языка, свободного от идеологических клише и риторических фигур политики. Следует согласиться с Патриком Серио, который, критически анализируя идеи Вежбицкой об антитоталитарном языке, равно как и аналогичные идеи других авторов, приходит к выводу, что «не существует языка-убежища, где можно было бы укрыться от речей Другого» [Серио, 2008: 167]. Во-первых, и сознание, и речевое поведение самих «простых людей» в не меньшей степени проникнуто «новоязом», нежели сознание и речь номенклатуры, а во-вторых (и это – главное), архетипическое постоянно просачивается из самых глубоких пластов коллективного бессознательного, образуя на поверхности любых рационализированных высказываний и представлений своего рода мифологический «выпот», не получающий достойного объяснения в рамках стандартной позитивистской модели знания. Не только тоталитаризм порождает политическую мифологию: либеральные мифы – тоже мифы, права человека – такая же мифема, как и диктатура пролетариата или же расовое государство. Разница между ними – лишь в содержании, но все они могут быть рассмотрены как результат непрерывной работы имажинэра.

Дюран пишет: «Мы определяем как миф динамическую систему символов, архетипов и структур (schèmes), динамическую систему, которая <...> стремится к тому, чтобы состояться в рассказе (récit). Миф – это уже эскиз рационализации, поскольку он использует нить речи (discours), посредством которой символы реализуются в словах, а архетипы – в идеях. Миф эксплицирует некую структуру или группу структур. Так же, как архетип обеспечивал формирование идеи, а символ порождал имя, можно сказать, что миф обеспечивает существование религиозных доктрин, философских систем или исторических и легендарных повествований» [Durand, 1963: 54].

Список литературы

Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7-19.

Башляр Г. Вода и грезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 127 с.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 107-125.

Галимова Е. Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверткестов русской литературы // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. Сб. науч. ст. в 2 тт. Т. 1. М., 2012. С. 186-193.

⁹ Здесь в качестве очевидной параллели приходит на ум бахтинское противопоставление официальной «серьезной» культуры и культуры народной – смеховой и неофициальной. Сергей Аверинцев по этому поводу писал, что он, как человек, лично знавший Бахтина, может засвидетельствовать, что сам Михаил Михайлович с сожалением вспоминал те пассажи своей книги о Рабле, в которых официальная церковная культура максимально разводится с народной смеховой [см.: Аверинцев, 1992].

Горький М. На краю земли // Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 17. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952. С. 233-247.

Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический Проект; Триеста, 2010. 564 с.

Жаднова Е. Н. Современные подходы к изучению Петербургского текста русской литературы // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. Вып. 4. С. 70-74.

Кассирер Э. Технологии современных политических мифов // Политико-философский ежегодник. Вып. 4 / Отв. ред. И.К. Пантин. М.: ИФРАН, 2011. С. 112-133.

Киселев А. А. Мурманск – город-герой. URL: http://militera.lib.ru/h/kiselev_aa/01.html.

Киселев А. А., Тулин М. А. Улицы Мурманска. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1974. 208 с.

Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. НГПУ, Новосибирск, 2003.

Николаева Т. М. Введение // Из работ московского семиотического круга. М.: Языки славянской культуры, 1997. С. VII-XLIX.

Серио П. Деревянный язык, язык другого и свой язык. Поиски настоящей речи в социалистической Европе 1980-х годов // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 5 (25). С. 160-167.

Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы: Введение в тему // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1984. С. 4-29.

Федоров П. В., Головач Р. И. Исторические типы поселений на Кольском Севере как ландшафтные «тексты» российского освоения // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 142-150.

Фукидид. История Пелопонесской войны. URL: http://hronologia.narod.ru/fukidid_7_19-87.html.

Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009. 383 с.

Durand G. Fondements et perspectives d'une philosophie de l'imaginaire. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.religiologiques.uqam.ca/no1/fondements.pdf>.

Durand G. Les structures anthropologiques de l'imaginaire: Introduction a l'archétypologie générale. 2e éd. Paris: P.U.F., 1963.

Joy M. M. Towards a philosophy of imagination: a study of Gilbert Durand and Paul Ricœur. Montreal: McGill University, 1981. 187 p.

Zaslavsky V., Fabris M. Лексика неравенства: к проблеме развития русского языка в советский период // Revue des études slaves. 1982. Tome 54, fascicule 3. Pp. 387-401.

Сведения об авторе

Сауткин Александр Александрович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета

Sautkin Alexander Alexandrovich,

PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences (Murmansk Arctic State University)

УДК 101.8(1-212)

С. В. Шачин

ДИАЛЕКТИКА АНТРОПОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА С ПОЗИЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ*

Аннотация

Исследуется диалектика антропологии современного горожанина с точки зрения развития форм разума. Показано, что инструментальный разум и разум художественный должны дополнять друг друга. При установлении между ними гармонического равновесия развитие городов обретён новый импульс.

Ключевые слова:

формы разума, инструментальный разум, миметический разум, негативная диалектика, неолиберализм, диалектическое снятие.

S. V. Shachin

DIALECTICS OF ANTHROPOLOGY OF MODERN CITIZENS FROM A POSITION OF THE METHODOLOGY OF THE FRANKFURT SCHOOL

Abstract

We study the dialectic of modern urban anthropology from the perspective of the development of forms of reason. It is shown that the instrumental reason and mimetic reason (art intellect) should complement each other. When establishing a harmonic balances between those forms of reason take an urban development a new impetus.

Key words:

forms of reason, instrumental reason, mimetic mind, negative dialectics, neoliberalism, dialectical withdrawal.

При раскрытии темы автор опирается на критическую теорию Теодора Адорно [Адорно], которую впоследствии дополнит современными разработками. Это объясняется изначальным методологическим решением рассматривать городскую цивилизацию как порождение именно капиталистического общества. Поэтому тот вариант городской жизни, который нам предлагает капитализм как общественный строй, характеризуется свободным развёртыванием одних тенденций и огромным искажением и затруднением в развитии других тенденций. То есть те города, которые нам предлагает капитализм – это пародия на те, которые могли бы быть, если бы разумные способности человеческих субъектов развивались бы более равномерно, а не были бы подчинены логике преумножения частных капиталов и обращения всех богатств мира в меновую стоимость. Сначала нам потребуется сначала рассмотреть позитивное влияние капитализма на развитие городской жизни, затем критику капитализма Адорно и вытекающую отсюда критику городской цивилизации при капитализма как недоразвитой и развитой уродливо, и, наконец, рассмотреть, какие всё-таки имеются позитивные выходы из данной ситуации как в пределах самого капитализма, так и уже за его границами (что предполагает уже его революционное или реформаторское преобразование).

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования»; публикуется в авторской редакции

Начнём, так сказать, с начала: а почему вообще существуют города, зачем они нужны? Согласно методологии Франкфуртской школы, самое главное – это развитие разумных способностей человеческого рода, коллективное образование человечества (во всех смыслах), а всё остальное – экономическая необходимость городов, функциональность разделения труда, политические и для России особенно – военные причины основания и развития городов – является всё-таки чем-то производным. Другими словами, насколько разумны люди, настолько совершенными (или же недоразвитыми) будут и их социальные структуры, и в данном случае – те, которые определяют городскую «цивилизацию» (последнее понятие мы употребляем в смысле синонима «образа жизни», «жизненной формы» и пр.). Но что это за форма разума, которой руководствуются люди, создавая городскую цивилизацию, живущую в условиях капиталистического общественного строя? Какая форма разума при этом ими задействуется и какая пренебрегается?

Старшие теоретики Франкфуртской школы давно ответили на этот вопрос: это – инструментальный разум, т.е. разум, используемый как средство самосохранения человеческого рода путём покорения природного окружения и его преобразования в материал, из которого затем будут созданы какие-то продукты человеческой деятельности (а последние уже будут удовлетворять конкретные человеческие потребности). При этом надо обратить внимание на то, что под природой имеется в виду не только внешняя, но и внутренняя природа, сам человек в совокупности всех своих биологических, социальных, разумных и, возможно, даже метафизических способностей. Итак, природа подвергается воздействию инструментов господства, в том числе и внутренняя, и в результате, усмиренная, таким образом ставится человеку на службу, что природные процессы как бы начинают двигаться по определённым каналам, на конце которых – нужный людям результат [Адорно, Хоркхаймер] (самый простой пример тут – электричество, которое для своего порождения требует усмиренной энергии рек и даже в Апатитах – атомных ядер уранового сырья Кольской АЭС, а также запертого в электрические сети компании «Колэнерго» электромагнитного поля).

Если же мы обратимся к познавательным способностям человека, то в этой связи станет очевидным, что приоритетное значение инструментальный разум придаёт тем рассудочным структурам субъекта, которые связаны с оперированием числами, а также с пространственными структурами, подразумевающими разделение целого на части и сборку частей из элементов в новое целое (построенное теперь уже по механическим принципам). Другими словами, из знаменитой кантовской таблицы категорий рассудка главное внимание уделяется числовым отношениям и отношениям целого и части. Попутно становится понятным, что при *безраздельном* господстве инструментального разума на вершине социальной иерархии всегда будут люди с приоритетным развитием именно таких рассудочных способностей, а гуманитарии обречены прозябать в нищете, поскольку они не просто занимаются ненужной инструментальному разуму работой, но и даже осмеливаются вступить в борьбу с его изначальными интенциями, нацеленными на социальную инженерию, такое преобразование человеческой природы, чтобы она максимально соответствовала бы функциональным требованиям разделения труда, экономическим императивам меновой стоимости, политическим требованиям

полного подчинения государственной бюрократии, культурным требованиям безраздельного отождествления субъекта с ценностями массовой культуры и скрытой за ними массовой пропаганды и т.п. Гуманитарий нужен инструментальному разуму только в качестве социального инженера или связанного с этой изначальной интенцией бюрократа, или идеолога, или политика, или «чёрного» пиарщика, манипулирующего общественным сознанием так, что оно «истинное принимает за видимость, а видимость – за истинное», по выражению Адорно...

Городская цивилизация в этой связи выступает как порождение различных форм развития инструментального разума. Где-то города развиваются, испытывая на себе большее воздействие социальной инженерии, то есть согласно чёткому генеральному плану, в которых пробивает себе воля господствующих хозяйствующих субъектов (например, как решит концерн «Фольксваген», так и будет развиваться город Вольфсбург, а мигрантов из Сирии город примет ровно столько, сколько будет установлено по результатам расчётов, учитывающих бесперебойную работу автомобильного завода и функционирование городского хозяйства, и ни одним мигрантом сверх этого). А где-то инструментальный разум принимает более стихийную форму, и тогда образуются мегаполисы, в которых будет спасаться от бедности и бесперспективности существования население окружающих провинций (а общественная элита давно поймёт, что ей лучше жить в изолированных пригородах и приезжать в такие разрастающиеся города только вахтовым методом, с понедельника по вечер четверга). При этом города будут предоставлять человеку больше возможностей, чем у него были бы в других местностях в плане развития разнообразных видов человеческой активности (конечно, в пределах инструментального разума!) – об этом давным-давно написал Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного труда». Однако прежде всего подобного рода расширение диапазона возможностей объясняется редукцией того разнообразия человеческой деятельности, которое наступает как раз по мере индустриализации и победного шествия городской цивилизации: например, ремесло как искусство уступает место примитивной машинной технике, ориентированной на массовый спрос (который значительно менее притязательный, чем спрос заказчиков ремесленников) и многое, многое другое. Итак, если бы не было разрушено традиционное общество, которое, с позиции методологии Франкфуртской школы, служит вовсе не символом примитивности и отсталости, а воплощает в своих социальных структурах иные формы человеческой разумности, чем инструментальный разум, тогда бы и не было у людей потребности скучиваться в городах, где воздух и еда намного хуже, чем в сельской местности, перемещения на транспорте занимают столько много времени, отношения между людьми овеществлены, люди думают прежде всего о деньгах и по большому счёту практически лишены подлинной человечности – да вообще не представляются ли беспристрастному учёному современные горожане носителями бацилл некоего коллективного умопомрачения, которые продолжают социальную игру только благодаря глупости (и будь их воля, увидь они приемлемую альтернативу – они сразу же очертя голову бежали бы из мегаполисов в какие-нибудь родовые поместья...)?

Но какие же человеческие разумные способности недостаточно развивает капитализм? Ответ напрашивается исходя из самой логики нашего анализа: дело в том, что количественные соотношения предполагают

сравнимость исходных величин, а для этого, как показали Адорно и Хоркхаймер, ликвидируются качественно неповторимые характерные признаки предметов или событий (состояний) и решающее внимание уделяется их принципиальному сходству (подобию), благодаря чему следующим шагом является сравнение и, наконец, упорядочивание объектов в логические классы, построенные с целью господства над ними. Однако если бы разумные способности концентрировались бы на качественно неповторимых характеристиках любого предмета (и уж тем более человека), то нам бы открылся другой способ взаимоотношений с бытием. Адорно называет разум, который ориентирован на постижение качественно своеобразного, миметическим (т.е. подражающим) и сближает в этой связи учёного с художником и средневековым ремесленником. Чтобы получить миметическое познание, разум должен направить на объект интенцию, наполненную любовью, и научиться подражать тем неповторимым мельчайшим чертам, которые обладают релевантностью по отношению к Абсолюту. В этой связи негативная диалектика Т. Адорно – это диалектика не-идентичного, или, говоря гегелевским языком, диалектика постижения единичного (а не особенного и всеобщего). И результаты такого миметического познания вбирают в себя вот этот акт любви к миру, заботливого склонения познающего субъекта перед объектом с целью содействия развитию в нём скрытых возможностей (а не с целью установления господства над ним). Однако для того, чтобы человек был способен полюбить, надо, чтобы он сам почувствовал этот опыт на себе; а если в эмоционально чётком окружении, где человек проходил социализацию, недоставало к нему любовного внимания, то у него и не сформируется вот эта способность миметического разума – для такого человека тексты Адорно будут напоминать книгу за семью печатями [Honneth, S. 174-176].

Данная тема является ключевой для Франкфуртской школы, и в этой связи хотелось бы процитировать современного культурного философа и антрополога (испытавшего на себе большое влияние идей Адорно) Буркхардта Либша: он подчёркивает, что подлинное признание, которого мы, не всегда того осознавая, ищем, является *безоговорочным и односторонним даром нам со стороны другого*; мы напрасно ищем в социальных отношениях (в карьере, в иерархиях и пр.) возмещения этого опыта. «Возможно, оно (признание – С.Ш.) там ищется, где его никогда не найти, но при этом находится и испытывается там, где не ищется: в первом принятии в мир живущих, в котором лежит обещание безоговорочного признания, которое, впрочем, необходимо лишь дополнительно подтверждать и подкреплять» [Цит. по: Шачин, 165]. И если человек утратит этот дух изначального и асимметричного признания как *дара жизни*, то есть если человек, осуществляя борьбу за признание, не сможет выдержать последующих испытаний презрением, то этот дар превратится в «отрицательную сторону быть вообще рождённым», замечает автор в сноске. Александр Клуге, выступая в фильме «Буржуа как революционер» (снятом телекомпанией ARD в 2003 г. к 100-летию юбилею Адорно и стоящем в открытом доступе), отмечает, что для Адорно основополагающими были такие испытанные им в детстве опыты всеобъемлющей любви и связи со всем бытием, что воспоминание о них служило ориентиром для всех его теоретических штудий современного капитализма – основанием для критики структур сознания подвластных капитализму субъектов, которые имеют несчастье либо утратить такого рода опыт, либо даже никогда его не иметь [Theodor W. Adorno].

И по сути дела общество, основанное на братской взаимной любви и на свободном развёртывании миметических способностей субъектов, будет предполагать городскую цивилизацию, столь радикально отличную от нашей, сколь отличаются ангелы (если таковые существуют) от существ вида *Homo sapiens*... Здесь не место заниматься проектированием утопий, стоит только отметить, что в таком городе развитие человеческих интеракций будет идти рука об руку с воскрешением из-под инструментального диктата человеческой природы, которая сейчас целиком подчинена функциональным ритмам. Как конкретно это произойдет, например, не будут ли люди, как это делается в православных и в дзэн-буддийских монастырях, ложиться с закатом солнца и вставать незадолго до рассвета, чтобы провести самые продуктивные часы своей жизни в творческом порыве (а в середине дня отправляться на послеобеденный отдых в специально отведённых городской планировкой будущего для этого местах) – это решат будущие эмпирические исследования. Но очевидно уже сейчас, что такого рода умный город будет органично вписан в окружающую местность с учётом её энергетических потоков (как это требует концепция фэн-шуй), будет предполагать большое количество зелени наряду с жилищами, в дизайне которых будут преобладать природные мотивы, да и вообще не терпящая острых углов природа будет ориентировать архитекторов таких городов на развитие закруглённых линий, как это происходит и сейчас (да и вообще в социальной жизни постепенно будет набирать тенденцию постфордистский процесс отмирания иерархий и формирования сетей творческих сообществ, в каждом из которых будет всего две роли – руководителя и исполнителя проектов [Барков])... Кроме того, те человеческие способности, которые разовьются благодаря миметической форме рациональности, будут значительно более разнообразными, чем те, что порождаются инструментальным разумом. Поэтому современные города с этих позиций представляются казармами, которые формируют принудительный дух пребывания в них. Вместо единой унификации будет развиваться дух художественной неповторимости, а поскольку поле проявления таких способностей очень разнообразно, то города, вполне возможно, уже потеряют чёткость границ и будут сливаться с окружающим миром вплоть до того, что об их существовании можно будет судить только по сгущению человеческих поселений. Естественно, транспортная сеть, которая будет поддерживать целостность таких образований, будет отличаться от современной прежде всего интенсивным освоением третьего измерения пространства (что предполагается, например, в идее струнного транспорта академика Юницкого [Струнные дороги Юницкого]). Люди смогут заселить всю Землю вместо того, чтобы жаться к месту скопления торговых и воздушных путей, железнодорожных коммуникаций, источников углеводородного и прочего сырья или морских гаваней. И потому посткапиталистическая городская цивилизация будет значительно более разнообразная, чем современная, причём какая судьба ожидает современные города по мере постепенного отмирания инструментального разума и воскрешения в человеке разума миметического – решат специальные социологические исследования (которые могут быть проведены по методологии Франкфуртской школы, когда перед человечеством встанет наконец на повестку дня цель реформирования капитализма во всемирном масштабе...).

Однако большинство из только что описанных тенденций развития городов уже взяты на основе изучения современных процессов, и автор не слишком даже увлекся новизной, а просто-напросто экстраполировал в будущее процессы, которые представляются наиболее прогрессивными (если брать за основу критериев прогресса степень развитости у людей не только инструментального, а ещё и миметического разума). При этом современный капитализм вроде бы пока не сдаёт свои позиции (хотя и вошёл в состояние глобального кризиса), в связи с чем Аксель Хоннет постоянно подчеркивает в своих выступлениях, что критики капитализма, предрекающие ему скорую гибель, недооценивают необыкновенную способность этого строя к трансформациям через реформы. Последнюю такую трансформацию капитализм испытал после крушения социалистической системы, когда он стал глобальным и основанным на доминировании транснациональных корпораций, причем повсеместно утвердилась неолиберальная идеология. В этой идеологии на первое место выдвигается идея индивидуальной свободы, которую необходимо всячески оберегать от неоправданного контроля и вмешательств со стороны обществ и государств. Поэтому западные общества пошли даже на частичный демонтаж системы социального государства и отказались от идеала всеобщего благосостояния. Вместо этого от членов западного общества стало всё больше требоваться гибкость, конкурентоспособность и развитие креативного потенциала, предполагающее сознательное нарушение привычных способов деятельности, вплоть до разрушения управленческих иерархий и создания так называемых «пустотелых компаний» (первыми перестроили свои организационные формы автомобильные заводы Баварии [Барков]). Как пишет декан социологического факультета Франкфуртского университета Зикхардт Неккель, неолиберальный капитализм всё больше востребует такие способы поведения и всё больше формирует такое мировоззрение, которые в прошлые эпохи показались бы вызывающими и дисфункциональными [Neckel, S. 197]. А Хоннет считает, что неолиберальный капитализм сумел институционализировать энергию студенческих протестов конца 60-х годов и превратить ее в ведущий фактор прогрессивного развития свободы. Наконец, уже отечественный ученый А. В. Бузгалин показал в своих трудах, что именно творческие сообщества, работающие на ТНК, становятся главными силами прогрессивной трансформации капитализма в иной общественный строй, который будет лежать уже по ту сторону «царства необходимости», как о том и мечтали социал-демократы XX в.

Но стоит ли за всем этим более универсальное развитие человеческого разума или просто имеет место имитация творчества? Где лежит граница между виртуальными и реальными благами, между пустоцветами и цветками, из которых вырастет полноценный плод? Возможно, сегодня нет ничего более сложного и важного, чем ответить на эти вопросы. И надёжную дорогу для этого нам откроет диалектический метод, который сегодня как никогда может быть востребован. Именно такую глубоко продуманную диалектику проводит Неккель, когда пишет: «...типичным для настоящего времени всё больше выступает актёр, который как раз связывает друг с другом конформность и нонконформизм, идеологию и рефлексивность, “внешнее” и “внутреннее”. Благодаря этому возникает концепция личности, которую можно назвать концепцией *рефлексивного соучастника игры (reflexiven Mitspielers)* в социаль-

ном строе. Этот соучастник игры ещё и использует своё знание об обществе обмена и культурной индустрии для своего рода самоуправления в социальном соревновании, которое никакая общественная инстанция полностью больше не контролирует. Вместо внешней регламентации здесь господствует, как говорит об этом Цигмунт Бауман, “режим самоформирования” – режим, который обещает свободу индивидуального интереса, но не гарантирует свободу от личной ответственности. У рефлексивного соучастника игры страх перед собственной недостаточностью перевешивает страх перед отклонением или исключением» [Цит. по: Neckel, S. 198].

Какой вывод отсюда мы можем сделать для обсуждаемой нами проблемы современных городов и горожан? Если исходный гегельянский методологический «посыл» франкфуртцев верен, и общество есть сфера реализации объективного духа (т. е. разума), то настоящее разрешение любой проблемы возможно только одним способом: её диалектического снятия (*Aufhebung*). Это означает, что нельзя абстрактно противопоставлять друг другу инструментальный и миметический (в смысле Адорно) разум, а необходимо понять, каким образом они друг друга дополняют, как дополняют менеджеры и философы, «физики» и «лирики», количественные и качественные методы социальных исследований и т. п. Диалектический метод ориентирует нас прежде всего на понимание того, что противопоставление города и не-города (например, малого поселения) не носит окончательного характера, что по мере общественного развития эта противоположность будет преодолена (например, в форме диффузных границ городов, о чём уже повествовалось).

Но мы тут можем сделать ещё более глубокий вывод: инструментальный разум не просто упраздняет человеческого субъекта, но его еще и освобождает – освобождает от материальной нужды, рутины монотонного труда и механицизма стандартного образа жизни. Социальные же патологии возникают тогда, когда эта форма разума начинает подавлять другие формы, вызывать в них искажения, расстраивать гармонию разумных способностей человечества. И возрождение миметического разума на новом уровне ещё предстоит хотя бы потому, что должен проснуться коллективный инстинкт самосохранения перед лицом чудовищных экологических проблем как результата разнузданной деятельности ослеплённого инструментального разума. Иными словами, «маятник Питирима Сорокина» неизбежно движется от господства чувственной доминанты социокультурной системы в обратную сторону, к усилению идеалистических и идеациональных элементов, что со временем породит интегральный общественный строй.

И этот объективный процесс накладывает отпечаток и на развитие современных городов. В них возникают районы, где находятся полностью автоматизированные производства: на них основной работник – это робот, а человек надзирает за бесперебойным функционированием и создаёт новые технические решения и способы управления. С другой стороны, расширяется пространство спонтанной деятельности, которая всё меньше подчиняется логике капиталистического увеличения стоимости. Продукты творчества не продаются и не покупаются, а свободно *дарятся* другим людям, которые создают ответные дары в своих областях деятельности. Так формируется новый горожанин, который не привязан к экономически-рыночным механизмам, но имеет всё необходимое для полноценной жизни; который часть своего времени пребывает

под дисциплинирующей властью инструментального разума, но только ради того, чтобы отвоевать себе всё больше свободы для миметического разума; который глубоко эмоционально и когнитивно привязан к своему родному *дому* в самом широком смысле этого понятия – и в то же время является кочевником, гражданином Земли, осваивая всю ойкумену и обогащая свой и окружающий жизненный мир опытом иных культурных, социальных, научных, креативных и т.п. сообществ. «И где бы мурманчанин не был, Он встрече с городом будет рад», как поётся в песне, замечательно своей поэтической диалектикой. На языке системной теории Н. Лумана это называется автопоэзис: всё изменяется даже до основания, но не хаотично, а в соответствии с такой логикой трансформаций, что в конечном счёте социальная система возрождается, пусть иногда и меняя свои качественные состояния. И ещё один знаменитый образ египетской птицы Феникс встаёт тут перед нами... Наша задача теперь – перевести эту методологию в конкретные исследования, что должны сделать уже социологи-практики (восполнив тем самым работу теоретиков)...

Список литературы

Адорно Теодор. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е. Петренко. М.: Весь мир, 1999. URL: https://vk.com/doc81792619_325759362?hash=24aaf5ac3c5a8a672&dl=567880c6c46b3fbfcf.

Адорно Теодор, Хоркхаймер Макс. Диалектика Просвещения / Пер. с нем. СПб., 1997. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521>.

Барков С. А. Социология организаций. М.: Изд-во МГУ, 2004.

Струнные дороги Юницкого. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JBKqyVfGXek>.

Honneth Axel. Eine Physiognomie der kapitalistischen Lebensform. Skizze der Gesellschaftstheorie Adornos // Dialektik der Freiheit. Frankfurter Adorno-Konferenz 2003 / Hrsg. von Axel Honneth. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2004. S. 165-187.

Шачин С.В. Философия Франкфуртской школы: От Хабермаса до Либша. Идеиные основы. М.: Эдиториал УРСС, 2015.

Neckel Sieghardt. Die Verwilderung der Selbstbehauptung. Adornos Soziologie: Veralten der Theorie – Erneuerung der Zeitdiagnose // Dialektik der Freiheit. Frankfurter Adorno-Konferenz 2003 / Hrsg. von Axel Honneth. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2004. S. 188-204.

Theodor W. Adorno. Der Bürger als Revolutionär. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F5p9OWfkmKo>.

Сведения об авторе

Шачин Святослав Вячеславович,

кандидат философских наук, доцент ВАК по кафедре философии и социологии, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета

Shachin Svyatoslav Vyacheslavovich,

Ph.D. (Philosophy), associated professor of Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University

УДК 811.511.12

О. Н. Иванищева

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА КОРЕННОГО МАЛОЧИСЛЕННОГО НАРОДА)*¹⁰**

Аннотация

В статье представлена гипотеза о том, что формой представления тезауруса исчезающего языка коренного народа Севера могут быть оппозитивные отношения.

Ключевые слова:

саамский язык, тезаурус, оппозиции.

O. N. Ivanishcheva

**ETHNOCULTURAL IDENTITY AND LANGUAGE
(BASED ON THE LANGUAGE OF INDIGENOUS PEOPLES)**

Abstract

The article presents the idea that the model of the presentation of the Saami thesaurus can be oppositions.

Key words:

The Kildin Saami language, thesaurus, opposition.

Цель данной статьи – представить гипотезу о том, что противопоставленность, которая является основой поддержания и сохранения этнокультурной идентичности, может быть основным принципом описания тезауруса языка.

В работе «Этнические группы и социальные границы» норвежский антрополог Ф. Барт подчеркивает, что необходимым условием существования категориальных этнических различий является не отсутствие мобильности, контактов и информации, а наличие социальных процессов исключения и включения, посредством которого дифференциальные признаки продолжают сохраняться [Этнические группы и социальные границы, 2006: 10].

Логично предположить, что принцип отбора ряда культурных смыслов для идентификации объекта в социуме, построенный на механизме включения и исключения какого-либо признака, может быть применим и для такого этноспецифического явления, как язык. В процессе функционирования (рождения, жизни и смерти) язык приобретает или отсеивает такие культурные смыслы, представленные фоновыми знаниями носителя языка, которые позволяют языку, а значит, этносу, сохранить свою идентичность.

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования»; публикуется в авторской редакции.

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Тезаурус кольско-саамского языка: сохранение лексического фонда в условиях русскоязычного окружения»), проект № 16-14-51001.

Наше исследование кильдинского саамского языка, ведущееся с 2007 г. (см.: [Словарь лексики духовной культуры кольских саами, 2013; Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов, 2014; Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка, 2015]), на данном этапе посвящено созданию тезауруса этого языка. Тезаурусом мы называем словарь, где слова-понятия расположены в определенной системе, отражающей вхождение одних смыслов в другие, более общие. В иной терминологии такой словарь называется идеографическим.

На тот факт, что идеографический словарь отражает видение мира определенного народа, указано уже неоднократно. Если бы можно было составить такой словарь, то мы бы получили систему знаний о мире, связанную с местом данного народа в пространстве. Определение такого места может быть признаком, по которому человек определяет себя и как часть этноса.

Создание тезаурусов сводится к решению двух проблем: что выносить в качестве ведущего (заглавного) слова и по какому принципу отбирать разделы (поля).

Важно отметить, что заглавным словом в тезаурусе является, по определению Л. В. Щербы, слово-понятие [Щерба, 2002], а, по мнению Н. Ю. Шведовой, концепт [Русский идеографический словарь, 2011].

В «Русском идеографическом словаре» Н. Ю. Шведова опирается на идеи, исходящие от самого языка – смыслы собственно бытия, действия, состояния, признака, количества, места, времени, цели, причины. Предметом описания в «Русском идеографическом словаре» является концепт и его смысловая парадигма. Концепт («ключевой» концепт, или «великий» концепт) определяется в словаре как исторически сложившаяся понятийно-языковая целостность, т. е. отлившееся в слово, им материализованное, в него вмещённое понятие, относящаяся к духовному, ментальному миру жизни человека либо к материальной жизнеобеспечивающей, жизнеобразующей сфере его бытия [Русский идеографический словарь, 2011].

Понятно, что принципиального различия в позициях Л. В. Щербы и Н. Ю. Шведовой нет. Это в любом случае слово (форма) с вмещённым в него понятием, смыслом (содержание).

В истории идеографических словарей (тезаурусов) представлено несколько синоптических схем. Так, синоптическая схема Халлига-Вартбурга представляет 3 класса: Вселенная (без человека); Человек; Человек и Вселенная. Поля в разделе Вселенная: Небо и небесные тела; Земля; Растительный мир; Животный мир. Поля в разделе Человек: Человек как живое существо; Душа и разум; Человек как общественное существо; Социальная организация и социальные институты. Поля в разделе Человек и Вселенная: A priori (Бытие; Качества и состояния; Отношение, порядок, ценность; Число и количество; Пространство; Время; Причина; Движение; изменение) и Наука и техника.

Разделы в разных синоптических схемах тезаурусов подобны, хотя и отличаются разной степенью абстракции (от грамматической до онтологической и гносеологической). Так, в «Русском семантическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой – в толковом словаре, систематизированном по классам слов и значений — за исходное членение лексики взято членение на части речи. Поэтому схемой расположения слов является следующая: слова указующие,

именующие, собственно связующие и собственно квалифицирующие [Русский семантический словарь, 1998: VIII].

В «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова основные понятия статьи – это абстрактные понятия, такие как сущность и связи, сравнительные связи, соединительные связи, состав, система, количество и т.д., а подразделы организованы по типу общее-частное, целое-часть [Баранов, 1990].

В «Русском идеографическом словаре» под ред. Н. Ю. Шведовой выделяются 6 разделов («миров»): (1) «Мир, воспринимаемый человеком как всё высшее, непостижимое или непонятное, таинственное, либо, напротив, как то, что дано человеку искони, как извечно предопределённое»; (2) «Мир как то, в условиях чего всё существует, развивается, взаимодействует и воспринимается человеком не только как от него не зависящее, но как определяющее само его существование на Земле»; (3) «Мир, естественно окружающий человека, им непрерывно познаваемый и активно осваиваемый»; (4) «Собственно мир человека: он сам»; (5) «Мир, создаваемый человеком в обязательном взаимодействии с другими людьми и составляющий его собственное — узкое или широкое — и необходимое окружение»; (6) «Мир, создаваемый человеком как высшее обобщение деятельности его ума и духа». Внутри мира концепты часто образуют пары по принципу противопоставленности: Добро-Зло, Ум-Глупость. Хотя не всегда этот принцип востребован: есть тройки концептов [Воротников, Занегина, URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2913>].

В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского в синописе – служебной части словаря – указаны таксоны (группы) и подтаксоны (подгруппы), которые упорядочены по степени абстрактности. Синописис обнаруживает логическую структуру организации материала, которая представляет собой противопоставленные смысловые группы: например, 1.2. Параметры времени. 1.2.1. быстрота, скорость; 1.2.1.1. быстро, скоро; 1.2.1.2. долго, медленно; 2. Пространство, место. 2.6. хорошее место – плохое место; 16. Справедливость-Несправедливость; 83. Одежда, Обувь. 83.1. хорошая одежда; 83.2. плохая одежда; 83.3. голый, отсутствие одежды [Словарь-тезаурус современной русской идиоматики, 2007].

Представляется возможным предположить, что принцип противопоставленности может иметь место при построении тезауруса исчезающего языка коренного малочисленного народа Севера. Такому расположению способствует сам языковой материал. Как нам кажется, принцип противопоставленности поможет выявить специфику языка, картину мира этноса и, как следствие, основу этнокультурной идентичности.

Оппозитивные отношения являются, как известно, способом концептуализации языкового пространства. Оппозитивность в разных ее проявлениях имеет интегральный признак – противопоставленность. Признаками оппозитивности являются следующие: наличие основания для сравнения; маркированность/немаркированность; специфика различий (качественная, количественная, истинность, ложность, симметричность, асимметричность). Обнаружить противопоставленность можно, например, с помощью компонентного анализа. При этом обнаруживаются следующие соотношения сем: наличие противоположных сем; наличие/отсутствие сем (лакунарность) (см., напр.: [Лаврентьева, 2005]).

Кратко представим оппозиции, которые можно выделить в собранном материале кильдинского саамского языка: 1. противопоставленность по полу (*чуххч* – глухарь; *куэххьпель* – глухарка); 2. по месту обитания (*кёрем*, *кёррем*; *чърр рьһһ* – тундряная куропатка; *кёрэм* – горная куропатка; *ляммт рьһһ* – лесная куропатка); 3. родо-видовые оппозиции (*чадзь-лоаньт* – утка; *чуэддбк* – звонуха (дикая утка)); 4. функциональная значимость (*вўһһтэй*, *вўһһей* – задний [рулевой] гребец; *алльсай олма* – рыбак, который остается на берегу в месте, откуда началась установка невода; *нўххьт киххчэй олма* – рыбак, который остается в лодке и следит за тем, чтобы невод вытягивался равномерно; *нўххьт нўррь кёзэй* – рыбак, вытягивающий невод; *туэррпэй олма* – рыбак, который при помощи палки бьет по воде для того, чтобы загнать рыбу в невод; *сужжк* – зуй, наживочник (человек, который наживлял рыболовные снасти для ловли морской рыбы)); 5. качество объекта (*ражесь сэйим* – непригодная сеть; *шыллесь сэйим* – сеть, в которую хорошо ловится рыба (букв. уловистая сеть)) и др. Необходимо отметить, что в нашем случае несущественно, представлена реальия отдельным словом или сочетанием слов, отражающим грамматические особенности кильдинского саамского языка, в частности распространенный вид грамматической связи слов – соположение. Тот материал, который уже имеется в нашем распоряжении, показывает определенную закономерность в номинации явлений, реалий и фактов в кильдинском саамском языке, а именно: язык отражает оппозитивные отношения, противопоставленность смыслов.

Проблемы определения принципов составления тезауруса исчезающего языка состоят в первую очередь в факте потери такого языка. Например, в этнографических источниках есть описания процесса ловли, где названы другие «профессии», а в материалах полевых исследований и словарях эти слова не сохранились: «Кроме главных работников: *кормщика, тяглеца, весельщика и наживочника*, на промысел отправляются и мальчики 10-15 лет, называемые зуями. Зуи исполняют различные мелкие работы: варят пищу, распутывают снасти, моют кадки. Они не получают ничего, кроме мелких подарков, но зато с малолетства приучаются к тяжелым занятиям на тресковом промысле. Зуи, подрастая, проходят все должности, начиная от наживочника и кончая кормщиком, а если мальчик понятлив и смышлен, то со временем, сколотив копейку и сам делается хозяином» [Мамаев, 1899: 268].

Представленная гипотеза о принципе противопоставленности как идеальной модели построения тезауруса исчезающего языка коренного малочисленного народа, конечно, требует тщательной проверки фактами языка, сопоставлением с языками других коренных народов Севера со сходной культурной моделью, но она, по нашему мнению, может способствовать осознанию идентичности как особой психологической категории, представления о которой составлены представлениями личностного, родового, племенного, этнического и государственного уровней, связанными с традициями истории и культуры народа.

Список литературы

- Баранов О. С. Идеографический словарь. Вып. 1. М.: Изд-во «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1990. 198 с.
- Воротников Ю. Л., Занегина Н. Н. «Русский идеографический словарь» и языковая картина мира. URL: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2913>.

Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка: учебный культурологический словарь / авт.-сост. О. Н. Иванищева, Ю. С. Митина. Мурманск: МГГУ, 2015. 108 с.

Лаврентьева Т. В. Структурная организация концептуального поля оппозитивности: автореф. дисс. ...к.филол.н. Челябинск, 2005. 20 с.

Мамаев П. И. Русская земля (Природа страны, население и его промыслы): сборник для народного чтения. СПб: Типолитография М. П. Фроловой, 1899. Т. 1 : Область Крайнего Севера / сост. Я. И. Руднев. 398 с.

Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека) / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. М.: Институт русского языка, 2011. 1032 с.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т.1.: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). 807 с.

Словарь лексики духовной культуры кольских саами/ авт.-сост. О. Н. Иванищева, В. Б. Бакула. Мурманск: МГГУ, 2013. 222 с.

Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта саамского языка) / авт.-сост. О. Н. Иванищева, А. М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.

Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. С. 54-91.

Сведения об авторе

Иванищева Ольга Николаевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет»

Ivanishcheva Olga Nikolajeva,

PhD (Linguistics), professor, Head of Department of Culturology, Intercultural Communication, Theory of Language and Journalism Murmansk Arctic State University

УДК 398(=811.511.12)(470.21)

О. А. Бодрова

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА КОЛЬСКИХ СААМОВ*¹¹

Аннотация

В статье рассматриваются основные проблемы изучения фольклора кольских саамов и сохранения их самобытной устной традиции.

Ключевые слова:

фольклор, кольские саамы, сохранение культурного наследия.

O. A. Bodrova

PROBLEMS OF STUDY OF THE KOLA SAMI FOLKLORE

Abstract

The article studies the main problems of study and preservation of the Kola Sami folklore.

Key words:

folklore, the Kola Sami, preservation of cultural heritage.

Вопрос об исследовании и сохранении саамского фольклора был поднят еще два века тому назад. Во второй половине XIX в. вспыхнул интерес к кольским саамам и активно стали изучаться их этнография, а также фольклор. Однако, по словам писателя-этнографа В. И. Немировича-Данченко, в отечественной науке укоренилось мнение, что у кольских саамов «нет преданий, нет народной поэзии» [Немирович-Данченко, 1877: 195]. Это отметил и В. Ю. Визе, который спустя несколько десятков лет был удивлен тем, что почти все путешественники, побывавшие на Кольском полуострове, говорят о почти полном отсутствии фольклора у саамов [Визе, 1911: 481]. Даже близкий к саамам священник Г. Терентьев считал, что «лоптарь сказок не говорит, песни поет только русские» [Немирович-Данченко, 1877: 196].

По мнению В. И. Немировича-Данченко, саамы оказались в таких условиях, когда они были вынуждены скрывать свою фольклорную традицию: «Я не понимаю, ради чего лопари скрывали богатую и поэтическую область своих сказаний. Боялось ли это запуганное и загнанное племя всякого, кто не из его среды? Или просто оно “совестилось” за свои сказки и песни, потому что над ними беспощадно смеется русский промышленник и норвежец, потому что их, как суеверие, как пагубную ересь, осуждали наши священники?» [Немирович-Данченко, 1877: 196]. Н. Н. Харузин также отмечал нежелание саамов делиться с русскими исследователями произведениями своего народного творчества: «Лопари некоторых местностей даже неохотно поют свои национальные песни и сказывают свои бывальщины: они предпочитают и даже считают, так сказать,

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

¹¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 15-11-51004 «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова» (региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы» 2015 – Мурманская область).

хорошим тоном петь русские песни» [Харузин, 1890: 394]. В этой связи А. Л. Яценко рассказывал, что на все его вопросы о преданиях и сказках саамы отговаривались незнанием. Тогда ему пришлось «прибегнуть к общему методу – выпытыванию путем наведения и, рассказывая русские былины о богатырях и сказки, вызывать на взаимную откровенность» [Яценко, 1892: 22]. В. Ю. Визе подтвердил, что саамы неохотно сообщают свои сказания незнакомым людям: «В первый мой приезд в Лапландию мне стоило больших усилий добиться от них хоть каких-нибудь сведений о существовании преданий и сейдов в частности. На все мои попытки завести с ними разговор на эту тему, я получал всегда одни и те же стереотипные ответы: “не знаю, не знаю” или “а кто его знает” и т.п.» [Визе, 1912: 396]. О «каком-то недоверии» у своих информантов при рассказывании сказок упоминал и священник К. П. Щеколдин [Щеколдин, 1890: 17]. Подобное недоверие к исследователям приводило в некоторых случаях к тому, что саамы за свой фольклор выдавали русские песни и сказки, признаваясь в том, что собственные фольклорные произведения «совестно было говорить; думали – смеяться станут, мы русские сказки по-нашему им <собираемым – О. Б.> говорили, а они записывали» [Немирович-Данченко, 1877: 196].

После того как саамский фольклор все же был «открыт», его сбором и публикацией занялись самые разные исследователи. Во второй половине XIX – начале XX вв. это были К. П. Щеколдин, В. И. Немирович-Данченко, А. Л. Яценко, Н. Н. Харузин, Д. Н. Островский, Н. В. Пинегин, Н. Брискин и др. В советское время их дело продолжили В. В. Чернолуцкий, В. К. Алымов, Я. А. Комшилов, Н. Н. Волков, З. Е. Черняков, Г. М. Керт и ряд других исследователей. Труд собирателей вылился в сборник «Саамские сказки» составителя Е. Я. Пации под редакцией Г. М. Керта [Саамские сказки, 1980].

Однако даже такой широкий интерес не решил проблем изучения саамского фольклора, главная из которых заключается в следующем: большинство саамских сказок, дошедших до наших дней, можно назвать фольклорными с очень большим допущением. Скорее, читателю приходится иметь дело с набором сюжетов или литературными сказками. Во многом это произошло потому, что первые собиратели саамского фольклора не являлись профессиональными фольклористами и были не знакомы со стандартами работы с фольклорным текстом. Как правило, произведения устного саамского творчества рассказывались на одном из саамских диалектов, но записывались уже на русском языке с помощью переводчика. Даже если перевод осуществлялся самим рассказчиком, под сомнение можно поставить эквивалентность саамского и русского текстов. Вероятно, рассказчиками по соображениям корректности замалчивались некоторые детали. Так, не всегда остается понятным, кто имелся в виду под обобщенно-собирательными именами врагов саамов и не могли ли под ними скрываться, например, русские соседи. Передача фольклорного текста на другом языке позволяла собирателям в общих чертах сохранить сюжет, но не передавала всех его особенностей и художественного своеобразия фольклорных произведений, например, многообразия синонимов, которыми богат саамский фольклор [Сенкевич-Гудкова, 1957: 129]. Некоторые исследователи дополнительно подвергали перевод сказки литературной обработке или сокращали сюжет. Конечно, сказанное не относится к профессиональным записям саамского фольклора,

выполненным петрозаводскими лингвистами на кильдинском, иоканьгском и бабинском диалектах [Керт, 1961; Керт, Зайков, 1988; Зайков, 1987].

Другая проблема изучения и сохранения саамского фольклора связана с проблемой исполнительства. Долгое время для собирателей саамских фольклорных текстов отсутствовало понимание роли сказителя. Лишь некоторые из исследователей пытались зафиксировать обстоятельства, при которых получили материал от информантов. Так, В. Ю. Визе, В. К. Алымов указывали имена рассказчиков, место, где был собран текст [Визе, 1912; Алымов, 1929]. В. И. Немирович-Данченко отмечал гендерные различия в исполнении определенных фольклорных жанров: «...никогда не пели мужчины, а женщины, никогда не рассказывали женщины, а мужчины» [Немирович-Данченко, 1877: 198]. Правда, сведения писателя не подтверждали другие авторы. Н. Н. Волков писал, что у саамов не было особых правил, связанных с рассказыванием сказок, их могли рассказывать как женщины, так и мужчины, хотя мужская роль была более активной [Волков 1996: 60]. К. П. Щеколдин считал, что «нередко одно и то же лицо рассказывает одну и ту же сказку различно» [Щеколдин, 1890: 17]. К сожалению, исследователи не ставили перед собой задачи записать все варианты фольклорного сюжета. Если записывалась песня, то не брались в расчет ее музыкально-художественные особенности, собиратели ограничивались сбором фольклорного материала в пределах одного-двух погостов, что не удивительно, если учесть, что исследователи редко занимались этим вопросом целенаправленно. Как правило, сбор саамского фольклора не являлся их основной целью.

В настоящее время традиция исполнения устных прозаических произведений саамского фольклора почти полностью отсутствует. Конечно, сказки могут рассказываться, в том числе на саамском языке, например, представителями старшего поколения саами, но возникает вопрос, во-первых, является ли этот текст фольклорным, а не литературным произведением, и, во-вторых, насколько точно рассказчик способен воспроизвести устный текст, даже если последний когда-либо входил в устную саамскую традицию. Тем не менее среди кольских саамов сохраняется и успешно функционирует традиция исполнения песенных лирических жанров, в том числе йойков. Как правило, во время проведения мероприятий или в культурно значимые моменты находится лидер-исполнитель йойков, владеющий этим мастерством лучше, чем другие присутствующие представители саамского сообщества. Существуют и потомственные исполнители. Правда, трудно однозначно отнести йойки к фольклорным произведениям, так как они представляют собой, скорее, импровизацию, создаваемую по случаю. Далеко не всегда йойки воссоздаются из готовых формул, что является типичным для фольклорных жанров, часто они, напротив, создаются исполнителем. Поэтому, вероятно, йойки можно назвать индивидуальным художественным произведением, основной особенностью которого является импровизация – «душа саамской поэзии» [Сенкевич-Гудкова, 1959: 41]. С импровизационным характером текстов и мелодий связана и основная трудность записи саамских песен: при повторном пении одного и того же произведения его текст варьируется и иногда сочиняется заново. Варьироваться может и мелодия, особенно ее ритмическая сторона.

Проблематичным до сих пор остается и вопрос жанрового определения саамского фольклора. Во многом это является следствием общетеоретических

проблем фольклористики. По словам Б. Н. Путилова, использование литературоведческого термина «жанр» для теории фольклора вообще оказалось не очень удачным [Путилов, 1994: 155]. В целом в отношении волшебной сказки, которая была заимствована саамами, и песенных жанров это сделать возможно. Но попытки представить жанровую классификацию других прозаических произведений осложняются тем, что многие устные жанры: предания, мифы, сказки, анекдоты, былички, легенды, бытовые рассказы нередко «стыкуются» друг с другом и иногда включают в свою структуру те или иные элементы смежных жанров [Криничная, 1991: 3]. Кроме того, этноязыковая специфика фольклорного материала ставит под сомнение саму возможность создания универсальной типологии. В саамском фольклоре одно произведение нередко объединяет несколько сюжетов из текстов различных жанров [Саамские сказки, 1980: 6]. В записях саамского фольклора дореволюционного периода, как правило, вообще не предпринималось жанрового деления произведений. Предания помещались вперемешку со сказочной прозой и другими устными жанрами, причем между ними редко проводились разграничения. Тексты зафиксированы под самыми разными обозначениями: как предания, сказки, эпос, рассказы [Немирович-Данченко, 1877; Харузин, 1890 и др.], сказки-бывальщины [Пинегин, 1910].

В отечественной фольклористике проводится четкая грань между произведениями сказочной и несказочной прозы как между «правдой», историческим фактом, с одной стороны, и вымыслом, с другой. Но за отсутствием достоверной информации об установках рассказчика, а также слушателя саамских фольклорных произведений говорить о вымысле является некорректным. Чтобы избежать не самой продуктивной дискуссии о фольклорных жанрах, можно также отказаться от использования литературных жанровых терминов и самого понятия, можно условиться называть все фольклорные прозаические тексты саамов нарративами. К слову, последний термин особенно широко используется в западной литературе. Удобно, что к нарративам можно отнести не только сюжетные рассказы о произошедших событиях (фабулаты), но и несюжетные произведения – поверья.

Значительный пласт фольклора кольских саамов представляет собой заимствования. Заимствование саамских сюжетов у соседних народов отмечали еще в конце XIX в.: «...Лопари ныне имеют более или менее частые сношения с Русскими сказками и некоторые, кажется, Лопарями получены от них» [Щеколдин, 1890: 17]; «Большинство сказок заимствованы от норвежцев, финнов или русских» [Островский, 1889: 15]. С этим утверждением можно согласиться в отношении волшебной сказки, отчасти бытовой. Надо заметить, что сюжетные заимствования являются закономерным процессом для фольклора любого народа, особенно если произведение успевает адаптироваться и органично войти в устную традицию. Но в отношении саамского фольклора проблема заимствования (прежде всего русских фольклорных произведений) тесно связано с вопросом сохранения национального языка. Многие исследователи отмечали, что русский фольклор вытесняет у кольских саамов их собственную традицию: «Саамская молодежь говорит на ломаном саамском языке, полном русских слов, и молодые саамы уже не знают ни саамских песен, ни сказок, ни даже пословиц и поговорок. Только среди стариков еще кое-где сохранился саамский фольклор, который они ревностно хранят» [Сенкевич-

Гудкова, 1956: 103]; «Саамская молодежь поет русские песни или переводит тексты русских песен на саамский язык» [Сенкевич-Гудкова, 1959: 41].

Обобщая выше сказанное, можно отметить следующее. С одной стороны, со второй половины XIX в. было собрано значительное количество фольклорных произведений кольских саамов. С другой стороны, из-за особенностей записи этого материала и специфики его функционирования существует серьезный вопрос, можно ли его считать фольклорным в полной мере и каким образом можно поставить исследовательские задачи для его систематического изучения. Одним из выходов, позволяющим сохранять и популяризировать фольклорное наследие саамов, со второй половины XX в. является публикация фольклорных произведений в обработке для детей [См., напр.: Богатырь Ляйне, 1978; Невеста солнца, 1986; Попова, Полтев, 1974; Семилетний стрелок из лука, 1990; Хозяйка травы, 1973 и др.]. Изучение сюжетно-мотивного наполнения прозаических устных текстов создает перспективу для фольклористических исследований. В произведениях кольских саамов встречаются многие параллели с фольклором других народов, что демонстрируют различные сюжетно-мотивные указатели (См., напр.: СУС [Сравнительный указатель сюжетов, 1979]; «Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов» [Симонсуури, 1991]; «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» В.П. Зиновьева [Зиновьев, URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm>]; «Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока» Е. С. Новик [Мифологическая проза..., ЭР], «Мифологические рассказы Архангельской области» Н. В. Дранниковой и И. А. Разумовой [Мифологические рассказы Архангельской области, 2009]. Новые перспективы открывает отчасти забытый географо-исторический метод финской школы, позволяющий выделить географические группы в фольклоре кольских саамов для изучения основных тематических циклов, характерных для каждой из них, истории миграции и мифологизации сюжетов, установления траекторий их заимствования и пр. [Бодрова, Разумова, 2015].

Список литературы

- Алымов В. К. Живая лопарская древность // Карело-Мурманский край. 1929. № 8-9. С. 23-26.
- Богатырь Ляйне. Саамские сказки / Пересказал С.А. Панкратов по записи П.П. Юрьева. Мурманск: Книжное изд-во, 1978. 40 с.
- Бодрова О.А., Разумова И.А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 8. С. 126-142.
- Визе В. Ю. Лопарская музыка // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 6. С. 481-486.
- Визе В. Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 395-401.
- Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно; СПб., 1996. 106 с.

- Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка (фонологоморфологическое исследование). Петрозаводск: Карелия, 1987. 201 с.
- Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/zinoviev.htm>.
- Керт Г. М. Образцы саамской речи. Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова (кильдинский и иокангский диалекты). М.; Л.: изд-во Академии наук СССР, 1961. 359 с.
- Керт Г. М., Зайков П.М. Образцы саамской речи. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. 219 с.
- Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
- Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока / Сост. Е.С. Новик. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/02IstoricheskiePredaniya23-64.htm>.
- Мифологические рассказы Архангельской области / Сост. Н. В. Дранникова, И.А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 304 с.
- Невеста солнца: Саамские сказки: для младшего школьного возраста / в обработке Е. Я. Пация. Мурманск: Кн. изд-во, 1986. 23 с.
- Немирович-Данченко В. И. Страна холода: виденное и слышанное. СПб., М.: тип. М. О. Вольфа, 1877. 545 с.
- Островский Д. Н. Лопари и их предания. Сообщение Д. Н. Островского (Читано в Отделении Этнографии 4 ноября 1888 г.) // Известия Русского географического общества. 1889. Т. 25. С. 316-332.
- Пинегин Н. В. Из сказок Лапландского Севера: Листки из записной книжки туриста // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1910. № 17. С. 27-33.
- Попова С. А., Полтев К. В. Саамская легенда. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 36 с.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.
- Саамские сказки / Ред. Г. Керт; сост. Е. Пация. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1980. 320 с.
- Семилетний стрелок из лука: Саамские сказки / Обработ. для детей Е. Пация. Мурманск: Кн. изд-во, 1990. 112 с.
- Сенкевич-Гудкова В. В. Лирические песни нотозерских саами // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. 20. Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск: гос. изд-во Карельской АССР, 1959. С. 41-59.
- Сенкевич-Гудкова В. В. Саами Кольского полуострова // Ученые записки Карельского педагогического института. Петрозаводск: гос. изд-во Карельской АССР, 1957. Т. 4. С. 125-133.
- Сенкевич-Гудкова В. В. Сказки иокангских саамов как исторический источник // Ученые записки Карельского пединститута. Серия историко-филологических наук. Петрозаводск: гос. изд-во Карельской АССР, 1956. Т. 3. Вып. 1. С. 103-116.
- Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск: Карелия, 1991. 210 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 442 с.
- Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

Хозяйка травы. Саамские сказки / Пересказала А. Г. Елагина. М.: Советская Россия, 1973. 80 с.

Щеколдин К. П. Лопарские сказки, легенды и сказания, записанные в Пазрецком погосте, пограничном с Норвегией // Живая старина. 1890. Вып. 1. С.17-25.

Яценко А. Л. Несколько слов о Русской Лапландии (Из поездки) // Этнографическое обозрение. 1892. № 1. С. 10-37.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Bodrova Olga Aleksandrovna,
PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК (1-251)(470.21)

О. В. Змеева

**АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ ГОРОДА
ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИКОВ: РОМАНОВ-НА-МУРМАНЕ – МУРМАНСК***

Аннотация

В статье обобщены результаты одного из конкурсов «Гуманитарной битвы» – «Романов-на-Мурмане – 2016». Обобщены и приведены варианты альтернативного развития Кольского полуострова и г. Мурманска, представленные в проектах школьников Мурманской области.

Ключевые слова:

Романов-на-Мурмане, Мурманск, исторический факт, альтернативная, контрфактная история, реальность.

О. V. Zmeyeva

**AN ALTERNATIVE HISTORY OF THE CITY FROM THE POINT
OF VIEW OF PUPILS: ROMANOV-ON-MURMAN – MURMANSK**

Abstract

The paper summarizes the results of one of the contests "Humanitarian Battle" - "Romanov-on-Murman – 2016". Summarized and presented options for alternative development of the Kola Peninsula and Murmansk represented in the projects students of the Murmansk region.

Key words:

Romanov-on-Murman, Murmansk, a historical fact, alternative, counterfeit history, reality.

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

Статья является интерпретацией результатов одного из конкурсов «Гуманитарной битвы», которая состоялась в феврале 2016 г. в Кольском филиале Петрозаводского государственного университета (г. Апатиты)¹². В одном из заданий участникам предлагалось создать проект, демонстрирующий альтернативный вариант развития истории Кольского края. Участники получили фрагмент текста из учебника истории, кратко повествующий о событиях Российской империи в начале XX века (Революция 1905-1907 гг., Первая мировая война, строительство Мурманской железной дороги и основание г. Романов-на-Мурмане) [Из учебника, ЭР]. Последняя дата, упоминаемая в приведенном фрагменте, – это 1917 г. Подразумевалось переосмысление участниками настоящей истории, представление «возможного развития Романова-на-Мурмане и Кольского края в целом», альтернативных фактов и событий, «которые могли бы произойти в “иной” истории», вариантов столетнего юбилея Романова-на-Мурмане и изображение другой 100-летней истории города и региона [Положение о конкурсе проектов, ЭР].

В реализации проектов принимали участие школьники 8-11 классов городов и поселков области: Апатиты, Алакуртти, Ковдор, Енский, Кандалакша, Умба, Мончегорск, Оленегорск, Кировск, Североморск, Ловозеро, Ревда. Всего участников насчитывалось около 130 чел. Школьники были разделены на команды, состоящие из 4-5 человек. Поскольку мероприятие называлось «Гуманитарная битва», мы условно будем считать подростков «гуманитариями». Обратим внимание, что среди участников не было школьников из Мурманска.

Всего было подготовлено 24 проекта. В данной статье мы обобщим результаты и представим самые простые интерпретации. Более глубокий анализ полученного материала планируется осуществить в новых работах.

Первое, на что следует обратить внимание, это практически полное отсутствие фантазийных сюжетов, а также нереальных персонажей. Практически все команды начинали проект с отражения действительных исторических событий. Первая дата, 1916 г., – год основания города. Некоторые участники считали необходимым добавить точную дату основания Романова-на-Мурмане – 04 октября 1916 г. (рис.1-4). То же касается первоначального наименования городского поселения, оно остается неизменным.

Таким образом, дата и название населенного пункта являются точками отчета при создании различных вариантов истории. В результате в проектах школьников осталась не отраженной предыстория города. На многих плакатах отсутствуют информация о железной дороге, коренном населении, а также вообще об истории края до появления города. Прежде всего, это связано с предложенным текстом задания, в котором уже были перечислены все значимые события, предвещающие возникновение населенного пункта на Кольском Севере. А также с заданными временными рамками и формой презентации: в форме «ленты времени» школьникам было предложено графически представить альтернативный путь края за 100 лет (1916-2016 гг.).

¹² Подробнее о V интеллектуальном турнире для учащихся 8-11 классов «Гуманитарная битва» см.: <http://www.arcticsu.ru/GB/2016>

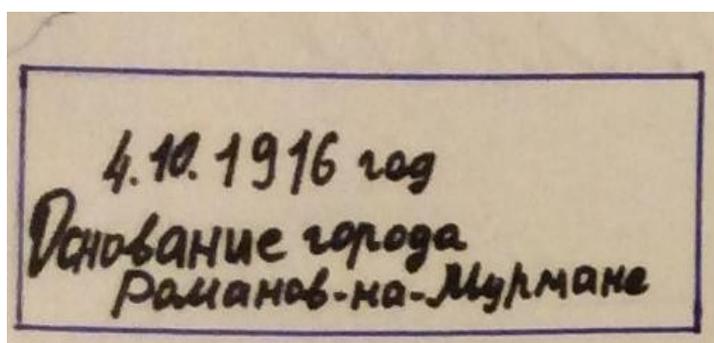
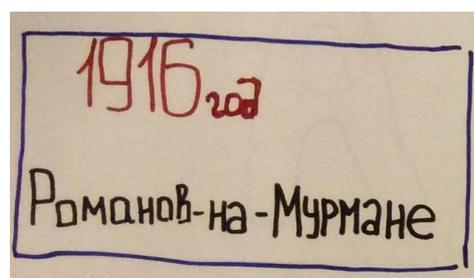
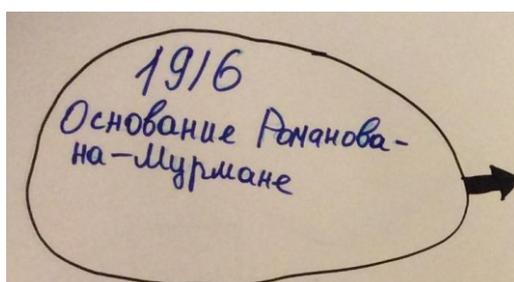
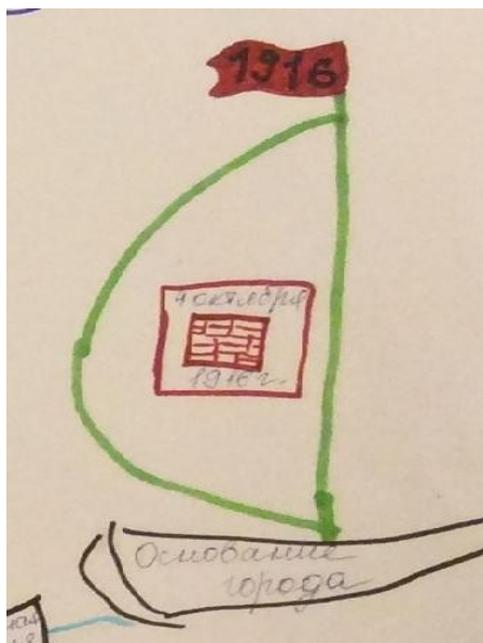

Рис.1, 2, 3, 4. Фрагменты проектов. Основание г. Романов-на-Мурмане

Как правило, школьники выбирали символы для представления проекта, передающие движение. Мы выделим три группы используемых символов.

1. Естественно-природные. События столетия представлены в качестве символических границ, прерывающих движение естественно-природных объектов.

правило, церковь расположена на одной границе с датой основания города. По всей видимости, появление церкви на плакатах также связано с предложенным заданием текстом, в котором зафиксированы факты строительства: «21 сентября 1916 года на берегу Семеновской бухты на невысоком холме был торжественно заложен Николаевский храм, с которого и началась история самого северного русского города – Романов-на-Мурмане» [Из учебника, ЭР].

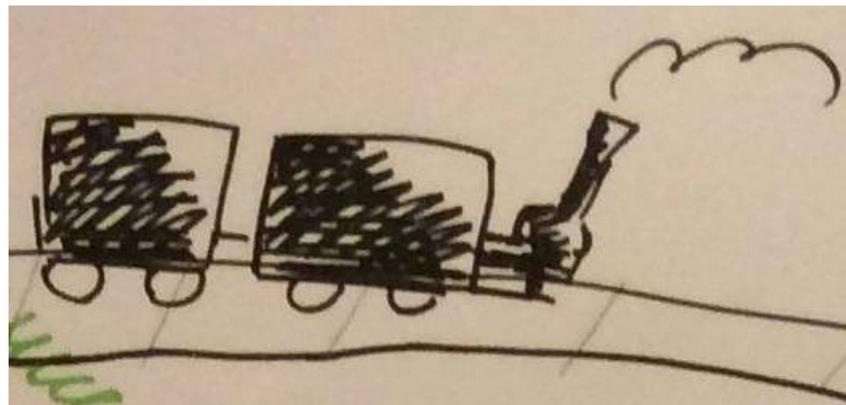
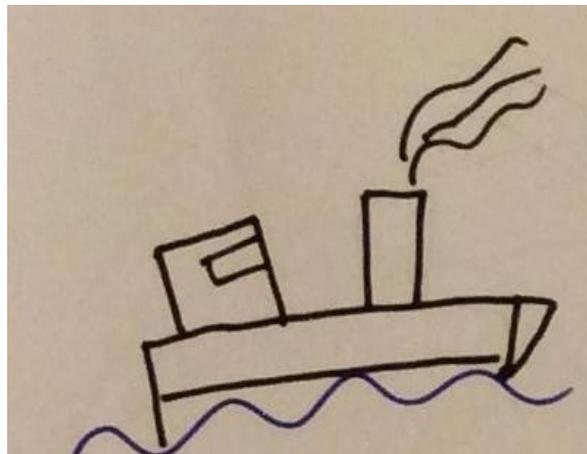
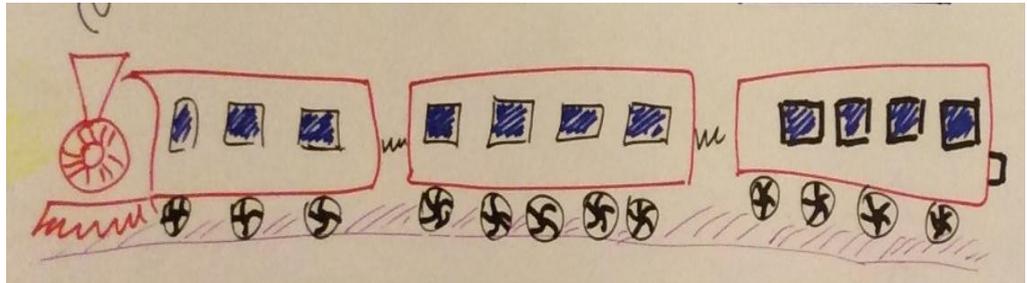

Рис.6, 7, 8. Фрагменты проектов. Транспорт

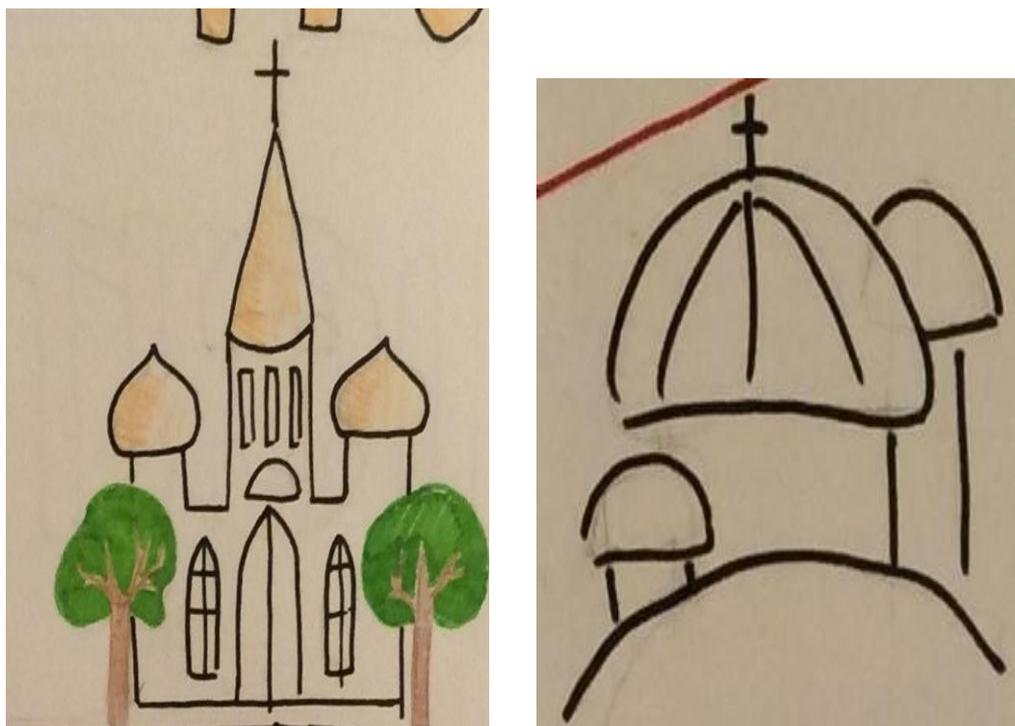

Рис.9, 10. Фрагменты проектов. Первая церковь

Нередко церковь появляется после альтернативного развития событий. Первой и главной альтернативой становятся контрфакты а) «революции не было» или б) «революция подавлена». Соответственно, во многих проектах школьники сохраняют политический строй. Монархия становится гарантом сохранения и продолжения церковного строительства (рис.11). Так, на одном из плакатов показано, что укрепление монархической власти приводит к сохранению первого храма города – Никольской церкви. Оставление в истории города «первого» здания, идея сохранения культурных традиций Заполярья приводит школьников к мысли о развитии Романова-на-Мурмане как духовной северной столицы. В результате современный образ промышленного региона трансформируется в сознании школьников в исторический образ религиозного центра на Севере. Возможно, такое развитие истории связано с лозунгом «Самодержавие – православие – народность», единством политической и религиозной сфер в дореволюционный период (как школьникам предлагает учебник истории). Сохранение первого городского храма, предположительно, может стать способом повысить статус населенного пункта. Соответственно, город имеет историю, он претендует на символическое приближение к «центру», несмотря на отдаленное географическое положение, и наконец, он сам становится центром (заметим, что Романов-на-Мурмане был последним городом, основанным в Российской империи, и, более того, названным в честь последнего императора). Возможно, именно эти факты и становятся решающими в выборе «города-столицы».

Рис.11. Фрагмент проекта. «Романову на Мурмане царскую власть»

Сохранение политического строя школьники сопровождают символами власти. Этими символами становятся корона или «царская шапка» (рис.12-18).

Количество представленных событий было определено заданием: не менее 5 и не более 10. В презентациях, как правило, отражено 9 событий, которые связаны со сферами жизни любого города. Они относятся к политике, культуре, спорту, производству.

Событийность выстраивается в определенной последовательности. Напомним, сохранение политического строя, укрепление монархии приводят к изменению истории Кольского края. С одной стороны, если происходит укрепление власти, то этот факт является помехой для решения некоторых проблем. То есть проблемы, в конечном счете, решаются, но на это уходит больше времени, больше тратится сил. Например, в войне с Германией страна по-прежнему остается страной-победительницей, но с большими потерями, чем в СССР. С другой стороны, именно сохранение монархии создает свободу самоопределения населению территории, в частности, коренному населению (саамам) и их ближайшим соседям (финнам).

Школьники предлагают альтернативные сценарии истории, в которых используются и «пространственно-временное перемещение личности», и «приписывание “старой” личности каких-либо иных, ирреальных действий», и «изменение итога (исхода) реального события», и «удаление события». Такие способы представления В. А. Нехамкин называет «персоналистским» и «событийным» уровнями контрфактических исторических исследований [Нехамкин, 2011: 108-109].

Рис.12, 13, 14, 15, 16, 17, 18. Фрагменты проектов. Символы царской власти

Есть факты, которые школьники непременно оставляют в своих презентациях. Таким событием становится Великая Отечественная война / Вторая мировая война. Варианты его развития можно сгруппировать следующим образом:

1. Воспроизведение реального события (с сохранением временных границ, участников и т.д).
2. Сохранение участников войны, но расширение / сужение временных границ. Меняется дата начала и / или окончания войны. При этом конкретизируется, например, дата окончания войны (рис.1920).

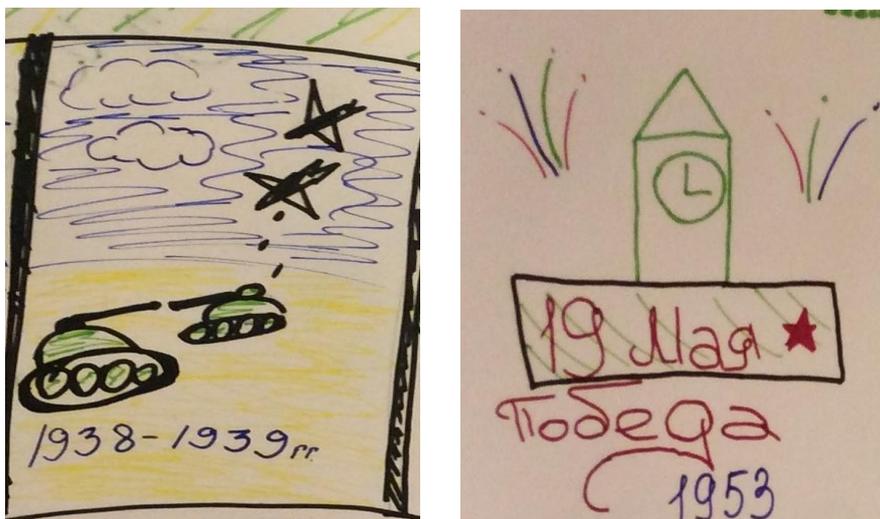

Рис.19, 20. Фрагменты проектов

3. Изменение состава участников события. Участниками становятся либо конкретные, либо интегрированные группы. В первом случае наблюдается конкретизация образа врага. Формируется образ врага-соседа, в данном случае Финляндии или Норвегии (рис.21).

Рис.21. Фрагмент проекта. Русско-финская война и ее результаты

Во втором варианте реализуется процесс размывания образа врага. Школьники назначают врагом некую группу или совокупность государств (например, «Европейская война»).

4. Изменение результатов военных действий. Пример: Завоевание Германией страны или завоевание Кольского полуострова Финляндией, соответственно, приводит к изменению статуса полуострова (рис.22, 23). В этом случае происходит реализация всем известной теории альтернативной истории СССР, когда переход страны под руководство другого государства приближает страну к благополучному Западу.

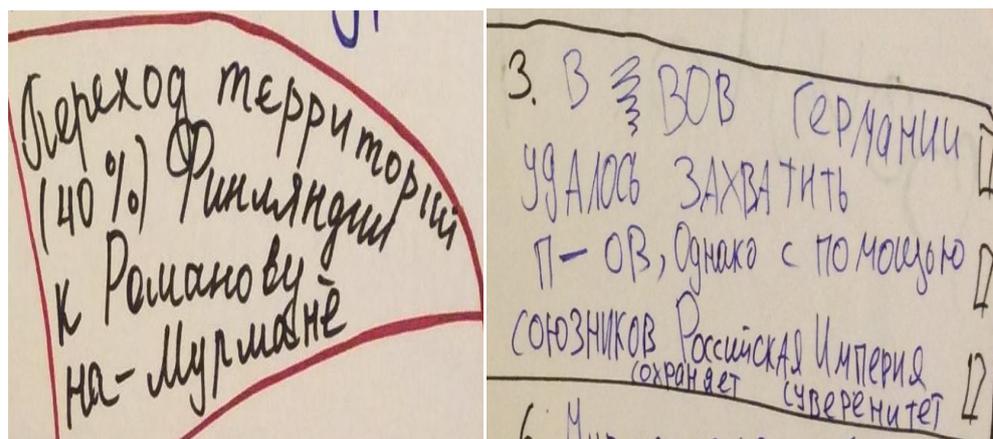

Рис.22, 23. Фрагменты проектов. Результаты военных действий

5. Предложенные варианты реализуются в случае сохранения монархии.

Если же строй меняется, то мы наблюдаем другой вариант – промежуточные события меняются, итог остается реалистичным, а современность выполняет компенсаторную функцию. Например: отделение Мурманской области от СССР (область имеет право на суверенитет) – советско-финская война (в результате – потеря региона) – возврат Мурманской области в состав СССР – победа в Великой отечественной войне (необходимость быть участником Великой Победы). Далее – распад государства, который и происходит, естественно, в 1991 г. (рис.24). Таким образом, не меняя итоговый результат, школьники подтверждают, что «все альтернативные построения носят характер “подгонки под ответ”» и «реальность “текущей истории” задана априори» [Бочаров, 2005: 235].

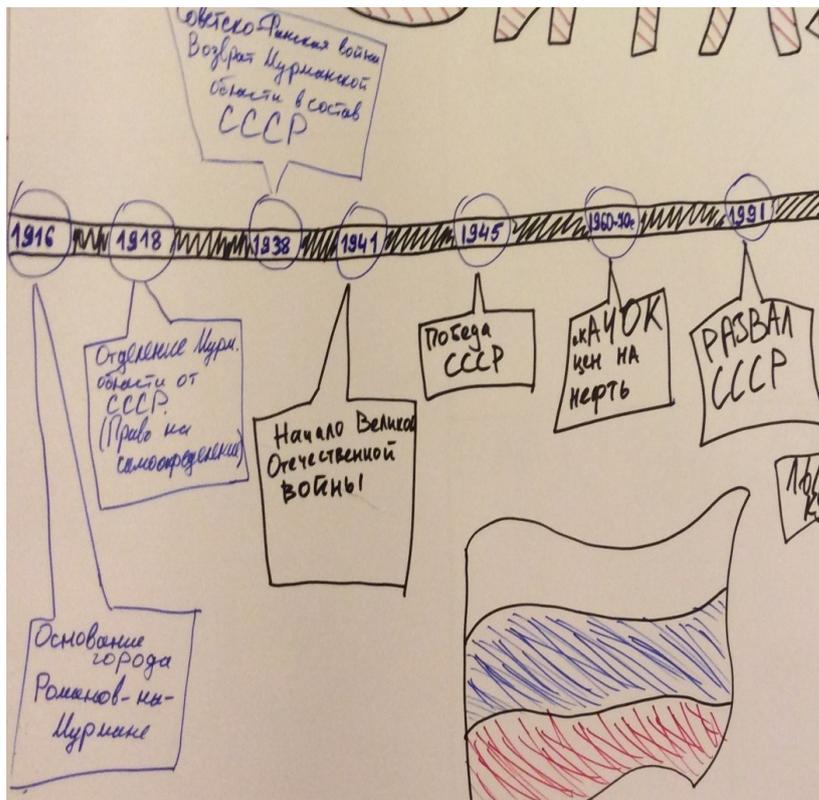

Рис.24. Презентационный проект «Романов-на-Мурмане – 2016»

Если мы вернемся к проектам, которые предлагают развитие истории при сохранении монархии, то мы обнаруживаем, что в разные периоды времени Российская империя достигает кульминации в развитии. Расцвет империи происходит или в 100-летие, то есть в 2016 г., или в первой половине XX в.

Часть проектов ориентирована на повышение культурного уровня области. Культура и наука являются сферами, развитие которых, в представлениях школьников, не должно кардинально менять историю, в отличие от сферы производства. 1930-1940-е гг. – период создания научных

центров, а 1960-1970-е – период открытия новых минералов. Монархия подразумевает более спокойное, последовательное развитие страны, строительство заводов и развитие промышленности в этом варианте происходит намного позже, чем развитие культурных и научных центров, промышленные разработки консервируются вплоть до начала 1990-х гг.

Последнее, на чем мы остановимся в этой работе, это перенесение значимых для страны событий на территорию области. Компенсирующие функции выполняют мероприятия государственного и мирового масштаба. Самый распространенный вариант – перенесение Зимних Олимпийских игр в Мурманскую область (рис.25-27). Какие ключевые даты выбирают школьники?

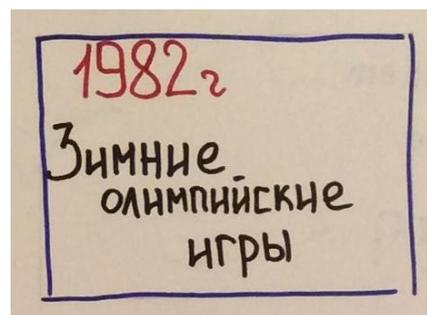
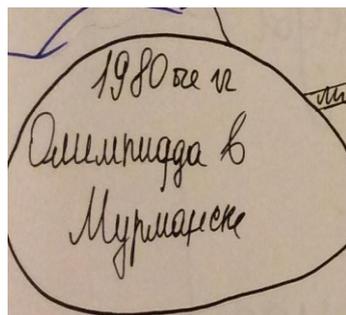

Рис.25, 26, 27. Фрагменты проектов. Олимпийские игры в Романове-на-Мурмане (Мурманске)

1. Период совпадает со временем проведения Олимпиады в Москве в 1980 г. Вариант: 1982 г. В любом случае, событие либо переносится, либо сохраняется в рамках десятилетия его проведения (1980-е гг.). В одном из проектов Романов-на-Мурмане становится городом-героем после проведения Олимпийских игр (1998 г.). В результате происходит смещение исторических акцентов.

2. Перенос зимней олимпиады 2014 г. в Романов-на-Мурмане. В этом случае сохраняются даже животные-символы Сочинских игр.

3. Время проведения спортивного мероприятия мирового уровня передвигается в юбилейный, 2016 г.

Следующими событиями, которые переносят в регион, становятся мероприятия космической отрасли. Таковыми являются первые полеты на Луну и в космос. В последнем случае сохранена оригинальная дата – 1961 г. Для реализации подобных мероприятий, по мнению школьников, необходимо строительство космодрома на территории Кольского полуострова.

Олимпийские игры, первые полеты в космос и подобные события являются, по Б. А. Успенскому, «семиотически отмеченными событиями». Школьники осмысляют события прошлого с точки зрения актуальных событий настоящего – «это заставляет увидеть в данной перспективе предшествующие события как связанные друг с другом (при том, что ранее они могли и не осмысляться таким образом)» [Успенский, 1988: 73].

И, наконец, ключевым моментом для большинства проектов является переосмысление статуса города. Как правило, его история заканчивается тем, что он становится столицей (рис.28-30):

- а) столицей Российской Империи;
- б) исторической, культурной и духовной столицей страны;
- в) столицей проведения Олимпийских игр.

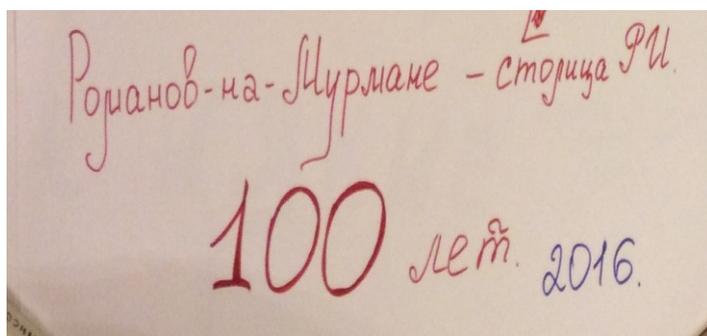
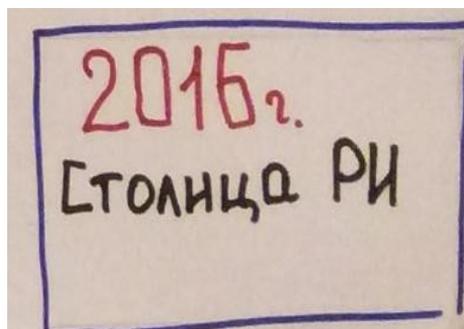
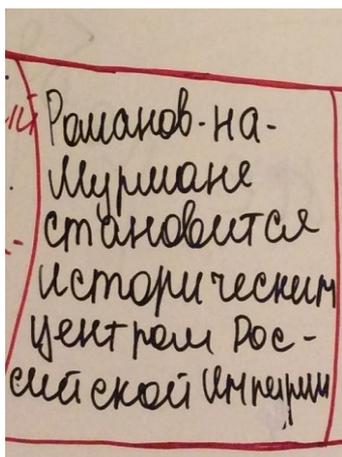

Рис.28, 29, 30. Фрагменты проектов. Романов-на-Мурмане – столица

Столичность Романова-на-Мурмане в предложенной подростками альтернативной истории может рассматриваться и как желаемая возможность будущего, которая, как нам известно, «не определяется ни законами причинности, ни вероятностью», а «реализуется как случайность» [Лотман, 2010: 22].

Список литературы

Бочаров А. Б. Альтернативная история как способ моделирования управления исторической действительностью (опыт системного анализа) // Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы. № 2. 2005. С. 226-237.

Из учебника «История Российской империи XX века. Русский Север» // Петрозаводский государственный университет. Кольский филиал. URL: http://www.arcticsu.ru/system/files/prilozhenie_k_gensrazhen.pdf.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2010. С. 11-148.

Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 102-120.

Положение о конкурсе проектов в рамках V интеллектуального турнира для учащихся 8-11 классов «Гуманитарная битва». Генеральное сражение «Романов-на-Мурмане – 2016» // Петрозаводский государственный университет. Кольский филиал. URL: <http://www.arcticsu.ru/Gen-srazhen>.

Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). Статья первая // Труды по знаковым системам. XXII. (Ученые записки Тартуского государственного университета; Вып. 831). Тарту, 1988. С. 66-84.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН

Zmeyeva Olga Vasiliyevna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre
of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК (1-251)(470.21):75.047

О. В. Шабалина

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ Я. А. КОМШИЛОВА: ШТРИХИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ПОРТРЕТУ Г. МУРМАНСКА*

Аннотация

В материале представлена коллекция урбанистических пейзажей г. Мурманска Я.А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

Севера ЦГП КНЦ РАН. Живописные и графические работы рассматриваются как источник для исследований в различных гуманитарных областях, в том числе для социально-антропологических исследований г. Мурманска.

Ключевые слова:

Я. А. Комшилов, г. Мурманск, урбанистический пейзаж, социокультурный портрет города, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

O. V. Shabalina

JA. A. KOMSHILOV'S URBAN LANDSCAPE: TOUCHES TO THE HISTORICAL SOCIO-CULTURAL PORTRAIT OF MURMANSK TOWN

Abstract

In the material the collection of Ja.A. Komshilov's urban landscapes of Murmansk from the funds of the Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS is presented. Paintings and drawings are considered as a source for research in various fields of the humanities, including the socio-anthropological studies of Murmansk.

Key words:

Ja.A. Komshilov, Murmansk town, urban landscape, socio-cultural portrait of the town, Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the BCH of the KSC RAS.

В последнее десятилетие на основе разработанных типовых методик в рамках различных проектов, в том числе проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов», проводилось описание социальных процессов и отношений, их динамика в различных регионах России. Результатом явились социокультурные портреты малых городов, провинции, целых регионов России. Эмпирической базой исследований стали статистические данные, а также данные, полученные с применением социально-антропологических методов. Понятие портрета сейчас активно используется не только в изобразительном искусстве и литературе, но и в различных отраслях науки. Так как для портретного сходства непременным условием является соответствие оригиналу, то отражение объективной реальности в нем происходит при целостном рассмотрении портретируемого объекта. Интерпретация исторического в аспекте ретроспекции социокультурного портрета города Мурманска основывается на хорошо разработанных в науке концептах: урбанистический пейзаж, городской ландшафт, городской текст (Ю. Лотман, В. Топоров, В. Руднев, Б. Успенский [Лотман, 2002; Топоров, 1983: 227–284; Руднев, 1996, 1997; Успенский, 1995]). Городской текст включает в себя урбанистический (городской) пейзаж, как визуализированный результат человеческого восприятия города (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр [Гуссерль, 2009; Мерло-Понти, 1999; Сартр, 2001]).

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН обладает интересной коллекцией живописных и графических пейзажей г. Мурманска, выполненных в 1920-1960-е гг. Яковом Алексеевичем Комшиловым (рис.1, 2). Существование этих визуальных источников подтверждает тезис о том, что социокультурный портрет города – это динамическая система, предлагая для анализа «городской текст», фиксирующий портретные изменения, происходящие под натиском цивилизации, и, собственно, личность визуализатора этих изменений, создающего субъективную реальность.

Рис.1. Комшилов Яков Алексеевич (1894–1964). Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 593

Рис.2. Комшилов Я.А. Мурманск. Вид на купол вокзала. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 267

Комшилов Яков Алексеевич (1894-1964) – человек неоднозначной противоречивой судьбы – известен как секретарь Общества по изучению Мурманского края в 1920-х гг., как исследователь, занимавшийся изучением материальной культуры и фольклора саами (рис.3, 4). К сожалению, в опубликованных источниках достаточно скудно представлены такие стороны его деятельности, как работа в органах юстиции с 1919 по 1945 гг., организация Мурманского губернского архивного бюро и руководство им с апреля 1922 г. по октябрь 1926 г., заведование Партийным архивом Мурманского ОК ВКП (б) в 1945-1959 гг.

Рис.3. Планшет с материалами персонального фонда Я.А. Комшилова. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

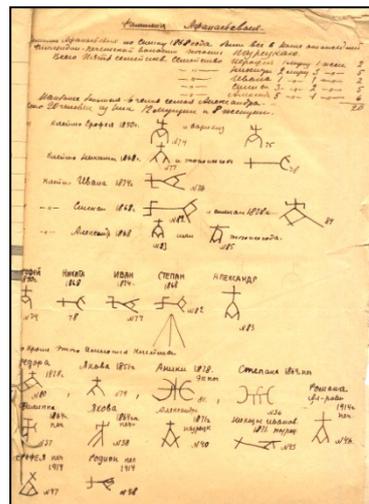

Рис.4. Родовые саамские клейма Афанасьевых. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Персональный фонд Я. А. Комшилова. НВФ 1074. Л. 3

И очень мало кто знаком с живописными и графическими работами члена Союза советских художников Мурманской области Я. А. Комшилова.

Между тем, именно Яков Алексеевич был тем человеком, который сделал многое для сохранения исторического и культурного наследия Кольского полуострова.

Рис.5. Комшилов Я.А. Мурманск. Утро. 1948. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

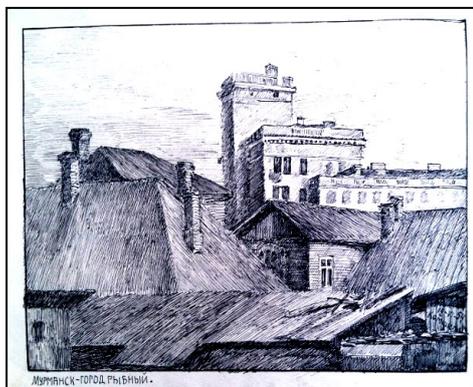

Рис.6. Комшилов Я.А. Мурманск – город рыбный. Старые крыши. 1954. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 243

В условиях смены государственной системы управления в 1920-е гг. ситуация в Мурманске с решением проблемы сохранения документального наследия была катастрофическая. Работая в городском суде, Яков Алексеевич по вечерам и бесплатно разбирал разрозненные документы, оставшиеся от «старой власти». Став первым заведующим архивом по факту, в помощниках Яков Алексеевич имел жену Фаину, которая была назначена архивариусом. Комшиловы собирали документальные материалы по подвалам и чердакам. Реквизировали ценнейшие документы на рынках, где неграмотные в большей своей части жители города использовали их как оберточную бумагу для покупок. Спасали ценнейшие исторические источники, которые в эти трудные для страны годы становились материалом для оклейки стен и топливом для городских печей. Благодаря совершенным усилиям через три года в архиве удалось аккумулировать 33 тыс. дел [Секретные материалы, ЭР].

Параллельно с этой трудоемкой и времязатратной деятельностью он еще успевал заниматься этнографией саамов и иллюстрировал русский и саамский фольклор (рис.7, 8), писал город, с которым связал свою жизнь.

Я. А. Комшилов имел профессиональное художественное образование – в 1918 г. он окончил Петроградское художественное училище барона Штиглица. Некоторое время после учебы работал в художественных мастерских. Далее его судьба складывалась так, что занятие живописью ушло на дальний план.

В 1945 г. в Мурманске прошла первая выставка Союза советских художников Мурманской области, в которой Яков Алексеевич принимал участие со своими работами как полноправный член профессионального сообщества – у нас хранится каталог этой выставки [Каталог. НВФ 1092].

Рис.7. Комшилов Я.А. Иллюстрация к русским сказкам. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

Рис.8. Комшилов Я.А. Иллюстрация к саамским сказкам. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

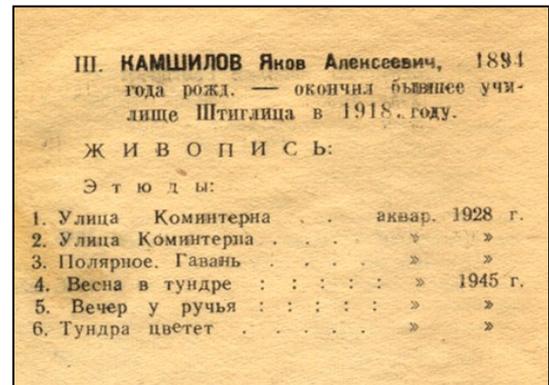
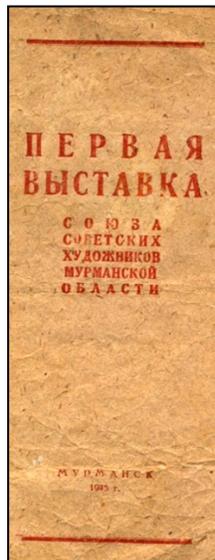

Рис.9-11. Каталог первой выставки Союза советских художников Мурманской области. г. Мурманск, 1945. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1092

Названная ранее коллекция живописных и графических пейзажей Я. А. Комшилова является интересным комплексным источником для аксиологических исследований города Мурманска, в которых изучалось бы именно субъективное восприятие жителями различных аспектов городского образа жизни, городской среды, образ города, которые и составляют его социокультурный портрет. Самая ранняя работа датируется автором 1923 г., есть графические наброски 1934, 1936 гг., а также живописный этюд маслом на холсте 1936 г. (рис.12, 13).

Рис.12. Комшилов Я. А. Весна в Мурманске. Пр. Ленина. 1928. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 204

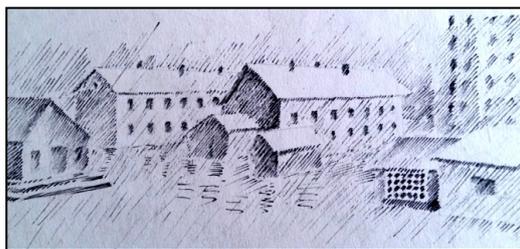

Рис.13. Комшилов Я. А. Мурманск, пр. Сталина. 1936. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 199

Военный период представлен работами 1941-1943 гг. Большая часть акварелей написана в 1948 г., а графики – в 1962 г. Художник остается верным реалистичной манере письма на протяжении всей своей творческой жизни, предвосхищая в своих работах появление в 1960-е гг. так называемого «сурового стиля», в котором живописцы воспевают судьбы современников, их энергию и волю, «героико трудовых будней». Изображения при этом были обобщены и лаконичны. Основой выразительности служили большие плоскости цвета и линейные контуры фигур. Именно этими художественными приемами пользовался Я. А. Комшилов при создании этюдов, набросков и рисунков, которые составляют коллекцию урбанистического пейзажа Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН.

Рис.14. Комшилов Я. А. Мурманск. Двор дома № 11 Ленинградской ул. 8 июля 1936. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 236

Рис.15. Комшилов Я. А. Мурманск, пр. Ленина. 1950. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 253

В XX веке развитие искусства СССР характеризовалось становлением художественной культуры крупных российских городов, и существовавшая типология пейзажа обогатилась развитием городского пейзажа, имевшего четыре основных направления. Первое представляет город как урбанистическую, индустриальную среду; второе трактует город как историко-культурную единицу, третье – акцентирует свое внимание на памятниках архитектуры, четвертое направление представляет город как сферу жизни

человека. В работах Комшилова представлены все направления городского пейзажа, без акцента на памятниках архитектуры.

Художник добивается эстетического эффекта из противопоставления старого исторического и нового урбанистического, городского и природного, из описания этапов существования города. Чаще всего он композиционно организует пространство в своих работах таким образом, что старый деревянный Мурманск оказывается на переднем плане, а новый каменный Мурманск виден в далекой перспективе, перекрывающим горизонт.

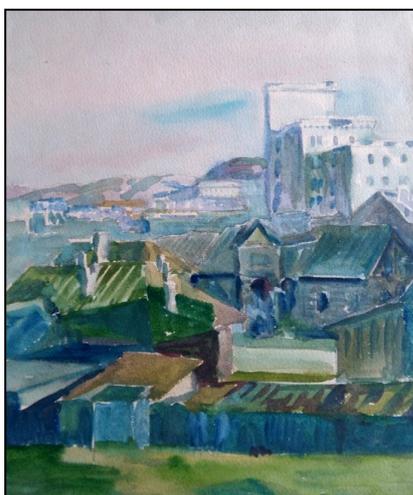

Рис.16. Комшилов Я. А.
Мурманск. Тихий день. 1948.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 280

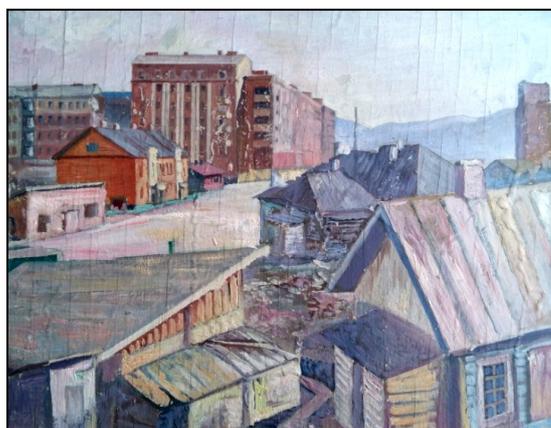

Рис.17. Комшилов Я. А. Мурманск.
1950-е гг. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 269

Рис.18. Комшилов Я. А. Мурманск.
Тихий день. 1948. Музей-Архив ЦГП
КНЦ РАН

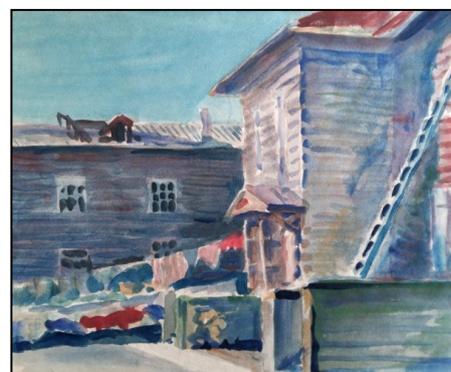

Рис.19. Комшилов Я. А. Мурманск.
Двор дома № 11 Ленинградской ул.
1948. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 282

В действительности, в 1920-е гг. Мурманск застраивался хаотично – в основном возводились фанерные и дощатые бараки. Сказывалось отсутствие генплана строительства города. Его разработка и утверждение затянулись до 1940 г., когда план реконструкции прошел все инстанции. Но осуществить его помешала Великая Отечественная война.

Но к началу войны в городе многое изменилось к лучшему. На улице Коминтерна построили первое (по официальной версии) каменное здание, в котором сейчас расположен Художественный музей. А в 1934 г. на проспекте Ленина появились первые жилые каменные дома. На улице Ленинградской в 1927 г. были положены первые деревянные тротуары, а в 1939 г. – асфальтированные.

Во время войны город был серьезно разрушен, но продолжал жить и работать. Жители перебирались в землянки, а художник Комшилов фиксировал не только лишения военного положения (рис.20), но и средствами пейзажа описывал повседневные практики горожан (рис.21) и природные состояния в городской среде (рис.22, 23).

Рис.20. Комшилов Я. А.
Мурманск. 1942.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 266

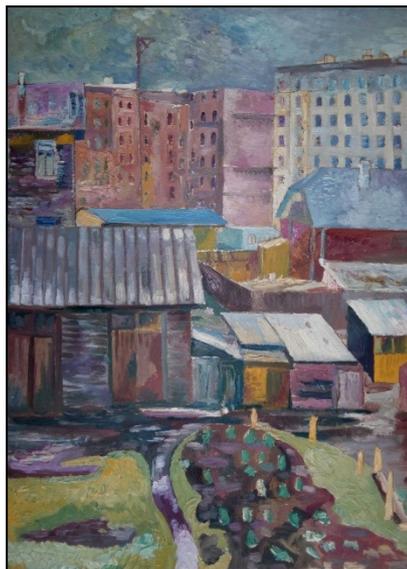

Рис.21. Комшилов Я. А.
Мурманск военный. 1940-е.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

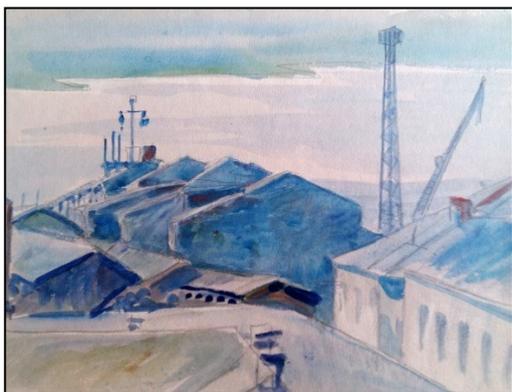

Рис.22. Комшилов Я. А. Мурманск.
В торговом порту. 1942.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

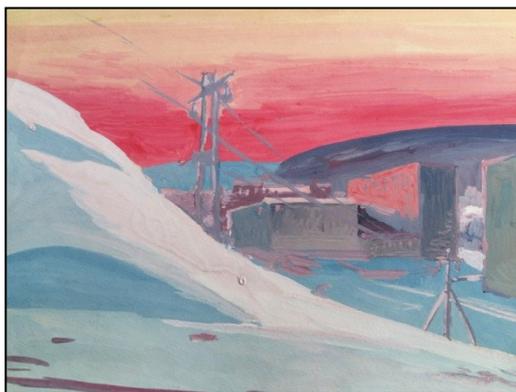

Рис.23. Комшилов Я. А. Мурманск.
Ул. Перовской и К. Маркса. 1943.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

Индустриальные мотивы в урбанистическом пейзаже Комшилова крайне редки: строящиеся здания, техника присутствуют в единичных этюдах, посвященных восстановительным послевоенным работам (рис.24). Хотя панорамы Мурманского порта на заднем плане встречаются чаще (рис.25). Художник обращает внимание и на общие культурные пространства. В коллекции представлены виды из «садилов», как сам он их называет (рис.26, 27).

Рис.24. Комшилов Я. А. Мурманск.
Дом культуры. 1950.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 197

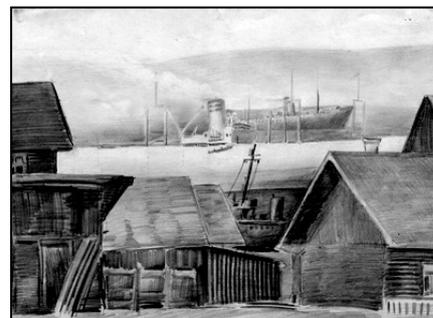

Рис.25. Комшилов Я. А.
Мурманск. Вид на порт.
Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН

Рис.26. Комшилов Я. А. Мурманск.
В садике Дома Пионеров. Музей-Архив
ЦГП КНЦ РАН. 12 июля 1960. НВФ 218

Рис.27. Комшилов Я. А.
Мурманск. Садик С.М. Кирова.
Июль 1962. Музей-Архив ЦГП
КНЦ РАН. НВФ 220

Попав под обаяние «сурового стиля», Комшилов еще более минимизирует художественные приемы и в 1962 г. создает серию графических работ, где, с одной стороны, не конкретизируя архитектуру, он изображает город обезличенным стандартной архитектурой того времени (рис.28, 29), а с другой стороны, географический ландшафт и авторские комментарии к рисункам персонализируют город-объект (рис.30, 31).

Образ Мурманска – постоянный мотив творчества Я. А. Комшилова. Визуализируя и интерпретируя городское пространство, он опирается на традиции классической школы, метод реализма и собственное восприятие и мировоззрение.

Анализ изобразительных работ Я. А. Комшилова позволяет в динамике проследить логику формирования образа Мурманска от презентации города как свидетеля двух войн до города в качестве среды обитания. Всего было рассмотрено 73 визуальных источника, которые могут быть использованы исследователями различных гуманитарных специальностей, в том числе и социальными антропологами при составлении портрета г. Мурманска.

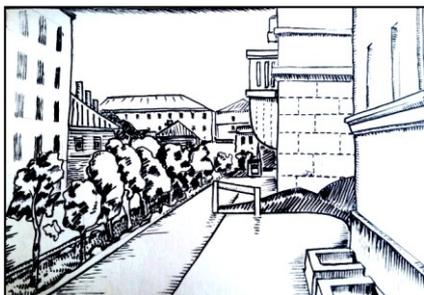

Рис.28. Комшилов Я. А.
Мурманск. Ул. С. Перовской. 4
августа 1962. Музей-Архив ЦГП
КНЦ РАН. НВФ 209

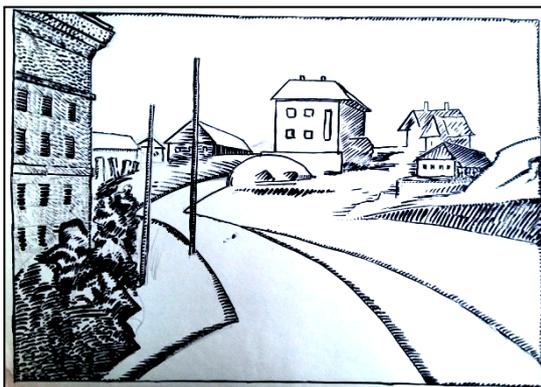

Рис.29. Комшилов Я. А. Мурманск.
Ул. К. Маркса, ул. С. Перовской. Июль
1962. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 222

Рис.30. Комшилов Я. А.
Мурманск. В архитектурный
ансамбль г. Мурманска
вошли автогаражи. Август
1962. Музей-Архив ЦГП КНЦ
РАН. НВФ 216

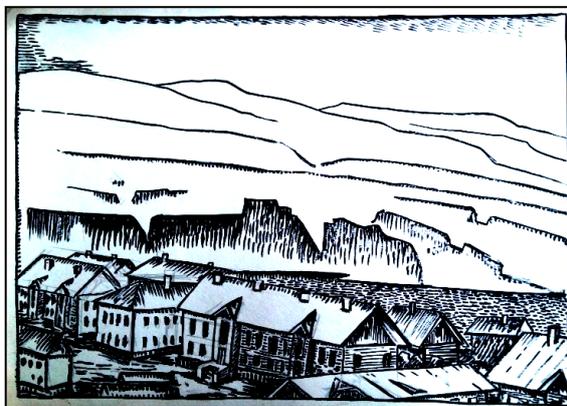

Рис.31. Комшилов Я. А. Мурманск.
Над Кольским заливом у Абрам-пахты.
Июль 1962. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 224

Источники

Каталог первой выставки Союза советских художников Мурманской области. г. Мурманск. 1945. Персональный фонд Я. А. Комшилова. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1092.

Родовые саамские клейма Афанасьевых. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. Персональный фонд Я. А. Комшилова. НВФ 1074. Л. 3.

Художественные работы Я. А. Комшилова. Персональный фонд Я. А. Комшилова. НВФ 197, 199, 204, 209, 216, 218, 220, 222, 224, 236, 243, 266, 267, 269, 280, 593.

Список литературы

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Академический проект, 2009.

Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента Колизей, 1999.

Руднев В. П. Морфология реальности: Исследование по «философии текста». М., 1996.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 1997.

Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001.

Секретных материалов – около 50 пудов // Кольское слово. № 14. 6 апреля 2007. URL: <http://www.b-port.com/smi/11/2583/49182.html>.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.

Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,

PhD (History), Leading Researcher Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

POSTGRADUATE NOTEBOOKS

УДК 726.54(470.21)

А. С. Давыдова

ЦЕРКОВЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАЛОГО АРКТИЧЕСКОГО ГОРОДА*

Аннотация

В основу статьи положены полевые материалы (тексты интервью), собранные автором в городах Мурманской области: Апатиты, Кировск, Полярные Зори. В качестве информантов выступили жители города с различной религиозной самоидентификацией. Основной задачей было выяснение того, каким образом церковь вписывается в городское пространство и какими смыслами наделяется ее существование.

Ключевые слова:

церковь, культовая постройка, городское культурное пространство, Мурманская область.

A. S. Davydova

A CHURCH IN THE SPACE OF A SMALL ARCTIC TOWN

Abstract

This article is based on the interviews collected by the author in following towns of the Murmansk region: Apatity, Kirovsk, Polarnye Zori. As informants were residents of the city with varying degrees of relationship to the faith (by self-identification). The main objective was to find out how the newly built church join into the urban space and what meanings endowed its existence.

Key words:

church, religious buildings, urban cultural space, Murmansk region.

В данной статье ключевой задачей является определение значения церковных сооружений в культурном пространстве малых городов Мурманской области. Исследование базируется на полевых материалах (текстах интервью), основной корпус которых был записан в городах Кировск, Полярные Зори, Апатиты. В качестве информантов выступили жители городов, имеющие различное отношение к вере и церковным институтам: неверующие (атеисты), представители духовенства, члены православных общин, воцерковленные верующие (регулярно посещающие церковь, знающие ее устав, участвующие в ее обрядах), невоцерковленные верующие (которые верят, но посещают церковь редко, в случае крайней необходимости или не посещают совсем).

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

Дополнительными источниками сведений стали публикации в прессе и статьи краеведов в местных изданиях.

Значение религиозного объекта для города, местности определяется, прежде всего, по тому, как оценивается само место с точки зрения необходимости возведения на нем культовых сооружений. При этом и положительная, и негативная оценка места могут служить равно для обоснования или опровержения такой необходимости – в зависимости от мировоззренческих установок и представлений тех, кто высказывается на данную тему.

Городское пространство, по крайней мере, обследованных городов, у ряда информантов ассоциируется с «бездуховным» и нечистым местом – распространенный мотив русской устной и литературной традиций [Ахметова, 2010]. «Нечистоте» города как такового противостоит особая «чистота», связанная с географическим положением конкретных городов, и ключевым здесь оказывается понятие «север». Можно предположить, что эти представления формируются и поддерживаются во многом благодаря, во-первых, региональным православно-краеведческим публикациям, во-вторых, историко-этнографической литературе. Ряд текстов, полученных от информантов, подтверждает устойчивый взгляд на Кольский Север как на «архаичную зону русской культуры», то есть край включается в культурное пространство Русского Севера, который «по определению» является православным и может сохранить традиции в «чистом виде»:

Чистота во всем и в молитвах и в посте. А судить нельзя, наверно, а там более по-простому. Может у нас здесь чувствуется. А там зачастую не видишь всего этого. Так, показные. Ну, я не уверена всюду ли так, но всегда писали, что Север сохранит веру и оттуда пойдет спасение (Инф. 1).

Мифология Севера как территории «чистой» в духовном отношении базируется на оппозиции «центру», с которым часто ассоциированы негативные черты «цивилизации». Эта идея поддерживается этнографическими исследованиями, в которых Север утверждается в качестве анклава традиционной русской культуры [Дмитриева, 1988; Бернштам, 1983 и др.]. При этом если в этнографических трудах речь идет об ареалах распространения собственно русской крестьянской культуры (прежде всего, об Архангельской губернии, а также Олонецкой и Вологодской), то в данном случае Кольскому Северу – по умолчанию – приписываются свойства Русского Севера в целом.

В представлениях информантов, связанных с жизнью церкви, прослеживается идея о том, что с появлением церкви улучшается городская среда, включая самую неблагоприятную, и даже климат: «Когда я приезжаю на 23 километр, часто с удивлением замечая, что погода там лучше, ветер слабее, чем в городе, и чаще проглядывает солнце. Я не могу с точностью утверждать <...>. Но сейчас мне кажется, что от всего отдаленного и в целом заброшенного района каким-то непонятным образом исходит благотворное влияние храма» [Галина, 2000: 4]. Комментируя данное высказывание, заметим, что место расположения храма на 23-м километре, промышленной окраине города Кировска, может рассматриваться, скорее, как неудобное. Это обстоятельство требует оправдания. Изначально неблагоприятное место расположения компенсируется самой сутью, смыслом объекта, и храм оправдывает свое существование тем, что меняет качество места, влияет даже на погодные условия.

В текстах интервью с верующими воцерковленными информантами неоднократно звучала мысль о том, что территория, на которой расположены города (особенно это относится к городу Кировску), отличается тем, что на ней люди претерпели много страданий. Говорится прямо или имеется в виду, что это спецпоселенцы, строившие города в Заполярье. Строительство церквей в этой связи рассматривается как вознаграждение за страдание:

Вот, не зря же у нас, именно у нас, здесь были храмы, то есть, в то время, когда везде запрещали, у нас здесь храмы действовали. И сейчас такое, такое обилие храмов! Это, конечно, неспроста. Это нам за страдания наших предков, это они выстрадали, можно даже сказать искупили страшный грех разрушения (Инф. 2).

Речь идет о том, что в период закрытия церквей в Кировске оставался действующий храм – факт, в котором усматривается символическое значение.

Положительное или отрицательное отношение информантов к строительству церкви в городе обусловлено рядом обстоятельств. К ним относятся религиозная и этническая самоидентификация горожан, их социальный и профессиональный статус и пр. В частности, церковь может восприниматься совершенно в светском ключе, как архитектурное сооружение:

Я, кстати, не имею ничего против церкви как таковой. В смысле, что пускай строят, даже украшается город как-то. У меня дочка маленькая всегда говорит, когда едем в поликлинику, и там вот, как едешь по дороге и начинает появляться церковь (пауза), видны макушечки апатитского храма, что: «Мама, смотри какие башенки здоровские!» (Инф. 3).

Архитектурный облик церкви имеет значение для информантов, которых можно отнести к категории невоцерковленных:

Информант: Мне очень нравится Мончегорский храм. Этот мне нравится.

Собиратель: А чем?

Информант: Ну, вот храм похож на храм. Территория мне очень нравится. Вот недавно, мы ездили, в... к Катюше, просто заходили. Мне понравился Апатитский храм. Потому что он деревянный, мне понравилось убранство внутри. Э-э-э, как-то вот так. Территория понравилась. Вот Кировский современный новый. Мне не очень нравится. Вот чисто внешне. Вот этот вот красный кирпич. Если б не было куполов, я бы даже не поняла, что это православный храм строится. Как-то вот. Я думаю, что большое значение имеет архитектура (Инф. 4).

Для воцерковленных жителей, как и для членов общин, характерно восприятие церковного сооружения в качестве «Божьего дома». Особого значения архитектуре ими не придается, но важны внутренние свойства храма – «домашность», «уют», «теплая атмосфера»:

Собиратель: А Вам какие больше нравятся храмы – каменные или деревянные?

Информант: В принципе, мне кажется, без разницы. Но мне кажется, что вот для нашего города, что вот такой вот уютный, домашний какой-то вот он. А если вот в городе большом, как вот у меня на Родине. Вот, то приятно вот увидеть большой,

настоящий такой вот храм. Поэтому это зависит просто от взгляда человека на религию. А так вообще храм он и есть храм. Посмотри по телевизору даже наш Путин вот ездит вот по деревням, таким вот храмам. Ну, это ж здорово. Более домашние, более уютные, вот они располагают как-то большие, к такой вот теплой атмосфере, что вот хорошо (Инф. 5).

Информант-священнослужитель отметил, что внешний вид церкви имеет «миссионерское значение», поскольку он способен привлечь потенциальную паству:

И у многих подход какой, ну, это <пауза> коммунистическое время было. Получается, что архитектурная форма имеет значение, имеет значение, когда нужно привлечь такого человека с магическим сознанием. Да? В храм. Как то Степан Великосербский построил храм, язычники просто заходили посмотреть на его красоту. И помолиться, ничего, просто посмотреть. У них не было никогда такого. А дальше он уже начал проповедовать и работать с ними. То есть на сегодняшний день можно сказать, что форма храма она имеет миссионерское значение. Ну, опять же, по существу разницы нет. Сущность совершаемого таинства остается одна и та же. Благодать одна и та же (Инф. 6).

Если внешний облик храмовой постройки отклоняется от имеющихся представлений о церковной архитектуре, то это приводит к резко негативной ее оценке.

Достаточно часто местные храмы подвергаются сравнению с церквями других городов и местностей, центральных и периферийных, в том числе с теми, которые северяне видели в местах отдыха, жительства родственников или на «малой родине»:

Собиратель: *А вот здесь, на Севере здесь вам какие-нибудь церкви нравятся?*

Информант: *Современные нет. Потому что они современные сделаны, конечно, однотипно. В основном закупают все это где подешевле все эти проекты. Все.*

Собиратель: *А какие нравятся?*

Информант: *А-а, это зависит опять же от местности, от местности. Клопский монастырь в Новгородской области, он был на берегу Ильменя. На Ильмене лес рубили, на южном берегу, когда солеварни работали. Все леса вырубил, щас там нет лесов. Потому что соль варили до того, как на Урале стали варить. А на северном берегу никогда особо лесов не было, там речки впадают в основном, с севера, разливаются и такие осиннички небольшие. И поэтому Клопская церковь, она в лесочке таком кудрявеньком смотрелась очень хорошо, шатровая церковка вся, она из дерева. А на берегу Ильменя, когда вытекает Волхов, здесь стоял Юрьев монастырь, естественно там церквушка деревушка она бы не смотрела. Такой основательный монастырь. Такой мощный, классический, византийской классики. Такой красивый. Перед ним ширь. Там сзади Новгород. Все зависит от того, какая вот. Вот Спас на Нерли. Такая игрушечная церквушка стоит на берегу озера.*

Там-то уже деревянная не так смотрелась бы. Хотя. Там, конечно церковь такая крупная. Все зависит от пейзажной обстановки, от ландшафтной (Инф. 8).

Упомянутая «однотипность» очень часто встречается в качестве характеристики церковных строений Мурманской области и, как правило, оценивается отрицательно:

Мне не понравилось, что такой же похожий монастырь есть где-то еще. Что по типовым проектам строили. Как раньше хоть. И, кстати, наша по-моему, эта, мне рассказывали. То ли та которая. Ой! На Солнечной. По типовому проекту точно такая же есть в городе Полярный. Ну как можно церкви строить по типовому проекту? Как хрущевки? Ну, нельзя! Церкви – это дело индивидуальное. Не бывает двух одинаковых людей, почему должны быть две одинаковые церкви? Две одинаковые души? (Инф. 9).

Для информанта церковное здание – сакральный объект высшей категории, не только сопоставимый по значимости с душой, но и наделяемый свойством уникальности, тогда как дома-«хрущевки» оказываются идеальным представителем типичного. Наши материалы подтверждают, что храмы в представлениях северян относятся к объектам с самым высоким статусом, что вполне закономерно для восприятия культовых строений, особенно при стратификации объектов, находящихся в городском пространстве [Тыхеева, 2007]. Данные объекты должны, с одной стороны, соответствовать прецедентным, культурно маркированным церковным постройкам, с другой стороны, придавать городу неповторимость:

У нас церковь выглядит не так, чтобы, не так, чтобы. Вот Кижси. Как считается, что этот Нестор выкинул этот топор в воду – это да! Они заслужили это временем. Это да! Почему, то есть, вот поставить, поставь на магнитик Апатитский вокзал, что его из многих увидишь? А петрозаводский вокзал узнаешь из многих. Я за то, чтобы у каждого города были свои <...> ну что какую-то историю выработать и надо не портить город вот этими непонятными типовыми проектами (Инф. 9).

Типовые проекты, по мнению многих информантов, «портят» облик города, лишают его и церковь уникальности, не способствуют его позитивному восприятию. Типовое в данном случае становится синонимом плохого, неприемлемого.

Постройка храма и других культовых сооружений вне городского пространства в ряде случаев негативно воспринимается информантами с атеистическими взглядами, а также частью невоцерковленных верующих. То, что может быть построено в городе и является органичным и «нормативным» для городского культурного ландшафта, не должно быть вынесено на природу:

Меня дико удивляет, поражает стремление отдельных наших личностей ставить кресты на горах. Я просто, я не понимаю. Наверное, они тут пытаются что-то окрестить, освятить. Но мне это дико не нравится. Во-первых, это нарушает самобытность природную. Ну и потом, это зачем? Давайте сюда придут мусульмане что-то свое поставят. Потом еще там кто-

то. Зачем превращать природу в храм, я этого не понимаю. Там за «Атлетом» <зданием спортивного комплекса – А. Д.>, наверное, была бы уместна менее помпезная церковь (Инф. 10).

Радикальная позиция в отношении строительства и установки культовых сооружений может находить выражение в решительных действиях:

К примеру, у меня есть знакомые, я не буду говорить кто <говорит тише>. Они ведут борьбу с крестами. Они сбивают эти кресты, которые повалились устанавливать везде, где не надо (Инф. 11).

Информанты, включенные в жизнь церкви, положительно расценивают постройку церквей за пределами городского пространства. Они обосновывают это тем, что вся территория Кольского полуострова нуждается в одухотворении. Однако для внегородской территории более целесообразной видится установка небольшой культовой постройки: часовни или поклонного креста, означающей «освященность» данного места.

Судя по высказываниям невоцерковленных верующих информантов, разграничиваются понятия «храм для души» и «храм для надобности». Одно из различий касается собственно места расположения культового здания. С одной стороны, место храма в городе должно быть близко, доступно, удобно. Желательно, чтобы он находился там, куда всегда можно попасть, «забежать, проходя мимо». Как показало ранее проведенное исследование [Давыдова, 2012], оценка религиозных практик с точки зрения физического «удобства», «комфортности» является показателем того, что телесный комфорт занимает высокие позиции в иерархии ценностей современного человека. Для посетителей церкви, особенно молодежи, важно удобство помещения и его расположение, отсутствие физических ограничений. Существенна индивидуальная свобода общения с Богом. Именно последнее обстоятельство оказывается наиболее привлекательным в «западной» церкви, то есть в том, что под этим понимается массовым сознанием. С другой стороны, храм и его место в городском пространстве не должны сочетаться с мирской суетой, они должны быть «обособлены».

Церковь становится «своей», местом, куда человек ходит постоянно, если она обладает рядом характеристик, удовлетворяющих представлениям горожан о ней. Часто самой любимой и «настоящей» церковью признается та, которая находится на родине информанта:

А вот единственная церковь в центре городе это где меня крестили, у нас она так расположена интересно <...> вот эта наша центральная городская церковь, она во все времена она выстояла, и во все времена ремонтировали. Купола красота такая, они всегда яркие, издалика видны. Сама говорят белокаменная, вот это про нее. Она красавица. Очень красивая, вот это про нее. Очень красивая. Вот у нее такие решетки. Ну, все решетки такие, убранство очень хорошее. Иконы очень хорошие, старинные. Есть и современные, но в основном все старинные. Я вот там была, на праздник там была и конечно просто душа радуется <...>. Ну можно сказать, что любимая, может потому что я ничего лучшего не видела. Вот. Но для меня, я вот настолько довольна, я вот даже говорю, что даже там, на исповеди была, потому что меня в ней крестили (Инф. 5).

Не вызывает сомнения тот факт, что церковь воспринимается как неотъемлемая часть города. Смыслы, которыми наделяется церковь в городском пространстве, зависят от многих факторов, связанных с самим сооружением, местом, социальными характеристиками жителей, в первую очередь, с их отношением к вере. Определенную роль играют архитектурный вид постройки, доступность и место расположения ее в городском пространстве. Отношение к храму определяет система культурных значений, ассоциируемых с городом, его историей, территорией, на которой он расположен. Во многом церковное сооружение осмысливается и оценивается как элемент собственно городской культуры, среды. В этом качестве как старинная, так и новопостроенная церковь должны в идеале придавать городу неповторимость, служить для создания его положительного образа.

Список информантов

Инф.1 – жен., 1959 г.р., жена священнослужителя.

Инф.2 – жен., 1958 г.р., прож. в г. Кировск, воцерковленная верующая.

Инф.3 – жен., 1983 г.р., домохозяйка, проживает в г. Апатиты, атеист.

Инф.4 – жен., 1971 г.р., лаборант, род. в г. Кировск, прож. там же, невоцерковленная верующая.

Инф.5 – жен., 1943 г.р., род в г. Вышний Волочек Тверской обл., воцерковленная верующая.

Инф.6 – муж., священнослужитель.

Инф.7 – муж., 1979 г.р., научный сотрудник, род. в г. Череповец Вологодской обл., с 2003 г. прож. в г. Апатиты, невоцерковленный верующий.

Инф.8 – жен., 1947 г.р., мл. научн. сотрудник, род. в Великом Новгороде, прож. в г. Кировск, атеист.

Инф.9 – муж., 1985 г.р., род в г. Петрозаводске, ученый-биолог, прож. в г. Апатиты, невоцерковленный верующий.

Инф.10 – жен., 1978 г.р., преподаватель, проживает в г. Апатиты, уроженка г. Боброва Воронежской области, невоцерковленный верующий.

Инф.11 – жен., 1977 г.р., род. в г. Кировск, прож. там же, атеист.

Опубликованные источники

Галина С. В нашем храме я чувствую благодать // Православная газета. 2000. № 10, октябрь. С. 4.

Список литературы

Ахметова М. В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ; РГГУ, 2010. 336 с.

Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 231 с.

Давыдова А. С. Религиозные практики и представления молодежи Мурманской области как индикатор отношения к вере // Вестник МГТУ. 2012. Т. 15. № 1. С. 254-258.

Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 239 с.

Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии) Ю. Ц. Тыхеева // Московский гуманитарный университет. 2007. URL: <http://www.mosgu.ru/http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/professor.ru/Tyheeva/>.

Сведения об авторе

Давыдова Алена Сергеевна,
младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Davydova Alyona Sergeyevna,
Junior Research Fellow of Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS.

УДК 271.2(470.21)

Я. В. Обухов

**ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ КАНДАЛАКШИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ ГОРОДА***

Аннотация

В статье рассматриваются особенности религиозной жизни г. Кандалакши в советский период. Осуществлен анализ текстов интервью, записанных жительницей г. Кандалакши Конева Валентиной Ивановной в период с 2004 по 2008 гг. и содержащихся в фондах ее личного архива. Выявлены типичные сюжеты в воспоминаниях старожилов города.

Ключевые слова:

воспоминания, личный архив, религиозная жизнь, советский период.

Ya. V. Obuhov

**THE HISTORY OF RELIGIOUS LIFE IN THE MEMOIRS OF THE LONG-STANDING
INHABITANTS OF KANDALAKSHA DURING THE SOVIET PERIOD.**

Abstract

This article concerns the features of religious life in the town of Kandalaksha during the Soviet period. Here we analysed the texts of the interview which were recorded by Koneva Valentina Ivanovna, the inhabitant of Kandalaksha, in the period from 2004 to 2008. Her personal archive contains these texts. We found out some common plots in the memoirs of the the long-standing inhabitants of the town.

Key words:

memories, personal archive, religious life, Soviet period.

На протяжении столетий своего существования Кандалакша являлась одним из центров религиозной жизни Кольского полуострова. Первая церковь Иоанна Предтечи в Кандалакше возникла еще в 1526 г., а к середине XVI в. на левобережье р. Нивы появился монастырь. К 1575 г. он имел «церковь Николы Чудотворца да два придела: Петр и Павел да Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев; да теплую церковь Рождества Пречистые

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

Богородицы, а в церкви образы и книги да колокол один строение царя и великого князя, а три колокола поставил строитель того же монастыря» [Ушаков, 1995: 118]. История Кандалакшского монастыря связана с многочисленными разорениями и пожарами, которые во многом привели к его окончательному закрытию в середине XVIII века [Никонов, 2011].

К началу XX в. в Кандалакше имелось две действующие церкви: церковь Иоанна Предтечи, возведение которой относится к периоду с 1786 по 1801 гг., и Церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в 1865 году на месте разрушенной в ходе англо-французского десанта во времена Крымской войны [ГАМО. Ф. 20-и. Оп. 1. Д. 121. Л. 9]. Удивительно, но в первые десятилетия советской эпохи обе церкви продолжали функционировать. И лишь в 1940 г. решением исполкома Мурманского совета депутатов трудящихся обе церкви были закрыты:

Учитывая ходатайство большинства населения села Кандалакши – церкви закрыть, с использованием церквей на большой стороне <Иоанна Предтечи – Я. О.> – под стационарный кинотеатр, а на малой стороне <Рождества Богородицы – Я. О.> – под районный клуб [ГАМО в г. Кировске. Ф. 146. Оп. 2. Д. 89. Л. 315].

Однако сам факт передачи церквей под места общественного пользования говорит о хорошей сохранности помещений церквей. В связи с этим из немногочисленных документальных источников 1920-х – 1930-х гг. следует отметить несколько грамот архиепископа Архангельской и Холмогорской епархии, отмечающих заслуги ряда жителей Кандалакши в сохранении и поддержании хорошего состояния храмов села. [ГАМО. Ф. и-20. Оп. 1. Д. 117. Л. 50а]. Факт хорошего состояния церквей Кандалакши и следы регулярного ремонта отмечаются в ежегоднике Карельского государственного музея за 1928 г. [Карелия: Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 г., 1930]. Но после закрытия церкви постигла печальная судьба. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы была снесена в 1942 г., предположительно ввиду того, что являлась ориентиром для немецких бомбардировщиков. Церковь Иоанна Предтечи, ставшая кинотеатром, впоследствии была передана Кандалакшскому заповеднику, а после пожара была окончательно разобрана.

Период с конца 1930-х – начала 1940-х гг. открывается нам не только в документальных источниках, но и в воспоминаниях старожилов г. Кандалакша. Следует отдельно поблагодарить Коневу Валентину Ивановну, чей личный архив содержит помимо архивных документов также и записанные тексты интервью с жителями Кандалакши, многие из которых были свидетелями закрытия церквей и их дальнейшей судьбы. Приведенные ниже фрагменты воспоминаний записаны самой В. И. Коневой со слов жителей в период с 2004 по 2008 гг.

Большой интерес представляют воспоминания старожилов, заставших старые церкви не только целыми, но и функционирующими:

Церковь у нас была, как чайка над водой, красивая. Сколько в ней было книг, икон до потолка, оклады на них как золотые [Воспоминания Фоминой С. Н.].

Ценным источником является копия записанной в 1972 г. аудиозаписи интервью (хранящейся в Кандалакшском городском музее) с бывшим председателем Кандалакшского сельского совета Арефьевым М. В., который являлся не только участником работы по закрытию церквей, но и свидетелем ареста последнего священника церкви Иоанна Предтечи Миролюбова Ф. М.:

Как раз его <о священнике Миролюбове – Я. О.> мне приходилось участвовать, когда его взяли НКВД. Ночью приезжали ко мне на квартиру, со мной, взяли меня и говорят, ведите нас, где поп живет. Приехали, постучались к нему, открыл он двери, сделали обыск, посмотрели все его документы и увезли на машине в Кировск [Воспоминания Арефьева М. В.].

Стоит отметить, что священник Миролюбов был осужден по статье 58-10 УК РСФСР и приговорен к ссылке в Красноярский край сроком на пять лет. Респондент отмечает также, что закрытие церквей было сопряжено с определенными трудностями:

Проводили большую работу среди всех. Здесь была индивидуальная работа. С каждым переговорили, каждый расписался за закрытие или против закрытия [Воспоминания Арефьева М. В.].

И даже после ареста священника и проведенной предварительной работы процесс запланированного переоборудования церковных помещений двигался медленно:

А монахиня, которая жила в церкви, так и осталась. Нам еще ключей не дали, и когда увезли попа, перестали вести службы, монахиня там и двадцатка командовали что хотели и как хотели. А потом уже позднее нам дали право открыть и монашенку выселили [Воспоминания Арефьева М. В.].

Вероятнее всего, этой монахиней была одна из трех монахинь Соловецкого монастыря, которые, по воспоминаниям другой мемуаристки, проживали в Кандалакше вплоть до начала Великой Отечественной войны:

Моя тетя Шаверина Глафира Васильевна, Ефремовна Анна и Осенникова Мария Павловна - монахини Соловецкого монастыря в 1918-1919 году приехали в Кандалакшу на пароходе сдавать рыбу. В это год в Кандалакше хозяйничали англичане. Монахини попали к ним в плен и остались жить здесь [Воспоминания Бачуринской Л. А.].

С одной из этих монахинь связана замечательная история, содержащая ранее уже встречавшийся в связи со строительством Казанской церкви в городе Кировске сюжет «хождения» к правителю [Давыдова, 2015: 150]. Несмотря на то что данный случай относится к другому региону, бытование самой истории наблюдается именно в Кандалакше:

Стали повсюду церкви закрывать, закрывали и в Кировской области. Глафира Васильевна ездила в Москву к Ленину хлопотать, чтобы открыли церковь. Она была у Ленина на приеме [Воспоминания Бачуринской Л. А.].

Несмотря на утверждения председателя Кандалакшского сельского совета о том, что более 90 % населения села Кандалакша голосовало за закрытие церквей, даже он – политически ангажированный человек – отмечает, что процесс переоборудования церквей проходил не без противодействия со стороны населения:

Кругом этой церкви женщин, старух набегало полно – кто ругает, кто плачет [Воспоминания Арефьева М. В.].

История еще одной информантки – дочери председателя Арефьева М. В. – содержит мотив принуждения, широко распространенный в историях закрытия церквей:

Мы жили за рекой. Мой отец работал в колхозе. Пришли к нему два КГБэшника поселковых:

- Арефьев, вы должны сломать церковь!

- А что народ скажет?!

- А вы не спрашивайте.

Наставили на него два дула пистолета.

- Выбирайте: или будете жить или умрете как предатель

[Воспоминания Шадринной (Арефьевой) Р. М.].

В данном случае принуждение осуществляется с помощью оружия, и тем самым разрушение церкви представляется возможным и оправдывается только в критической ситуации, угрожающей жизни. Таким образом, мы имеем две интерпретации действий одного человека. Сам Арефьев в записи 1972 года не упоминал о каком-либо порицании или неодобрении действий властей со своей стороны, более того, представлялся одним из непосредственных и активных участников кампании по закрытию церквей. Конечно, текст 1972 года вряд ли мог содержать иные сюжеты, учитывая политический контекст того времени. После разрушения церкви Рождества Богородицы, по воспоминаниям дочери Арефьева, он испытывал глубокое эмоциональное потрясение от содеянного:

Был у отца нервный срыв. Переболел он тяжело, но поправился

[Воспоминания Шадринной (Арефьевой) Р. М.].

Воспоминания о людях добровольно или же принудительно участвовавших в разрушении кандалакшских церквей, в историях старожилов тесно связаны с сюжетом «воздаяния», даже в описанном выше случае, несмотря на принуждение и последующее раскаяние в совершенном:

Мать мне про отца рассказывала, что когда он заболел, стали у него руки трястись. В больнице ему ничего не говорили. Потом начали трястись ноги, потом весь стал трястись. У него свело руки, ноги и всего согнуло. Умер он в 75 лет. Мать мне говорила, что это ему Божье наказание [Воспоминания Шадринной (Арефьевой) Р. М.].

Стоит отметить, что тема воздаяния за грехи, особенно в контексте историй о разрушении храмов, широко распространена в религиозном фольклоре XX века [Шеваренкова, 2004: 67]. Более того, подобные мотивы уже встречались в опубликованных материалах и исследованиях по истории Кандалакши, в частности, в изданной в 2013 г. в Апатитах «Истории семьи Жидких на фоне поморской культуры». Материалы по истории поморской семьи Жидких, собранные Галиной Федоровной Белошицкой (Жидких), чьи воспоминания также присутствуют в архиве В. И. Коневой, касаются разных социально-исторических и бытовых аспектов жизни Кандалакши, в том числе и судьбы церквей [История семьи Жидких, 2013: 23].

Несмотря на закрытие обеих церквей в Кандалакше, религиозно-обрядовые практики сохранялись. Старожилы города упоминают множество случаев крещения на дому. Чаще всего приглашался для этих целей священник из Кировска. В связи с этим часто вспоминают о Илье Кутузова:

Батюшка Илья когда приезжал в Кандалакшу, останавливался у т. Нюры. К Александре Николаевне он приходил в гости. У нее он меня и крестил [Воспоминания Нерядихиной Г. И.].

Упоминается и другой священник, который жил в Кандалакше на протяжении нескольких лет и крестил людей. Однако респонденты не смогли

вспомнить его имени, также и в иных источниках не удалось найти упоминаний о нем:

Священник жил в Дворниковом доме рядом с нами. Дворниковы жили в старом доме. Детей крестили в Карташевском доме. <...> К нему < к священнику – Я. О. > домой не ходили. Вечером, когда стемнеет, приходил батюшка в гражданском, потом переодевался [Воспоминания Тарасовой Р. А.].

Особо интересен тот факт, что мы имеем несколько описаний этого священника и его семьи, но его дальнейшая судьба и место проживания в Кандалакше во многих трактовках разнятся. Неопределенность сведений, различие биографических версий, а также тот факт, что данный священник не имел официального прихода, сделали из него полумифическую фигуру. К его образу начали добавляться характерные традиционные черты:

Бывало идем, увидит ромашку, подойдет:

- Это же лекарство, ангина или чего [Воспоминания Тарасовой Р. А.].

Мотив собраний для молитв в частных домах или других местах часто встречается в рассказах, относящихся к советскому периоду, но гораздо реже упоминается конкретное место таких собраний. Однако в памяти некоторых жителей Кандалакши подобное место сохранилось:

В том месте, где старый мост через Ниву был, на горе был дом. Старушка жила, по виду она была из монастыря. У нее было много икон, лампадки. Мама меня туда водила молиться [Воспоминания Наумовой М. Б.].

Кроме сакральных мест, возникших в отсутствие церквей, в воспоминаниях жителей присутствуют и люди, формально не имеющие духовного образования, но, в некотором роде, заменяющие священнослужителей. Отмечается даже проведение таинств, таких как крещение, без присутствия священника:

Варвара Карпова проживала в Кандалакше в 1950-х годах. Была глухая. Она крестила людей на дому, так как церкви уже не было [Воспоминания Алексеевой Л. М.].

Существование подобных неформальных религиозных лидеров, появившихся в период советской власти, рассматривалось, в частности, в работах Е. Е. Левкиевской [Левкиевская, 2015]. Активная религиозная позиция упомянутой Варвары Карповой находит свое отражение и в архивных источниках, которые ранее уже рассматривались О. В. Грашевской при изучении религиозной обстановки в Кандалакшском районе в советский период [Грашевская, 2007]. В одном из документов находим такое свидетельство:

Мать коммуниста тов. Карпова ходит по городу, вербует верующих и распространяет религиозный туман среди населения [ГАМО. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 306. Л. 121].

В рассказах жителей часто встречаются упоминания об иконах в домах. Во многом это связано с тем, что ко времени переоборудования церковью значительная часть церковной утвари была вынесена местными жителями и тем самым фактически спасена от уничтожения во время закрытия

В 1950-х годах на Нижней Кандалакше во многих домах были иконы. <...> Никто не говорил, чтобы иконы убирали. Никто не притеснял, за то, что иконы находились дома. Гонений за иконы не было [Воспоминания Белошицкой (Жидких) Г. Ф.].

Впрочем, мотив отсутствия гонений не так часто встречается в воспоминаниях жителей. Даже при отсутствии упоминаний о конкретных случаях наказания на их реальную возможность и соответствующую практику указывает факт, что многие жители прятали иконы. Особенно отмечается период 1960-х гг., связанный с очередной антирелигиозной кампанией:

В домах у всех жителей в домах были иконы. После войны в 40-х годах ходили по домам и проверяли, чтобы икон не было. В 50-х годах у нас на кухне висели иконы, но в 60-е годы мы их убрали и хранили в подполе [Воспоминания Трушниной А. И.].

Факт сожжения икон многократно упоминается в воспоминаниях старожилов, так же, как и реакция некоторых жителей (женщин), бросившихся их спасать:

В нашей церкви иконы были большие. Я со школы иду. Вижу – костер большой, они горят, рядом книги валялись церковные. Наша бабушка, лезет в огонь, руки обожжены [Воспоминания Тарасовой Р. А.].

Примечательно, что в рассказах о разрушении церкви вновь встречается известный сюжет об утопленных колоколах:

Одна женщина рассказывала, что когда колокол снимали, он покотился по камням и упал в расщелину в море в тихую погоду. На лодке подъедем – была видна какая-то деталь от колокола [Воспоминания Нерядихиной Г.И.];

Помню, колокола с церкви за рекой перевозили на лодке на эту сторону. Они с лодки упали, часть или все утонули, не знаю [Воспоминания Иванова А. В.].

Содержание данных текстов коррелирует с фольклорными мотивами преданий Русского Севера, связанных с историческими эпизодами разорения монастырей и церквей внешними врагами. Однако подобные эпизоды всегда относились к периоду крымской войны и нападением англичан на северные русские прибрежные поселения или же к более ранним временам. В приведенных примерах повествуется о 1940-х годах, и затопление колоколов преподносится в качестве живых воспоминаний от лица свидетелей самих событий. Этот мотив появлялся также в легендах о разорении Кандалакшского монастыря [Криничная, 1991] и прочих церквей в окрестностях Кандалакши [Обухов, 2015].

Примечательно, что все рассмотренные выше воспоминания сама составительница архива В.И. Конева уже пыталась сопоставлять с архивными данными и во многих случаях успешно. Нужно признать, что при этом устный текст воспринимался зачастую исключительно в фактологическом ключе, в то время как одной из целей нашей работы стал скорее поиск сюжетов, которые можно соотнести с северной русской устной традицией. То, что они находятся, лишь повышает ценность материалов личного архива В. И. Коневой, в частности, воспоминаний местных жителей, многие из которых ввиду понятных естественных причин уже не смогут быть записаны вновь.

Архивные источники

ГАМО. Ф. П-1. Оп.5. Д. 306. Л. 121.

ГАМО. Ф. и-20. Оп. 1. Д. 117. Л. 50а.

ГАМО в г. Кировске. Ф. 146. Оп. 2. Д. 89. Л. 315.

ГАМО. Ф. и-20. Оп. 1. Д. 121. Л. 9.

Личный архив Коневой В. И., Кандалакша, Воспоминания жителей Кандалакши.

Личный архив Коневой В. И., Кандалакша, Священники на Нижней Кандалакше.

Личный архив Коневой В. И., Кандалакша, Церковь Рождества Богородицы.

Список литературы

Грашевская О. В. Религиозная обстановка и положение Русской православной церкви в Кандалакшском районе в советский период (1917-1988 гг.) // Преподобный Феодорит Кольский и его духовное наследие. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции «Первые Федоритовские чтения», посвященной 480-летию основания Кандалакши. СПб., 2007. С.102-120.

Давыдова А. С. История храмов города Кировска в устных преданиях // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 1. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. С. 146-161.

История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г.Ф. Белошицкой / Общ. ред. и вступительная статья И. А. Разумовой. Подготовка текстов, составление и комментарии О. В. Змеевой, И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 184 с.

Карелия: Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Петрозаводск: Изд-е Карельского государственного музея, 1930. 154 с.

Криничная Н. А. Предания Русского севера. СПб: Наука, 1991. 328 с.

Левкиевская Е. Е. «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М.: ИЭА РАН, 2015. С.10-34.

Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI-XVIII вв.: исследования и материалы: [в 2 частях]. Ч. 1: Очерки истории. Мурманск: МГГУ, 2011. 324 с.

Обухов Я. В. Личный архив как важнейший источник исторических данных. История Никольской церкви с. Ковда по данным личного архива В.И. Коневой // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. Вып. 7. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. С. 183-190.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере в досоветский период // Региональные программы основных и дополнительных курсов по религиоведению. Мурманск, 1995. С. 111-145.

Шеваренкова Ю. М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород: Растр-НН, 2004. 214 с.

Сведения об авторе

Обухов Яков Валерьевич,
аспирант Кольского научного центра РАН

Obuhov Yakov Valerievich,
post-graduate of Kola Science Centre RAS

УДК 397(=511.12)(09)

А. А. Зайцев

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ СААМИ БАБИНСКОГО ПОГОСТА: ОТРАЖЕНИЕ В АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ*

Аннотация

Делается попытка дать общее описание религиозных процессов в среде саами Бабинского погоста через призму окружающих факторов, оказывающих влияние на духовную жизнь народа. Определяется круг проблем для будущего изучения.

Ключевые слова:

саами, религиозные процессы, Бабинский погост, рыболовство, клировые ведомости, православие, Кандалакшский приход, дохристианские верования саами, финские колонисты, лютеранство, приход в Куолаярви.

А. А. Zaytsev

THE RELIGIOUS PROCESSES TYPICAL OF THE SAMI, THE BABINSKY POGOST: AS REFLECTED IN ARCHIVE MATERIALS AND LITERATURE

Abstract

An attempt is made to give a general image of the religious processes typical of the Sami, the Babinsky pogost, in the light of the factors determining the Sami's spiritual life. The range of the problems is identified for the further study.

Key words:

The Sami, religious processes, Babinsky pogost, fishery, clerical registers, Orthodox Christianity, the Kandalaksha parish, the Sami's pre-Christian religion, Finnish colonists, Lutheran Christianity, the Kuolajrvi parish.

В данной статье ставятся задачи дать общее описание религиозных процессов в среде бабинских саами от истории до современности, которые требуют отдельного изучения для определения круга проблем. Эти задачи осуществляются через рассмотрение источниковой базы и литературы в соответствии с такими аспектами, как название общины, ее географическое положение и ландшафт, хозяйственно-промысловая жизнь, место Бабинского погоста в церковно-приходской системе Российского государства, ликвидация погоста в результате политики советской власти по укрупнению населенных пунктов и коллективизации. Немаловажное место в изучении религиозных процессов в среде данной группы саами занимает тема соседства с финскими поселенцами на реке Ена, а также близость с границей Финляндии.

Источники и литература

Архивные документы. В качестве источника по истории Бабинского погоста были использованы клировые ведомости Кандалакшского прихода за период 1829-1905 гг., которые оформлены в подшивку в виде книги и скреплены печатью Архангельской духовной консистории. Хранится данный источник в фондах Мурманского областного краеведческого музея в научно-вспомогательном фонде в коллекции «Документы» [МОН НВ 2029/25 ПИД].

* Прим. ред.: материал был представлен на научной региональной конференции «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

Были также использованы клировые ведомости из фондов Государственного архива Мурманской области [ГАМО. Ф. И-17. Оп.1. Д. 6, 12, 13, 15; ГАМО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2, 3].

Клировые ведомости являются одним из важных источников по истории православных приходов и представляют собой массовый источник. Данный документ – это ежегодный отчет местного приходского духовенства в консисторию о состоянии прихода на прошедший год. Как отмечают В. Н. Владимиров и М. Е. Чибисов, за весь период применения (с 1763 по 1918 гг.) клировые ведомости один раз кардинально изменялись по форме [Владимиров, 2006: 25-35; Чибисов, 2006: 118]. Так, на Кольском Севере с 1782 по 1828 гг. (иногда до начала 1840-х гг.) они состояли из одной части, которая представляла собой послужной список духовенства по приходу. А с 1829 по 1918 гг. (редко до 1928 или 1934 гг.) состояли из трех частей: ведомость о церкви, послужной список духовенства и ведомость о прихожанах [Зайцев, 2013: 232-236].

Для нашей работы представляет интерес третья часть клировых ведомостей Кандалакшского прихода – ведомость о прихожанах. В ней учитываются количество дворов, численность мужского и женского населения, приводится состав населения: социальный («духовные», «крестьяне» и др.), этнический («лопари») и конфессиональный («православные», «инославные», «иноверцы» и «раскольники»); указывается расстояние от населенных пунктов (в данном случае Бабинского погоста) до приходской церкви в Кандалакше (измеряемые в верстах¹³), а также характеризуются препятствия в сообщении с удаленными селениями. Особый интерес представляет клировая ведомость за 1905 г., поскольку в ее первой части – ведомости о церквях – содержится информация о построенной в 1903 г. часовне в Бабинском погосте [МОМ НВ 2029/25 ПИД].

Опубликованные источники. Среди опубликованных документов, отражающих различные стороны жизни саамского народа, в том числе и религиозные процессы, можно отметить документ «Кольского острога соборного священника Алексея Симонова тетради с отчетом о поездке его по государеву указу¹⁴ по Лопским погостам для уничтожения у лопарей язычества и воссоединения их к православной церкви»¹⁵ (13 ноября 1681 г. – 26 апреля 1682 г.). Данный источник состоит из 15 листов и хранится в Российском государственном архиве древних актов: фонд 137 «Боярские и городовые книги», опись 2, дело 114. Он был впервые опубликован А. Ю. Жуковым [Жуков, 2004: 298-304]. Кольский соборный священник Алексей Симонов, совершивший длительную поездку по саамским погостам Кольского уезда в указанный период времени с целью «уничтожения у лопарей язычества и воссоединения их к православной церкви», на втором листе приводит список вопросов к саамам:

1. *«крещены ли оне, лопари, во имя Отца и С(ы)на и С(вя)таго Духа»*
2. *«ведают ли проповедь с(вя)того Еванг(е)лия»*
3. *«не держат ли каких богоотступных обычаев»*

¹³ 1 верста состояла из 500 сажений, или 1500 аршинов, что приблизительно равняется 1066.8 м или около 1.067 км.

¹⁴ Государь – Федор Алексеевич Романов.

¹⁵ Озаглавлено архивистом.

4. *«не делают ли чести водам»*
5. *«не приносят ли жертв и идолопоклонства огню, кусту, камению и древам, иных волхований прежних»*
6. *«не ядят ли мертвечины, крови и удавленины изверьми, и птицею убитого и иных мерзостных нечистот и идоложертвенных»* [Жуков, 2004: 298-299].

Проводя опрос среди саамов Кольского уезда, священник не прошел мимо ни одного погоста. Посетил он и Бабинский погост.

Разумеется, вышеприведенных источников недостаточно для полного понимания особенностей религиозных процессов в среде как бабинских саами, так и других групп российских саами. Требуется проведение отдельной работы по поиску, выявлению и анализу письменных источников в архивных и музейных фондах.

Литература. О. А. Бодрова выводит общую тенденцию в позиции русской этнографической литературы второй половины XIX – начала XX веков, которая заключается в том, что «религиозное состояние кольских саамов является одним из важнейших показателей уровня их культурного развития». Авторы «акцентируют внимание на языческих пережитках в саамской среде, религиозной незрелости и недостаточном понимании христианских идей» и большинство из них «полагают, что обращение саамов в христианство немало способствовало их “эволюции” в том числе в хозяйственном отношении» [Бодрова, 2014: 122].

В 1980 г. под редакцией Г. М. Керта был опубликован сборник «Саамские сказки», составленный Е. Я. Пация, содержащий в себе 173 фольклорных текста, 4 из которых записаны в совхозе «Ена» и переведены Г. М. Кертом и П. М. Зайковым с бабинского диалекта. Сюжеты под номерами 19, 20, 21 были рассказаны в 1972 г. Д. К. Сергиным и являются вариантом сюжета 14 (спасая деревню, саами-проводник обманул и одолел разбойников) [Саамские сказки, 1980: 20-30]. Сюжет 74 был рассказан в 1972 г. И. К. Черных и представляет вариант сюжета 73, по которому некто Колдальш похитил женщину, муж которой искал ее и нашел, с помощью хитрости и волшебной трубочки они обманули и убили Колдальша и его семейство, и таким образом муж спас жену. Рассказчик не дает описания Колдальша и его семейства, сообщает только, что они жили в берлоге и питались сырым мясом [Саамские сказки, 1980: 75-76]. Данные сюжеты основываются на мотивах использования хитрости и смекалки.

Следует отметить, что большинство исследователей, например, Н. Н. Харузин, В. В. Чернолуский, Н. Н. Волков и другие, которые так или иначе в своих трудах затрагивали вопросы, связанные с духовной жизнью саамского народа, делали попытки дать общую характеристику религиозных представлений российских саами. Однако при этом далеко не всегда выделяются какие-либо локальные особенности этих верований. О них можно судить только исходя из информации о тех местах, где побывали исследователи, и из анализа собранных ими полевых материалов, главным образом, неопубликованных. Далеко не во всех опубликованных работах можно встретить какие-либо заметки или отсылки к религиозным верованиям саами Бабинского погоста. Поскольку этот погост зачастую выпадает из поля зрения этнографов-исследователей (исключение составляют филологи Г. М. Керт и П. М. Зайков),

то важное значение для изучения духовной культуры бабинских саами приобретают работы местных краеведов Т. П. Толстой (г. Ковдор), О. А. Криквивцевой (с. Ена) и Л. В. Цветковой (п. Риколатва).

Общая характеристика

Как отмечает П. М. Зайков, «ahkelsaamea» – самоназвание бабинских саамов, населенный пункт которых традиционно назывался «Бабинский погост», что в свою очередь явилось калькой с саамского самоназвания «Ahkelsijjt» (Ахкельсиййт), в советское время – погост Бабино (по-фински – Akkala, упразднен в 1938 г) [Зайков, 1987: 5-18]. М. Г. Кучинский сообщает другие варианты названия Бабинского погоста: Бабинец, Бабиничи, Бабенск, Бабенгский. «Название происходит от агнионима. Русское название является калькой с языка саами, обозначающего одно из основных божеств их языческого пантеона. Возможно, название сийита происходит от гидроагнионима – оз. Бабенская Имандра: баб. саами *Ахьккель-сийит*, датс. *Achild*» [Кучинский, 2007: 121].

По мнению П. М. Зайкова и других лингвистов, на которых он опирается, бабинские и экостровские (йокостровские) саамы составляют бабинский диалект саамского языка, поскольку экостровские саамы «жили рядом с бабинскими в погосте Йокостров» и «оба погоста были расположены на южном берегу озера Имандра Кольского полуострова» [Зайков, 1987: 5-18]. Точное местоположение Бабинского сийита («погоста Бабино») указал В. К. Алымов в 1927 году – 67° 30' с.ш. и 31° 50' в.д., отметив, что данная группа саамов наряду с гирвасскими, южной ветвью нотозерских и ловозерскими занимают «наиболее высокие места» [Алымов, 1930: 74]. Как отмечает М. Г. Кучинский «в настоящий момент [бабинского диалекта] носителей не осталось» [Кучинский, 2011: 122].

Как пишет большинство авторов, Бабинский погост известен с XVI в. и традиционно относится к кончанской лопи [Харузин, 1890: 14-54; Алымов, 1927: 9; Кучинский, 2007: 121], и как отмечает М. Г. Кучинский, впервые упоминается в грамоте Василия III от 151-1517 гг., а также – во всех «переписях более позднего времени» [Кучинский, 2007: 121, 2008: 111].

По мнению ряда авторов, **хозяйственно-промысловая деятельность** указанной группы саамов была напрямую связана в основном с рыболовством, меньше с оленеводством и охотой. Так, В. К. Алымов (предварительно проведя с 1923 по 1929 гг. полевую и архивную работу) пишет, что бабинские саамы «и лето, и зиму проводят в глубине полуострова, располагаясь летом на озерах, а зимой – в погостах или зимних «жительствах», и «наиболее высокие места занимают» [Алымов, 1930: 75]. Н. Н. Волков, работавший над сбором полевого материала в 1935-1940 гг., отмечает, что «значение озерного рыболовства соответствует значению оленеводства» [Волков, 1996: 24-31], а «охотой в небольшом количестве саамы занимались повсеместно <...>. Осенью охотятся на водоплавающую и бобровую дичь, зимой – на пушных зверей: *западные – на куницу, лису, росомаху и горностаю*, восточные – на песца белого и голубого, росомаху и лисицу» [Волков, 1996: 31-35]. П.М. Зайков, проводивший полевую работу совместно с Г. М. Кертом в Ене с 1971 по 1974 гг. [Криквивцева, 2005: 6], в своей монографии пишет, что «по всем признакам бабинские саамы относятся к саамам рыболовам» чей жизненный уклад «предполагал замкнутые миграции по рекам и озерам и продолжительное проживание отдельными семьями»

[Зайков, 1987: 5-18]. «Все это наложило отпечаток на их язык, что проявляется, во-первых, в хорошо развитой рыболовецкой терминологии, во-вторых, в существовании специфических «семейных» черт, проявляющихся на всех уровнях языка» [Зайков, 1987: 5-18].

Исследователями отмечаются качественные изменения в области народного хозяйства с конца 1920-х гг., связанные с началом социалистических преобразований, в частности, с коллективизацией в Советском Союзе: «Привычный хозяйственный уклад в жизни бабинских саамов был значительно изменен в период коллективизации, когда на Кольском полуострове создавались оленеводческие и рыболовецкие колхозы» [Зайков, 1987: 5-18]. Так, помимо работы на фермах бабинские саами «участвуют в лесоразработках, на лесосплаве, работают в качестве мотористов на моторных ботах» [Волков, 1996: 101-105]. Относительно частной собственности Н. Н. Волков сообщает, что «с 1930 года по 1934 год было проведено ягеле-водоустройство территории Мурманского округа», чем «было покончено с правами на родовую собственность» [Волков, 1996: 10-105]. Как сообщает П. М. Зайков, «в результате укрупнения сел многие саамские погосты исчезли», в частности, бабинские саамы проживали в своем погосте до переселения в Ену в 1937-1938 гг., «где создавался оленеводческий колхоз» [Зайков, 1987: 5-18]. Другие авторы, в частности, канадские исследователи М. П. Робинсон и К.-А. С. Кассам, проводившие полевую работу во второй половине 1990-х гг., акцентируют внимание на негативных последствиях коллективизации и, позже, перестройки для данной группы саамов, так как, по их мнению, был разрушен традиционный уклад народа, что отмечалось авторами в исследуемое время [Робинсон и др., 2000: 50-55, 80-83].

В области народного образования для Бабинского погоста ситуация была следующей: до 1927 г. не было никаких учебных заведений, и только в указанном году была открыта начальная школа, в которой «вместе с рабочими лесозаготовительного участка обучались саамы Бабинского погоста», где образование велось на русском языке [Куварзин, 1935: 3; Толстова, 1997: 7]. А в 1937-1938 гг. саами были переселены в село Ена, и «весной 1941 года сельский совет был переведен в Ену и стал называться Енский» [Толстова, 1997: 7-8]. И, как следует из этого, школа прекратила свою работу. С конца 1930-х гг. бабинские саамы были включены в систему образования села Ена.

Особый интерес для изучения представляет история села Ена, так как данный населенный пункт был основан финскими поселенцами из Улеаборгской губернии Финляндии, лютеранами по вероисповеданию, приблизительно в 1840-х – 1860-х гг. на территории традиционно саамских угодий [Немирович-Данченко, 1877: 52-55; Толстова, 2007: 2; Криквивцева, 2005: 4-8]. Енский краевед О.А. Криквивцева, ссылаясь на семейный список крестьян Кольско-Лопарской волости за 1901 г., отмечает, что «первым финном, оставшимся на постоянное жительство в Ене на берегу Кохозера, был «самовольно поселившийся в 1857 году финляндец» Эсса Соткярви (Исаак Матвеевич)» [Криквивцева, 2005: 5]. Несмотря на то что с самого начала истории Ены возникали смешанные финско-саамские семьи, финская община держалась от всех обособленно [Толстова, 2007: 3; Криквивцева, 2005: 5-8]. На обособленность финских колонистов также указывает и В.И. Немирович-Данченко [Немирович-Данченко, 1877: 52-55]. Финские жители деревни на реке

Ена были прихожанами кирхи в городе Куоляярви, где крестились, венчались и совершали похороны [Криквивцева, 2005: 6]. В дореволюционное время дети финских колонистов обучались грамоте в семьях [Немирович-Данченко, 1877: 55], а позже «в 1922 году в Ене построили школу, обучение в которой велось на финском языке до 1937 года» [Криквивцева, 2005: 10]. С 1937 г. образование велось на русском языке.

На выше приведенном фрагменте карты видно месторасположение Бабинского погоста и села Ены, Кандалакши и Куоляярви. Здесь также отображена российско-финская граница, какой она была с дореволюционного времени до 1940 года¹⁶. Приблизительное расстояние от села Ена по прямой линии до государственной границы 37 км, от Бабинского погоста – примерно 60 км, от Кандалакши – примерно 70 км, от Куоляярви – примерно 55 км. А расстояние между населенными пунктами по прямой линии: от Бабинского погоста до села Ена примерно 30 км, от Куоляярви до Ены примерно 105 км, от Кандалакши (Старой Кандалакши) до Бабинского погоста примерно 50 км. Приграничное положение Бабинского погоста и данные расстояния показывают возможность влияния финской культуры на культуру саамского народа. А после переселения саамов в село Ена в конце 1930-х гг. это саамско-финское взаимовлияние усилилось, как и влияние русской культуры на оба народа. Здесь немаловажное значение имела советская пропаганда и идеология.

Вышеприведенные факторы оказывали влияние на религиозные процессы в среде бабинских саами.

Религиозная ситуация

Определение религиозной ситуации в среде саами Бабинского погоста представляется непростым в связи с малым количеством источников и с недостаточной исследованностью культуры этой этнической группы.

Более раннее сообщение о религиозной жизни бабинских саами дает в своих тетрадах священник Алексей Симонов. На десятом листе тетрадей он сообщает следующее:

«Февраля в 4 де(нь), выслушав великог(о) г(о)с(у)д(а)ря указ, Бабенского погоста лопари староста Якунка Матфеев, Фомка Никулин, Сергушка Савельев, Терешка Фефилов, Юшко Ларионов, Петрушка Михайлов, Васка Дмитриев, Ивашко Аверкеев, Мишка Федоров, Мелешка Ондреев, Васка Никулин, Ивашко Савин, Герасимко Федоров, Матюшка Григорьев, Марчко Никулин и все лопа//ри з женами и з детьми по духовенству сказали: крещены де оне из давних лет, а обычаев хр(и)стианских и проповеди с(вя)того Евангелия не знают. А жертв никаких тварем не приносят. А кровь и удувленину ядят же» [Жуков, 2004: 302].

В данном случае остается неясным, что и как в действительности исповедовали бабинские саами. По документу очевидно и отсутствие проповеднической деятельности церкви (при том что саами были крещены «из давних лет»), и отрицание саамами совершения жертвоприношений, что, однако, не дает практически никакой информации о других сторонах их духовной жизни.

¹⁶По итогам советско-финской войны 1939-1940 гг. Финляндия утратила часть территории вместе с городом Куоляярви.

Далее Симонов сообщает о строительстве часовни в честь Иоанна Предтечи:

«И н(ы)не по указу великог(о) г(о)с(у)д(а)ря февраля в 10 де(нь) поставили оне, лопари, в погосте своем часовню во имя Иоанна Пр(е)дт(е)чи». [Жуков, 2004: 302].

В более поздних источниках (по крайней мере, среди тех документов, что выявлены на сегодняшний день) нет упоминания о данной часовне.

В другом источнике – клировых ведомостях Кандалакшского прихода за 1829-1905 гг. – сообщаются данные о численности населения в погостах, расстоянии погостов от приходской церкви и строительстве новой часовни. Также немаловажным является указание приходского духовенства на причины оторванности жителей Бабинского погоста от жизни прихода. Одной из причин названа дальность расстояния от приходской церкви. Так, в ведомостях за 1829-1848 гг. говорится, что Бабинский погост вместе с Экостровским (Екостровским) находится в 70 верстах. В ведомостях за 1849 и 1855 гг. данные ведомости о прихожанах не заполнены. Начиная с 1850 г. данные по погостам стали вноситься раздельно, и в ведомостях с 1850 по 1894 гг. также указано, что бабинский погост располагается в 70 верстах от приходской церкви. А с 1895 по 1903 гг. – в 50 верстах (только в ведомости за 1897 г. указано 60 верст), затем в ведомостях за 1904 и 1905 гг. Бабинский погост располагался в 75 верстах от приходской церкви [МОН НВ 2029/25 ПИД].

В качестве другой причины оторванности погоста отмечаются препятствия, которые неизбежно появляются на пути миссионера. Так, с 1829 по 1850 гг. в качестве основных препятствий указаны озера и гора, с 1852 по 1871 гг. главным препятствием выступают озера и, в частности, озеро Имандра, в 1853, 1856 гг. и далее стали указываться также и весенне-осенние распутицы и даже их продолжительность: «не бывает сообщения по месяцу и иногда по два». Затем, с 1873 по 1905 гг. указываются в качестве главных причин отсутствия сообщения весенне-осенние распутицы, длящиеся от одного до двух месяцев каждая [МОН НВ 2029/25 ПИД].

В клировой ведомости за 1905 г. приводится информация о строительстве новой часовни, которая была построена в 1903 г. в честь Трифона Печенгского «на средства и пожертвования Веркольского монастыря и частных лиц, с разрешения Преосвященного Иоанникия епископа Архангельского и Холмогорского от 10 января 1902 года за № 707». Деревянная часовня имела в длину 4 сажени и в ширину и в высоту по 2 ½ сажени. Стены часовни как внутри, так и снаружи были оструганы. «В Трифоновской часовне икон мало, а утвари и ризницы нет» и расположена от приходской церкви «в 75 верстах».

Надзор за часовней был доверен крестьянину Бабинского погоста Симеону Сергину [МОН НВ 2029/25 ПИД].

Особый интерес представляют графы «Дни в которые правятся службы церковныя и какия именно», где сообщается, что отправление церковных служб состоялось 2 января и 20 марта. Каждая служба включала в себя «Часы, Вечерня, Утренняя и Обедница с молебнами». То есть видно, что службы стали совершаться как минимум два раза в год [МОН НВ 2029/25 ПИД].

О дальнейшей судьбе этой часовни сообщает Т. П. Толстова. Она приводит рассказ местных жителей об односельчанине – мальчишке саами

Николае Сергине, который «срубил в 1933 году крест с часовни, построенной в 1903 г.», и сообщает, что жители «оправдывают его, мол, ему приказал кто-то из взрослых. Никто не помнит кто именно. Вспоминают только, что плакали старушки, а здание часовни использовали для сельского совета» [Толстова, 1997: 7-8]. Из того, что «плакали старушки», можно сделать вывод о том, что для старшего поколения бабинских саами православие было небезразлично, а значит, имело определенную ценность для народа.

Поскольку, как ранее было отмечено, саами жили в близком соседстве с финскими колонистами на реке Ена, следовало бы в общих чертах обрисовать духовную жизнь их соседей. Известно, что финны исповедуют лютеранское христианство, в котором важным является донесение Священного Писания до каждого члена общины, и, как следствие, грамотность населения приобретает особое значение. Так, В. И. Немирович-Данченко сообщает о финских поселенцах на реке Ена:

«Во всякой тупе у финна была библия. Все грамотны; мальчики ходят учиться к одному из братьев Сиппа» [Немирович-Данченко, 1877: 52-55].

О. А. Криквивцева сообщает о том, что енские финны были прихожанами кирхи в городе Куолаярви, где крестились, венчались и совершали похороны. Она также ссылается на финского историка-этнографа Рааво (или Пааво) Хаутала, который в своих очерках упоминает о том, что: «финский священник посетил Ену в 1869 году и был здесь три дня» [Криквивцева, 2005: 5-6]. После революционных событий и гражданской войны 1917-1920 гг. финское население села Ена оказалось отрезано от своего прихода. В результате потери финской стороной части своей территории в 1940 г. приход из Куолаярви был переведен в Новую Саллу, а старая кирха была разрушена в ходе боевых действий.

Как сообщает О. А. Криквивцева, финнами «почитались “силы земли” и “духи природы”». После захода солнца не разрешалось копать землю, тревожить «духов земли» и купаться в озере». «Наиболее почитаемым был верховный бог Укко, символизирующий гром и молнию (“ukko” – “старик”) и заботившийся о погоде и урожае». «Легенды рассказывают о красивой традиции праздновать Юханнус-пьявья (Иванов день), который приходился на 25 июня». Присутствовало также гадание на суженого [Криквивцева, 2005: 8].

Таковы отдельные сведения о духовной культуре у соседей бабинских саамов – енских финнов.

В *дохристианских религиозных верованиях* саами этнографы выделяют такие аспекты, как магическая практика (нойды и их деятельность), анимизм (вера в различных духов природы и духов предков) и фетишизм (поклонение сакральным объектам – сейдам, которыми могут быть необычные горы, скалы и камни) [Харузин, 1890: 134-236; Чарнолуцкий, 1972: 63-104; Волков, 1996: 72-79]. Иногда авторы отмечают наличие тотемизма (веры в происхождение народа от какого-нибудь животного – например, от дикого оленя) [Чарнолуцкий, 1965: 24-100, 1966: 301-315].

На данный момент говорить о каких-либо особенностях дохристианских верований или их остатках у бабинских саамов, отличающих их от других групп кольских саамов, пока не приходится. Правда, есть указание М. Г. Кучинского о происхождении названия Бабинского погоста (Ахкельсийт) от почитаемого там

божества [Кучинский, 2007: 121]. О. А. Криквивцева отмечает, что представление о мировосприятии и верованиях бабинских саамов дают «волшебнототемные сказки о гномах, русалках, былички и песни-ейки («Никогда не будем грести вслед за медведем», «Как черт под лодку влетел», «Что такое гром», «Чуойдахт», «Песня о зяте Прокопе», «Песня Парасьи», «Старик убил разбойника», «Русалка», «Как руцы пришли Мурманск брать», «Колдальпп и женщина», «Не гоняйте утят», «О гномах», «Моряк и русалка»), которые были собраны в результате полевой работы Г. М. Керта и П.М. Зайкова. Криквивцева указывает на наличие у бабинских саами верований в водяного хозяина и русалок [Криквивцева, 2005а: 7]. Другой автор-краевед – Л. В. Цветкова отмечает то, что на территории традиционного проживания бабинских саами можно встретить сейды, «особенно вблизи больших озер и рек, так как основным занятием местных жителей было рыболовство, менее развиты были охота и оленеводство», так как бабинские саами «не были исключением и также обожествляли “странные камни”». Она указывает на озера Имандра, Вадозеро, Сейто (где находится большой камень, по словам старожилов – сейд), Ташечное (местное название – Таточное, где находится «летучи камень»), Щучьи озера (в верховье речки Куропты) и ряд других как места, где есть такие объекты, как собственно сейды, рукотворные гурии – дорожные указатели. Цветкова сообщает, ссылаясь на рассказы саами Т. Ф. Цмыкайло и ее матери М. П. Сергиной, что «возле священных камней нельзя шуметь, даже рыбаки, проплывая мимо, поднимали весла». А также на существование запретов «выливать горячую воду на землю, поднимать и бросать камни вечером», так как «природа должна отдыхать ночью, независимо от того, что в летнее время солнце не заходит» [Цветкова, 2007: 3-4]. Однако в этнографической и краеведческой литературе нет прямых указаний на наличие тотемизма в представлениях и ритуальных практиках бабинских саами.

Таким образом, отчетливо видно, что духовная культура бабинских саами практически не изучена, поскольку такой цели не ставилось ранее. Остается нерешенным ряд вопросов. Имели ли место быть какие-либо особенности в дохристианских верованиях бабинских саами? В какой степени ими было усвоено православное христианство? Как происходило образование смешанных финско-саамских семей, и как взаимодействовали культуры обоих народов? Какое влияние на них оказала русская культура? Имело ли место влияние со стороны лютеранской церкви Финляндии на бабинских саами? Каким образом повлияла политика советской власти на бабинских саами (в частности, атеистическая пропаганда и переселение саами в село Ена)? Каковы современные проблемы в религиозной жизни в среде их нынешних потомков?

Для более глубокого понимания прошлых и современных процессов в духовной культуре бабинских саами и ответов на поставленные вопросы необходимо привлечь к исследованию более широкий круг источников (архивных материалов и неопубликованных дневников исследователей, проводивших полевую этнографическую работу на Кольском полуострове) и провести полевую работу среди современных представителей народа.

Сокращения

ГАМО – Государственный архив Мурманской области
ГОАУК – Государственное областное автономное учреждение культуры
ГОКУ – Государственное областное казенное учреждение
МОМ – Мурманский областной музей¹⁷
НВ – научно-вспомогательный фонд
ПИД – письменный источник – документ (наименование для коллекции «Документы»)

Архивные материалы

ГОАУК «Мурманский областной краеведческий музей»
Клировые ведомости Кандалакшского прихода за 1829-1905 гг. // MOM
НВ 2029/25 ПИД
ГОКУ «Государственный архив Мурманской области»
Клировые ведомости Кандалакшского прихода:
Ф. И-17. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 1-5об. (1831 г.), 11-15об. (1842 г.), 55-59об. (1843 г.); Д. 12. ЛЛ. 28-32об. (1845 г.); Д. 13. ЛЛ. 17-20об., 44-47об. (1846 г.); Д. 15. ЛЛ. 47-50об. (1853 г.);
Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 12-15об. (1886 г.); Д. 3. ЛЛ. 31-33об. (1888 г.).

Список литературы

Алымов В. К. Лопари Кольского полуострова // Доклады и сообщения. Мурманск: Мурманское общество краеведения, 1927. С.7-22.
Алымов В. К. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова. // Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Ленинград: Изд-во Академии наук, 1930. С.71-101.
Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX – начала XX вв. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014.
Владимиров В. Н., Силина И. Г., Чибисов М. Е. Приходы Барнаульского духовного правления в 1829-1864 гг. (по материалам клировых ведомостей). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006.
Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно; СПб., 1996.
Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 298-322.
Зайков П. М. Бабинский диалект саамского языка (фонологическое морфологическое исследование). Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1987.
Зайцев А. А. Клировые ведомости Терского берега конца XVIII – начала XX века: структура послужных списков священноцерковнослужителей // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 232-236.

¹⁷ Сокращение «МОМ» было принято в 1926 г. с образования Мурманского областного краеведческого музея и после выделения из него Мурманского областного художественного музея, внутренняя аббревиатура осталась прежней.

Карта «РСФСР. Карельская АССР и Мурманская область» (фрагмент.)
1939 год // Большой советский атлас мира // Сайт «Кольские карты».
URL://http://www.kolamap.ru/img/1939_bsam.jpg.

Керт Г. М. Образцы саамской речи. Материалы по языку и фольклору саамов Кольского полуострова. М-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.

Криквивцева О. А. Г.М. Керт — исследователь северных языков. Ена, 2005.

Криквивцева О. А. История села Ена. Ена, 2005.

Куварзин А. В заимандровских лесах // Газета «Кировский рабочий». 26.03.1935. С. 3.

Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI-XVIII вв. Модель социальной структуры. Серия DIEDUT. Альта, 2008. № 2.

Кучинский М. Г. Социальная организация саами Кольского уезда в XVI-XVIII вв.: источники и методы реконструкции. Дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 2007.

Кучинский М. Г. Саами Мурманской области: очерк современного положения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. Вып. 2. С. 114-128.

Немирович-Данченко В. И. Лапландия и лапландцы: Публичные лекции, читанные в 1875 г. в Санкт-Петербургском педагогическом музее. СПб: тип. В. А.Тушнова, 1877.

Робинсон М.П., Кассам К.-А. С. Саамская картошка: жизнь среди оленей во время перестройки. Москва: Альфа-Принт, 2000.

Саамские сказки / Сост. Е. Я. Пация, ред. Г. М.Керт. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1980.

Толстова Т. П. История Ены. Справочный материал. Ковдор: МУК «Центральная библиотечная система», 2007.

Толстова Т. П. Бабинский погост. Справочный материал. Ковдор: Ковдорский отдел Мурманского областного краеведческого музея, 1997.

Харузин Н. Н. Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: т-во скоропеч. А. А.Левенсон, 1890.

Цветкова Л. В. Сейды близкие и родные. Риколатва, 2007.

Чарнолуцкий В. В. В краю летучего камня. Записки этнографа. М.: изд-во «Мысль», 1972.

Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М.: изд-во «Наука», 1965.

Чарнолуцкий В. В. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. XI. Таллин: изд-во «Ээсти Раамат», 1966. С.301–315.

Чибисов М. Е. Клировые ведомости как источник по истории приходов Барнаульского духовного правления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1804-1864 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

Сведения об авторе

Зайцев Али Алимханович,
аспирант Кольского научного центра РАН

Zaycev Aly Alimkhanovich,
Post-graduate of Kola Science Centre RAS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

О. В. Змеева

X НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»

O. V. Zmeyeva

X CONFERENCE “LOCAL HISTORY READING”

В столице Республики Карелия Петрозаводске 11-12 февраля 2016 года состоялась X научная конференция «Краеведческие чтения». Юбилейную встречу исследователей, подготовленную Национальной библиотекой Республики Карелия, а также Петрозаводским Управлением Октябрьской железной дороги, Институтом языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Национальным архивом Республики Карелия, Национальным музеем Республики Карелия, организаторы посвятили 100-летию строительства Мурманской железной дороги. Сооруженная в 1916 г. железнодорожная магистраль соединила несколько крупных населенных пунктов, в числе которых Петроград, Петрозаводск, Кемь, Сорока, Кандалакша, Романов-на-Мурмане и др., открыла выход к незамерзающему заполярному порту, стала стратегическим объектом сначала в истории Российской империи, затем в СССР и, наконец, в Российской Федерации.

Вопросам истории строительства и современного функционирования железной дороги был посвящен первый день конференции. Во второй день специалисты обсуждали актуальные проблемы истории, культуры, образования Республики Карелия.

В мероприятии принимали участие исследователи из разных городов и учреждений науки, культуры, образования Республики Карелия, представители МВД по Республике Карелия, ветераны и краеведы городов и поселков Карелии. К сожалению, от Мурманской области был один представитель – сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН, г. Апатиты.

Открывали конференцию директор НБ РК Марина Викторовна Никишина и представитель Управления Октябрьской железной дороги Дмитрий Давидович Меркулов. Они подчеркнули значимость железнодорожного транспорта для современного развития региона, остановились на вопросах истории сооружения дороги. Строительство железнодорожного полотна «Мурманки», большая часть которого расположена на территории современной Республики Карелия, не только связало соседние регионы, но и привлекло в Северный край множество рабочих рук из отдаленных регионов страны. Некоторая часть строителей осталась, и теперь их потомки живут и работают в Республике Карелия, Мурманской и Ленинградской областях.

Пленарное заседание первого дня конференции показало актуальность изучения вопросов железнодорожного строительства на Севере. В докладах А. А. Голубева и Л. И. Капуста были обозначены исследовательские лакуны,

представлены перспективы изучения архивных и других материалов по истории строительства дороги. Выступление Е. Е. Ицксон показало «архитектурную историю взаимоотношений» города Петрозаводска и железной дороги.

Выступления первого дня конференции были распределены на три тематические секции:

Секция 1. История строительства Мурманской железной дороги.

Секция 2. Мурманская железная дорога в истории, экономике и культуре края.

Секция 3. Железная дорога в условиях войны.

Докладчики первой секции представили слушателям новые и неизученные ранее факты истории строительства Мурманской железной дороги, а также продемонстрировали информационные возможности, ценность и актуальность различных типов источников: архивных материалов, публикаций в периодических изданиях, фотодокументов, а также устно-исторических материалов (выступления А. С. Соколова и А. В. Антонова, О. В. Змеевой, Е. Ю. Дубровской, В. Н. Тетина).

Участниками второй секции были затронуты приоритетные вопросы потенциального использования железнодорожных перевозок в развитии туризма (К. В. Шафранская), транспортной кооперации (Е. В. Дианова), организации пассажирских перевозок (Р. С. Расюк). Кроме этого В. А. Ягодкина представила некоторые аспекты издательской деятельности типолитографии Мурманской железной дороги в Петрозаводске. А. О. Ю. Кулаковская на примере истории одной семьи рассказала о четырех поколениях железнодорожников.

На секции «Железная дорога в условиях войны» рассматривались вопросы функционирования железной дороги в периоды I и II Мировых войн. Материалы Национального архива Республики Карелия привлекались Е. С. Намятовой для демонстрации потенциала фондов, содержащих информацию об использовании труда военнопленных, их взаимоотношениях с другими группами рабочих в период Первой мировой войны. Доклад А. В. Федосова отразил функциональность полицейского обеспечения на строительстве дороги в 1915-1917 гг. Тема выступления Александра Валентиновича Федосова частично пересекается с докладом О.В. Змеевой, в котором представлены детали социальных, культурных и властных отношений как внутри группы стражников-«кавказцев», так и их взаимодействия с другими категориями участников строительства (военнопленными, вольнонаемными рабочими, начальниками участков и пр.).

В. Н. Копанев, Ю. Н. Зеленская и С. Г. Веригин докладывали о функционировании Кировской (Мурманской) железной дороги, работе отдельных железнодорожных станций, оказавшихся стратегическими в годы Великой Отечественной войны.

Первый день конференции завершился вечерним пленарным заседанием. С. Н. Филимончик представила доклад о роли Мурманской железной дороги в 1920-1930 гг. Ею были рассмотрены вопросы развития, использования государством железнодорожной магистрали в процессе начавшейся индустриализации Северо-Запада страны.

Второй день конференции предполагал рассмотрение проблемных исследовательских вопросов по истории и современности Карелии.

Пленарные доклады показали основные фокусы исследований – проблемы образования (доклад В. Г. Кондратьева о профессиональном образовании), снабжения региона (выступление Л. И. Вавулинской об обеспечении продовольствием в Карелии в 1944-1950 гг.), отражения социальных представлений (доклад Е. Г. Сойни об образе Валаама в русской прозе 1920-1930 гг.).

Второй день также подразумевал секционную работу, которая подтвердила актуальные направления, предложенные на пленарном заседании.

Секция 1. История.

Секция 2. Проблемы образования и детства.

Секция 3. Культура и историческая память.

Первая секция объединила разнообразие тематических выступлений. Это и «Карелия в русско-шведских войнах XVIII века» (М. В. Пулькин), и «Малоизвестные страницы истории герба Петрозаводска» (И. Б. Емелин), и «Женщина-медик на Карельском фронте в годы ВОВ» (Х. А. Ахтырцева) и т.д.

Вторая секция была посвящена истории и современным проблемам образования. Поднимались вопросы изменения статуса, здоровья, социальной защиты ребенка сквозь призму изменения образовательных институтов, функционирования диалектной лексики и пр. (доклады О. П. Илюхи, Н. А. Пеллинен, А. В. Чебаковской). Обсуждались вопросы образа школьника в финских букварях советской Карелии (Ю. Е. Козина), состава и квалификации педагогических кадров карельских школ (С. П. Морозова), проблемы использования устных материалов, полученных от выпускников школ (В. А. Карелин).

Третья секция объединила доклады преимущественно историко-этнографического и фольклорного характера. Выступления С. А. Минвалеева о сватовстве у карелов-людиков, А. В. Григорьевой о легенде, связанной с образом кижского мастера Нестора, Н. Л. Шиловой об образе города в кижских сюжетах русской прозы подтверждают интерес карельских исследователей к традиционным вопросам этнографии и фольклористики.

Доклад В. О. Рысова «Театр на колесах: история передвижного драматического театра г. Сортавала (1950-1962)» показал «историю жизни» одного культурного объекта, уникальный исторический опыт сохранения и функционирования передвижного театра малого города.

На заключительном пленарном заседании Н. Г. Урванцева представила доклад о жизни и творчестве Д. П. Ягодкина, в котором рассматривались история семьи, судьба его потомков, фрагменты исследовательской и творческой деятельности известного краеведа.

«Краеведческие чтения» 2016 г., таким образом, начались с железнодорожной «линии жизни» региона, а завершились биографическим исследованием «знатока родного края».

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Zmeyeva Olga Vasiliyevna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

И. А. Разумова

**РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО АНТРОПОЛОГИИ АРКТИЧЕСКОГО ГОРОДА**

I. A. Razumova

THE REGIONAL CONFERENCE ON THE ARCTIC CITY ANTHROPOLOGY

7 апреля 2016 года в Центре гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН состоялась региональная научная конференция «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования».

Выбор темы конференции был продиктован несколькими обстоятельствами. Во-первых, 2016 год – знаменательная дата в истории Мурманской области. Одновременно отмечается 100-летний юбилей областного центра и 50-летие города Апатиты, заслужившего репутацию «культурной столицы» области. Символические события послужили хорошим поводом для того, чтобы посвятить им конференцию и обсудить круг проблем, касающихся антропологии города. Он включает вопросы, связанные с историей создания городов на Крайнем Северо-Западе России, с формированием городской среды и адаптацией к ней человека, с особенностями урбанизированной культуры в целом и культурных ландшафтов отдельных арктических городов, достойный возраст которых позволяет говорить о наличии у них историко-культурного наследия. Мурманская область продолжает оставаться одним из самых урбанизированных регионов России, причем опыт советской урбанизации данной территории может рассматриваться едва ли не как «эталонный» в отношении темпов, методов, результатов, последствий – в том числе социальных и культурных.

Во-вторых, современная тенденция к расширению и активизации научных исследований арктических территорий предполагает не только углубленное изучение их природных ресурсов, экономических перспектив, технологических и экологических проблем, но и в высшей степени – человеческого, то есть культурного потенциала северных регионов. Важной научной задачей является осмысление опыта урбанизации Кольского Севера и создания конкретных городов, каждый из которых имеет свою историю и специфику. Изучение динамики идентичности различных групп населения, процессов межкультурных взаимодействий в городах, формирования региональной и городских общностей на протяжении советского и постсоветского периодов во многом служит предотвращению социальных конфликтов. Для сохранения социальных и культурных ресурсов региона большое значение имеет анализ проблем сохранения и использования историко-культурного наследия Кольского Севера, создания образа Мурманской области средствами массовой информации, литературы, путем популяризации научных знаний и т.д. Этим и ряду других актуальных вопросов истории, культуры, социальной жизни были посвящены заседания конференции и тематика докладов.

В-третьих, к настоящему времени в регионе, наряду с признанной мурманской школой исторического регионоведения, сформировались другие научные направления, сфокусированные на антропологических аспектах

общественно-научного и собственно гуманитарного знания. Они сосредоточены, прежде всего, в ЦГП КНЦ РАН и Мурманском арктическом государственном университете. Одной из задач научного мероприятия было объединение исследователей различных научных специальностей, которые, так или иначе, обращаются к антропологической тематике, в том числе научной молодежи, обмен мнениями по ряду проблем, знакомство с результатами текущих исследований, определение перспективных направлений.

Среди участников и гостей конференции были представители Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН и Мурманского арктического государственного университета, а также Мурманского областного краеведческого музея и Кольского филиала Петрозаводского государственного университета.

С приветственным словом к участникам обратились Глава муниципального образования город Апатиты А.Г. Гиляров и врио председателя Кольского научного центра РАН, д.г.-м.н. Ю.Л. Войтеховский. Директор ЦГП КНЦ РАН, д.г.-м.н. В.П. Петров (рисунок), открывая конференцию, отметил роль общественных и гуманитарных наук в изучении арктических территорий и важность изучения истории заполярных городов, которая представляет во многом беспрецедентный опыт научно-промышленного освоения Севера. Он также обратил внимание на то, что создание и развитие городов области, в том числе Апатитов, тесно связано с биографическим опытом и памятью людей, которые в них живут и трудятся.

Региональная научная конференция «Антропология арктического города: теория, методология, полевые исследования». Открытие и работа секции

В процессе работы конференции были проведены ряд заседаний, посвященных различным аспектам темы. В частности, рассматривались философско-методологические подходы и теории, в рамках которых возможны антропологические исследования города и горожан, были представлены результаты конкретных исследований, выполненных в рамках соответствующих методологий: Франкфуртской школы (доклад С. В. Шачина), социологии воображения (доклад А. А. Сауткина), теории социальной памяти (доклады И. А. Разумовой, К. Я. Коткина), теории социокультурных практик (доклад В. М. Воронова).

Городу Мурманску было посвящено отдельное заседание «Мурманск: история, биография, образ». Уникальный живописный образ города, созданный Я. А. Комшиловым, был рассмотрен в докладе О. В. Шабалиной. Яркий топонимический материал, представленный в докладе С. А. Антошиной, продемонстрировал историческую динамику городского пространства Мурманска. Анализ рисунков школьников из разных городов области показал, с помощью каких символических образов выстраивают современные подростки альтернативную историю Мурманска и тем самым – региона и страны (доклад О. В. Змеевой). Страницы новейшей политической истории через события, происходившие в Мурманске в период перестройки, были раскрыты в докладе А. В. Шеха.

«Предыстории» и начальным этапам истории города Апатиты и роли Мурманской железной дороги в освоении Хибин в 20-е годы XX века был посвящен содержательный доклад П.Е. Котляренко. По существу история Апатитов, как и малых городов Мурманской области, еще не написана. Процессы формирования городского населения региона во многом представляют историю миграций, этнические аспекты которой рассматривались на одном из заседаний конференции. В частности, история отдельных семей позволила реконструировать историю финского населения на Кольском полуострове в XX в. (доклад Е. В. Бусыревой), а материалы исследования материально-бытовых аспектов жизни этнических мигрантов постсоветского периода дают основания для изучения возможностей и проблем социальной интеграции этой категории горожан (доклад О. А. Сулеймановой).

Особый и актуальный ракурс в изучении этнокультурных процессов в городах составляют исследования церковно-религиозной жизни населения в различные исторические периоды. Религиозная ситуация и религиозные настроения верующих на Кольском и – шире – Европейском Севере России в 1930-е гг. были проанализированы Ю. П. Бардиловой на обширном архивном материале. В продолжение темы Я. В. Обухов рассказал о первых результатах полевого исследования представлений современных жителей Кировска об особенностях религиозной жизни города в советское время. Многолетние полевые антропологические исследования, посвященные процессу строительства православных культовых сооружений в постсоветский период, дали возможность А. С. Давыдовой сделать интересные выводы о роли церковных строений в культурном пространстве малого арктического города и отношении к ним разных категорий городских жителей (на примере города Полярные Зори).

В особом отношении к антропологии города находится культура аборигенного, по преимуществу сельского, населения региона. Урбанизированный мир создает определенные условия существования и трансформации традиционных этнических культурных моделей. Их изучение связано с рефлексией научного сообщества по поводу постановки проблем, методологии исследования, возможностей актуализации традиционной культуры в динамичных социальных контекстах. Методам лингвистического изучения этнической культуры был посвящен доклад О. Н. Иванищевой «Этнокультурная идентичность и язык (на материале языка коренного малочисленного народа)», а результаты конкретных эмпирических исследований саамского языка были представлены в докладах А. Ю. Шалаевой

(о проблемах изучения лексики на материале фитонимов) и П. В. Каменева (о семантике «дома» в языковой картине мира саамов). Проблемы изучения фольклора кольских саамов, связанные с языковыми процессами, собирательскими и эдиционными технологиями, теоретическим инструментарием рассматривались в докладе О. А. Бодровой. Проблемные вопросы, касающиеся восполнения лакун в исторических знаниях о культуре саамов, затрагивались в докладе А. А. Зайцева «Религиозные процессы в среде саами Бабинского сиййта: отражение в архивных источниках и литературе».

Все доклады вызвали интерес, вопросы и обсуждение, несмотря на лимит времени. Программа конференции размещена на сайте ЦГП КНЦ РАН. Тексты отдельных докладов публикуются в настоящем выпуске «Трудов» КНЦ РАН.

В целом конференция продемонстрировала возможность продуктивного диалога на одном научном языке специалистов в различных областях знания: этнологов, историков, философов, филологов, – в сферу интересов которых включается антропологическая проблематика, в данном случае объединенная темой «человек и город». Результаты конференции убеждают в том, что социально-антропологические исследования населения и городов Кольского Севера имеют перспективу.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Razumova Irina Alekseyevna,

Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow of the Barents centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

О. А. Бодрова

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ
НА ЛЕДОКОЛЕ “КРАСИН” – 2016. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРКТИКЕ.
ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ, СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 28-29 АПРЕЛЯ 2016 Г.**

О. А. Bodrova

**SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «POLAR READINGS
ON THE ICEBREAKER “KRASIN” – 2016. CULTURAL HERITAGE
IN THE ARCTIC. STUDYING, PRESERVING AND POPULARIZING».
ST. PETERSBURG, 28-29 APRIL 2016**

IV Полярные чтения на ледоколе «Красин» состоялись в рамках программы третьего Фестиваля ледоколов на Неве. Темой научно-практической конференции стало «Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации». Легендарный для истории отечественного Северного флота ледокол «Красин», являющийся филиалом Музея Мирового

океана в Санкт-Петербурге, проводит Полярные чтения ежегодно (рис.), собирая в салоне команды исследователей, политиков и деятелей культуры, равнодушных к арктической тематике. Четвертые Чтения явились естественным продолжением Концепции сохранения и использования культурного наследия в Арктической зоне РФ, разработанной Межведомственной комиссией по морскому наследию Морской коллегии при Правительстве РФ 24 октября 2014 г. в Архангельске. Задачи конференции заключались в выявлении слабоизученных тем, связанных с культурным наследием, в определении связанного с ним комплекса проблем и выработки практических рекомендаций. Работа велась по двум основным направлениям: 1) материальное культурное наследие в Арктике (вопросы сохранения археологических памятников, экспедиционных объектов, объектов советского прошлого, подводного наследия и пр.); 2) нематериальное культурное наследие (традиционное природопользование как основа культурной самобытности коренных арктических народов, культурные ландшафты Арктики и промышленное освоение, Арктические музеи, туристическое и образовательное использование объектов культурного наследия и т.д.).

Ледокол «Красин»

На конференции выступили 40 участников и присутствовали более 80 слушателей. Доклады были посвящены основным проблемам изучения, сохранения и популяризации историко-культурного и природного наследия в Арктике. Были выявлены как наиболее актуальные аспекты, так и, наоборот, слабоизученные темы, связанные с историческим, культурным и природным наследием в Арктической зоне РФ, внимание к которой возросло в последнее

время благодаря общему мировому интересу к Арктике. Одной из главных проблем, освещаемых на конференции, стали противоречия, вызываемые развитием арктического туризма, важнейшим ресурсом для которого являются не только природные, но и историко-культурные объекты арктического наследия. Их вовлечение в сферу государственной политики является делом огромной важности, особенно с учетом рисков их утраты ввиду отсутствия действенной системы сохранения, а также вследствие глобальных природно-климатических процессов. Наряду с проблемами сохранения культурных и природных объектов в Арктике значительное внимание в докладах было уделено коренным малочисленным народам Севера, уникальную культуру которых чл.-корр. РАН А. В. Головнев предложил считать нематериальными объектами культурного арктического наследия.

Обсуждение целого ряда докладов вызвало горячие дискуссии среди участников. В первую очередь это темы, связанные с промышленным освоением Арктики и развитием туризма в этой природной зоне. Было отмечено, что оба процесса негативно сказываются не только на экологическом состоянии уязвимой арктической природы, но и на культуре коренных северных народов. В частности, «проклятием Газпрома» был назван опыт привнесения «цивилизации» в быт ненцев, которым в каждый чум был подарен генератор, что имело не самые благоприятные последствия. К разрушению культуры аборигенных арктических народов ведет и «мода на номадизм», благодаря которой этнография сегодня стала товаром, активно потребляющимся туристами. Другой стороной медали в результате резко вспыхнувшего интереса к коренным народам стало несправедливое снижение внимания к культурному наследию некоренного населения Арктической зоны, о котором стали почему-то забывать на фоне КМНС. Одним из самых дискуссионных вопросов явилось обсуждение статуса исторических и промышленных объектов, превратившихся ныне в руины. Можно ли считать культурными памятниками, например, обломки военной техники, руины зданий, надписи, оставленные покорителями Арктики советской эпохи, или же это мусор, требующий утилизации.

Ряд докладов был посвящен проблемам культурного наследия на Кольском полуострове, в частности, доклады В. Я. Шумкина «Проблемы сохранения археологического наследия Северо-Западной Арктики», Е. Ю. Терещенко «Культурное наследие Арктики в новом интернет-ресурсе», Т. Б. Никитиной и К. Н. Пешинной «Сохранение и популяризация историко-культурного наследия Восточного Мурмана», научного сотрудника ЦГП КНЦ РАН О. А. Бодровой «Кольский арктический Север как воображаемое пространство».

В результате работы конференции участниками была выработана Резолюция, содержащая некоторые рекомендации по сохранению материального и нематериального наследия Российской Арктики к органам власти, научно-исследовательским организациям и другим заинтересованным сторонам. Некоторые из пунктов Резолюции затрагивают вопросы сохранения культурных и природных объектов на Кольском полуострове. Так, в пункте 17 прописана рекомендация Минкультуре России включить в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации по серийной номинации «Петроглифы России» один из крупнейших центров древнего наскального искусства Северной Европы археологический

комплекс «Петроглифы Канозера» (Мурманская область) с последующим номинированием его на включение в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. В пункте 21 предлагается поддержать предложение о целесообразности создания единого Национального парка на полуостровах Средний и Рыбачий (Мурманская область), вместо учрежденного Правительством Мурманской области природного парка регионального значения с крайне «урезанными» территориальными зонами. В пункте 22 рекомендуется комитету по культуре и искусству Мурманской области провести работы по постановке на государственный учет памятника истории мореплавания – плиты с надписями российских и иностранных мореходов XVI-XIX вв. на острове Аникеев в Баренцевом море и комплекса древних наскальных изображений (петроглифы) Чальмны Варрэ на р. Поной. В общей сложности Резолюция включает 24 пункта.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Bodrova Olga Aleksandrovna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Н. Н. Измоденова

**ЗМЕЕВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА «НОВЫЙ ДОМ» ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ:
ЭТНИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ**

N. N. Izmodenova

**ZMEYEVA OLGA VASILYEVNA "THE NEW HOME" FAR AWAY FROM
MOTHERLAND: ETHNIC MIGRANTS IN THE KOLA NORTH**

Змеева Ольга Васильевна «Новый дом» вдали от Родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. 95 с.

Монография О. В. Змеевой посвящена актуальным проблемам, связанным в основном с миграционными процессами в постсоветский период, анализу адаптации мигрантов к новым условиям жизни и привыкания местного населения к «чужакам». Мигранты в монографии – это «кавказцы». Автор исследует этномиграционные и социокультурные процессы, используя полевой материал: интервью и письменные записи респондентов, которые собирались в течение 5 лет, с 2004 по 2009 гг., документы Государственного архива Мурманской области, Научного архива Кольского научного центра РАН, Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН, результаты Всесоюзных и Всероссийских переписей населения Мурманской области, статистические сборники. С учетом региональной специфики О. В. Змеева разработала методику, направленную на изучение взаимных представлений мигрантов – «кавказцев», с одной стороны, и принимающего населения – «северян», с другой стороны. Новые исследования подтверждают релевантность разработанного подхода¹⁸.

В монографии О.В. Змеевой представлены как рассказы мигрантов о своих впечатлениях и оценках нового места жизни и о местном населении, так и суждения жителей городов Мурманской области о «кавказцах», как особой этнической группе, в которую они включают различные народы не только Кавказа и Закавказья, но и других регионов, которые территориально не

¹⁸ Разумова И. А., Змеева О. В. «Я решил жить здесь...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (142), Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2014. С. 13-17; Змеева О.В. Отношение жителей малого промышленного города к мигрантам // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. Вып. 6. Гуманитарные исследования. С. 87-98.

относятся к Кавказу. Т. е. «кавказцы» – это квазиэтническая группа, сформировавшаяся в общественном сознании северян в результате существующих и достаточно устойчивых в народном сознании этнических стереотипов о социальных, культурных, профессиональных, антропологических особенностях различных народов.

Автор подробно анализирует изменение национального состава и показывает статистику этнической ситуации в разные исторические эпохи процесса промышленного освоения Кольского Севера. Основываясь на исторических документах и исследованиях историков, О. В. Змеева выделяет три периода развития этнической ситуации в Мурманской области, которые совпадают с историческими вехами истории России (Российская империя, СССР, Российская Федерация). Эти эпохи отличаются по технологии рекрутирования работников на строительство промышленных объектов и их (работников) этнического разнообразия. В дореволюционный период это колонисты – как подданные Российской империи, так и иностранцы, при условии принятия российского подданства. Очень интересен эпизод с описанием строительства Мурманской железной дороги, когда впервые в этом регионе появляются «кавказцы», также китайцы и маньчжуры как вольнонаемная рабочая сила, военнопленные (венгры, чехи т. д.). «Кавказцы» в это период занимают специфическую нишу – они стражники, основной функцией которых остается охрана рабочей силы от побега с места строительства.

В период существования СССР выделяются качественно различные эпохи, но их объединяет, исключая периоды Гражданской войны и ВОВ, интенсивное строительство промышленных предприятий, научных институтов АН СССР, городов для привлечения и закрепления населения в этом регионе. Население росло за счет не только спецпереселенцев, но и добровольцев, и приглашенных, и бывших военнослужащих, и приехавших по распределению после окончания учебных заведений (РУ, ПТУ, техникумов и вузов.) Это были представители многонационального советского народа. Переписи нам дают возможность говорить о том, что представители «кавказских национальностей» присутствуют в населении области, но большинство составляют славянские этносы – русские, украинцы, белорусы. Знание русского языка, как языка межнационального общения, и массовое образование снимали остроту конфессиональных различий, элиминировало межнациональные и межконфессиональные проблемы дореволюционного периода, о которых пишет автор работы.

Ситуация начинает меняться с распадом СССР. Теперь бывшие граждане общей страны в России становятся беженцами, мигрантами, «чужими». Идентичность новых государств достигается поиском «национальных идей», что приводит к господствующему статусу государственного национального языка, возрождению религиозности населения, что не способствует взаимопониманию между принимающим и приезжающим населением, о чем и повествует автор в своей работе.

О.В. Змеева анализирует историю появления экзоэтнонимов «лицо кавказской национальности», «кавказцы» с негативными коннотациями и с неразличимостью этносов, которые обобщены этой номинацией. В этой номинальной группе выделяется одна – «азеры» – с соответствующим этническим указанием, но с теми же негативными характеристиками. Автор

цитирует суждения своих респондентов – северян, в которых приписываются негативные антропологические, гендерные, профессиональные, личностные, культурные характеристики представителям этой номинальной группе. Это во многом, как указывает автор, связано с историческими процессами России (война в Чечне, Карабахский конфликт, теракты в России и т.д.). С другой стороны, для «кавказцев» Мурманская область представляется как пространство без войны и межэтнических конфликтов, с рабочими местами, возможностью заработать, купить жилье, получить образование, стать семейным человеком.

Монография ценна «живыми голосами» людей, которые проживают сложный период своей жизни, их повседневность проблематизирована, так как им приходится осваивать новые системы поведения и взаимоотношений с «другими», многим приезжим – язык. Это относится не только к мигрантам, но и к местному населению.

О. В. Змеева продолжает изучение миграционных процессов в Мурманской области. Последние ее работы (в соавторстве с О. А. Сулеймановой) посвящены проблемам украинских беженцев и их отражению в СМИ¹⁹. Новые мигранты меняют этнокультурную ситуацию, появление в области беженцев (украинских переселенцев, выходцев из стран Ближнего Востока, Африки и т.д.) может дестабилизировать сложившуюся относительно спокойную этническую атмосферу в регионе. Монография О. В. Змеевой «"Новый дом" вдали от Родины: этнические мигранты на Кольском Севере» остается актуальной, выявленные обстоятельства формирования экономической и этносоциальной стабильности для мигрантов, которые эффективно действовали в первое десятилетие XXI века, сегодня могут стать базовыми факторами для сохранения Кольского полуострова как этнически благополучного пространства.

Рецензент: Измоденова Н. Н., канд. филос.н., доцент, зав. кафедрой философии и социологии КФ ПетрГУ.

Сведения об авторе

Измоденова Н.Н.,

к.филос.н., доцент, зав. кафедрой философии и социологии КФ ПетрГУ

Izmodenova Nina Nikolaevna,

PhD (Philosophy), associate Professor Head Department of Philosophy and Sociology of the Kola Branch of the Petrozavodsk State University

¹⁹ Змеева О. В., Сулейманова О. А. «Север подставил плечо»: размещение и трудоустройство украинских «братьев» в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. Вып. 7. Гуманитарные исследования. С. 7-29; Змеева О. В., Сулейманова О. А. «Украинские беженцы» в региональных СМИ (Мурманская область) // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. Вып. 8. Гуманитарные исследования. С. 7-27.

AD MEMORIAM

Е. Я. Пация

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ЛУКЬЯНЧЕНКО
(04.04.1932 – 12.03.2016)

E. Ya. Patsia

IN MEMORY OF TATYANA VASILYEVNA LUKYANCHENKO
(04.04.1932 – 12.03.2016)

Основная сфера научных интересов кандидата исторических наук Татьяны Васильевны Лукьянченко – этнография народов, населяющих Европейский Север России. Она является специалистом в области этнографии кольских саамов, коми и ненцев, их этногенеза, этнической истории, проблем семьи и семейно-брачных отношений, религиозных верований, а также различных правовых аспектов их современного этнического развития и межэтнических конфликтов.

У коренной москвички Татьяны Васильевны была счастливая научная судьба. Окончив кафедру этнографии МГУ в 1955 г., она сразу же попадает на работу в Институт этнографии АН СССР в отдел Севера и Сибири. За годы работы в Институте Т. В. Лукьянченко провела более 25 полевых сезонов в разных районах Европейского и Азиатского Севера, Сибири, участвовала в зарубежных экспедициях на Европейский Север. Знание английского языка способствовало многолетнему сотрудничеству с норвежскими, шведскими, финскими и канадскими этнографами.

И все же основное место приложения творческих сил Татьяны Васильевны было село Ловозеро в Мурманской области. Ее знают и помнят здесь с 1961 года. Для многих семей она стала другом. Двери ее московской квартиры были всегда открыты. Как вспоминает неформальный лидер кольских саамов Лариса Авдеева: «Никогда не было ощущения, что мы – «исследуемые», никогда она не отказывала в просьбах. Наша семья сейчас испытывает чувство утраты очень близкого человека».

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера начал формироваться в начале 1970-х гг. как филиал музея Географического общества (ГО) СССР. С этого периода Т. В. Лукьянченко была его консультантом и партнером. Принимала участие в работе этнографической секции Северного филиала (СФ) ГО СССР, публиковалась в различных выпусках ежегодника «Природа и хозяйство Севера». В 1970-1980 гг. СФ ГО СССР был инициатором и организатором нескольких крупнейших региональных совещаний, на которые в г. Апатиты собирались участники со всей огромной тогда страны. В их числе «Региональное совещание по проблемам географии, истории, этнографии и языков северной Европы» (1977), «Совещание по проблемам этногенеза и древней истории саамов» (1981).

В начале 1990-х гг. сотрудники Музея-Архива, Татьяна Васильевна и группа ученых из Финляндии провели совместный трехлетний полевой сезон. Итогом стала коллективная монография, опубликованная в Финляндии.

Почти за 60 лет научных исследований у Татьяны Васильевны вышло в свет более 200 научных публикаций, посвященных коренным малочисленным народам Севера. Среди них наиболее востребованы: изданная в 1971 г. «Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX – начале XX в.»; вышедший в 1979 г. труд «Расселение Кольских саамов в XVI-XVII вв.», появившаяся в 1993 г. монография «Саамы России», а так же опубликованная в 1994 г. в рамках энциклопедии «Народы России» книга «Саамы». Стараниями Татьяны Васильевны была переведена с латинского на русский язык книга «Лапландия» И. Шеффера (1673 г.). В этом издании Т. В. Лукьянченко – один из ответственных редакторов и автор комментариев. Впервые в России книга Шеффера «Лапландия» увидела свет в 2008 г. через 335 после первого издания.

Сведения об авторе

Пация Евгения Яковлевна,

зав. сектором Музея истории изучения и освоения Европейского Севера
Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Patsia Eugenia Yakovlevna,

head of the Sector of the Museum-Archives of Barents centre of the Humanities KSC RAS

Научное издание

ТРУДЫ
КОЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 9

Технический редактор В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 20.06.2016

Формат бумаги 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times/Cyrllic

Усл. печ. л. 21.4. Заказ № 33. Тираж 100 экз.

Российская Академия Наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Кольский научный центр Российской академии наук
184209, Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14

ISBN 978-5-91137-334-4

9 785911 373344

